

НОВЫЕ СМЫСЛЫ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ
МОЛОДЕЖИ

50 лет исследования

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЦЕНТР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НОВЫЕ СМЫСЛЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ МОЛОДЕЖИ

50 лет исследования

МОСКВА • 2015

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIOLOGY**

**THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
CENTER OF SOCIOLOGICAL RESEARCHES**

NEW MEANINGS IN EDUCATIONAL STRATEGIES OF YOUTH

50 years of research

MOSCOW • 2015

УДК
ББК

К65

Руководитель проекта — *Д.Л. Константиновский*

Авторский коллектив: Абрамова М.А. (гл. 2), Вознесенская Е.Д. (гл. 4), Гончарова Г.С. (гл. 2), Константиновский Д.Л. (Введение, Заключение, гл. 5), Костюк, В.Г. (гл. 2), Попова Е.С. (гл. 3), Чередниченко Г.А. (Введение, Заключение, гл. 1, 6)

Публикуется по решению Ученого совета Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института социологии РАН

Рецензенты:

доктор социологических наук *Г.А. Ключарев*;
кандидат социологических наук *Н.А. Шматко*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект «Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи», №13-03-00028.

К65 Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования [монография] / Д.Л. Константиновский, М.А. Абрамова, Е.Д. Вознесенская, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк, Е.С. Попова, Г.А. Чередниченко. — М. : ЦСП и М, 2015. — 232 с.

ISBN 978-5-906001-05-4

Монография представляет исследование образовательных стратегий молодежи, которое является современным этапом уникального социологического проекта, начатого 50 лет назад В.Н. Шубкиным. Содержатся как только что полученные результаты, так и накопленные в предшествующие годы осуществления проекта. Приводятся наиболее существенные из результатов, которые характеризуют изменения, происходившие в эти годы в самоопределении молодежи в связи с переменами в экономической, социальной, демографической ситуации в нашей стране. Рассматриваются особенности социокультурного развития Новосибирской области, устремления молодежи и ее действительные шаги при выборе пути после школы, особенности динамики социальной дифференциации при получении образования юношами и девушками разных поколений, основные компоненты, из которых у современной молодежи складывается представление о радикально меняющемся мире занятий, особенности мотивации, с которых зарождается представление о будущей деятельности. Главное внимание уделено новым смыслам, которые современная молодежь вкладывает в формирование своих образовательных ориентаций и профессионального выбора.

УДК
ББК

ISBN 978-5-906001-05-4

© Коллектив авторов, 2015
© ЦСП и М, 2015

УДК
ББК

K65

Head of the project — *D. Konstantinovskiy*

Authors: Abramova M. (chapter 2), Voznesenskaya E. (chapter 4),
Goncharova G. (chapter 2), —Konstantinovskiy D. (Introduction,
Conclusion, chapter 5), Kostyuk V. (chapter 2), Popova E. (chapter 3),
Cherednichenko G. (Introduction, Conclusion, chapter 1, 6)

*The research was supported by the Russian Foundation for Humanities,
project “New meanings in educational strategies of youth»,
№ 13-03-00028.*

K65 New Meanings in Educational Strategies of Youth: 50 years
of research [monograph] / D. Konstantinovskiy, M. Abramova,
G. Cherednichenko, G. Goncharova, V. Kostyuk, E. Popova,
E. Voznesenskaya. — M. : Social Forecasting and Marketing
Center, 2015. — 232 pp.

ISBN 978-5-906001-05-4

The monograph represents main results of the research of educational strategies of youth. The research is a contemporary part of unique sociological longitudinal project that was begun by Prof. V.N. Shubkin almost 50 years ago. Both the last results and those obtained and accumulated in previous years of the project are described. The most significant characteristics of the changes that have occurred in self-determination of young people in connection with changes in the economic, social, demographic situation in our country during these years are studied. Specifics of the socio-cultural development of the Novosibirsk region are considered. The aspirations of young people and their real steps while choosing future life trajectory, the dynamics of social differentiation in education for different generations of young men and women are examined. The main factors that form youth notion on radically changing world of professions and the features of motivation that gives start for future youth activities are analyzed. Special attention is given to new meanings that modern youth contribute in their educational strategies and vocational choices.

© Authors, 2015

© Social Forecasting

and Marketing Center, 2015

ISBN 978-5-906001-05-4

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Характеристика исследования	8
--	----------

Раздел I СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Глава 1. Система образования, рынок труда и занятость молодежи	18
Глава 2. Региональная специфика образования	62

Раздел II ФОРМИРОВАНИЕ ОРИЕНТАЦИЙ

Глава 3. Образовательные стратегии молодежи: мотивация выбора	98
Глава 4. Молодежь и профессии	123

Раздел III ОТ ОЖИДАНИЙ К РЕАЛЬНОСТИ

Глава 5. Окончание школы, намерения и реальность: что хотели — что получили	184
Глава 6. Особенности образовательных стратегий сельской молодежи	210
Заключение	229

CONTENTS

Introduction. Characteristics of research	8
--	----------

Part I SOCIAL DYNAMICS

Chapter 1. The system of education, labour market and youth employment	18
Chapter 2. Regional specificity of education	62

Part II FORMATION OF ORIENTATIONS

Chapter 3. Educational strategies of youth: motivation of choice	98
Chapter 4. Youth and professions	123

Part III FROM EXPECTATIONS TO REALITY

Chapter 5. Graduation from school, intentions and reality: what did they want — what did they get.	184
Chapter 6. Features of educational strategies of rural youth	210
Conclusion	229

ВВЕДЕНИЕ: ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

Исследование образовательных стратегий молодежи, результаты которого предлагаются в этой книге, представляет собой современный этап уникального социологического исследовательского проекта, начатого 50 лет назад В.Н. Шубкиным в Сибири. Напомним историю этого проекта и дадим краткую его характеристику, чтобы представить читателю цель и специфику данного исследования.

Исследование социальных проблем молодежи, образования и выбора профессии, начатое В.Н. Шубкиным в Новосибирской области в 1962 году, продолжается по настоящее время Отделом социологии образования Института социологии РАН. Оно представляет собой серию взаимосвязанных исследовательских, на первом этапе полностью повторных социологических проектов, включающих изучение как ориентаций, так и действительных жизненных путей, как устремлений, так и реальных возможностей следующих одна за другой когорты выпускников средних школ. Результаты отдельных этапов этого многолетнего проекта и ряда стимулированных им самостоятельных крупных исследований известны читателю по ряду публикаций¹.

¹ *Шубкин В.Н.* Социологические опыты (Методологические вопросы социальных исследований). М.: Мысль, 1970; *Константиновский Д.Л., Шубкин В.Н.* Молодежь и образование. М.: Наука, 1977; *Константиновский Д.Л.* Динамика профессиональных ориентаций молодежи Сибири. Новосибирск: Наука, 1977; *Костюк В.Г., Траскунова М.М., Константиновский Д.Л.* Молодежь Сибири: образование и выбор профессии. Новосибирск: Наука, 1980; *Чердниченко Г.А., Шубкин В.Н.* Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М.: Мысль, 1985; *Константиновский Д.Л.* Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999; *Константиновский Д.Л.* Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. М.: ЦСО РАО, 2000; Когда наступает время выбора (Устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений) / Отв. ред. Г.А. Чердниченко. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001; *Чердниченко Г.А.* Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (Опыт социологического исследования). СПб.: Изд-во РХГИ, 2004; *Константиновский Д.Л.* Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008; *Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чердниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А.* Образование и жизненные траектории молодежи: 1998-2008 годы. М.: ЦСП и М, 2011; *Чердниченко Г.А.* Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСП и М, 2014; *Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чердниченко Г.А.* Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСП и М, 2014.

При реализации этого проекта исследователи исходят из того, что общественное поведение юношей и девушек является результатом сложного взаимодействия различных факторов, определяемых как спецификой личности, так и влиянием внешних воздействий на нее. В этом взаимодействии внешним условиям принадлежит особая роль, ибо сама индивидуальность формируется в значительной степени под их влиянием. В конечном счете они определяются экономическими условиями, а непосредственно — воздействиями групп и организаций, которые имеют специфические нормы и ценности, транслируемые индивиду. Вот почему исследование всегда велось и ведется как комплексные, охватывающие социальные, экономические, демографические проблемы. Программа проекта предусматривает изучение разных групп молодежи — городской и сельской, юношей и девушек, выходцев из семей, представляющих различные социально-профессиональные группы. Методические подходы, применяемые в проекте, создают информационную основу для сопоставления намерений, устремлений юношей и девушек с тем, как фактически складываются их судьбы. Данные об ориентациях позволяют углубить интерпретацию материалов по действительным жизненным путям, рассматривая их под углом зрения устремлений молодых людей.

Особенность проекта и в том, что ведется исследование как статических «срезов», позволяющих судить об ориентациях и действительных жизненных путях молодежи в определенные периоды, в конкретных экономических, политических, социальных, демографических условиях, так и динамики ориентаций и характера жизненных путей; зависимости их от изменения во времени ведущих факторов, детерминирующих эти условия. Продолжение массовых обследований создало уникальный динамический ряд, позволяющий анализировать ход процессов на протяжении половины столетия.

За период, в течение которого в рамках исследовательского проекта ведется слежение за динамикой изучаемых процессов, накоплены материалы, позволяющие судить об устойчивых взаимосвязях и основных изменениях в происходящем, о конкретном влиянии важнейших факторов и тенденциях динамики. Поскольку обследования были начаты ранее проявившихся в последние годы разносторонних трансформаций в жизни страны и продолжены до настоящего времени, то создается возможность увидеть эффекты их воздействий: воссоздать предшествовавшие фазы того положения, что установилось сегодня, и проследить, как соотносятся изменения интересующих нас параметров с глобальными переменами в российской действительности.

Несомненно, возможности изучения ориентаций и возможностей молодежи имеют ограничения. Далекое не все интересую-

щие социолога аспекты исследования могут быть реализованы в корректном анализе. Методики измерения в разной степени «грубы» применительно к различным граням проблематики, понятиям и показателям. Не всегда есть возможность количественно уяснить существенные влияния и их следствия, — иногда из-за отсутствия соответствующих статистических материалов, а порой потому, что сама природа изучаемых проявлений жизни общества такова, что они с трудом поддаются измерению. Понимание такого рода ограничений очень важно для подхода к материалам исследования. Вместе с тем, ряд исследовательских задач, безусловно, может быть решен.

Комплексный подход, примененный в исследованиях, означает, как выше уже подчеркивалось, что социальные ориентации, равно как и жизненные пути молодежи, рассматриваются на широком социальном фоне, в связи с динамикой влияющих на них процессов и явлений — демографической ситуации, рынка труда и структуры занятости, развития системы образования и пр. Большая часть обобщений основывается на данных, полученных в ходе серии взаимосвязанных между собой социологических исследований, и на композиции этих данных с материалами государственной и ведомственной статистики; приводятся также другие данные, публиковавшиеся в печати, и различные документы². Ознакомим вкратце читателя со специфическими методическими подходами авторов исследовательского проекта к сбору и анализу информации.

«Проект 17-17» — исследование по проблемам образования, выбора профессии и трудоустройства молодежи, было начато массовыми опросами в Новосибирской области в 1963 г. и вскоре было продолжено в ряде других районов страны. Анализ этих проблем осуществлялся на теоретическом и эмпирическом уровнях, как в статике, так и в динамике, что потребовало решения ряда методических задач измерения, использования математических методов, разработки моделей и программ проведения систематических массовых обследований молодежи по единой методике на протяжении многих лет.

² Используются первичные материалы, предоставленные Федеральным агентством по статистике Российской Федерации, Федеральным агентством по образованию Российской Федерации, управлениями Министерства образования и науки Российской Федерации, Департаментом образования Новосибирской области, Московским комитетом образования. Используются также данные, опубликованные в периодических статистических сборниках Федерального агентства по статистике Российской Федерации, Министерства образования и науки Российской Федерации, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

В обследованиях сочетался анкетный опрос и сбор объективной информации³. Ежегодно перед окончанием школы (обычно в мае) проводился опрос по «Анкете выпускника», где регистрировались ожидания, личные планы, профессиональные склонности и т.п. юношей и девушек. Одновременно собиралась подробная социально-демографическая информация персонально о каждом из выпускников. Затем, примерно через полгода, фиксировалась информация о том, какие в действительности решения были приняты, какие профессии реально избраны, куда поступили работать или учиться выпускники после окончания средней школы. На том же объекте и по той же методике эти исследования с 1963 г. повторялись ежегодно в течение десяти лет и эпизодически проводились в последующие годы, в том числе исследователями, которых интересовали сопоставления данных по Новосибирской области с другими районами Сибири⁴.

Основные типы выборок определились в связи с разработкой схемы анализа. В качестве генеральной совокупности рассматривались учащиеся, окончившие школы Новосибирской области в каждом данном году. В первые годы проводились сплошные обследования всех выпускников средних школ области. В дальнейшем в связи с тем, что численность старшеклассников стала быстро возрастать (а в 1966 г. был еще и сдвоенный выпуск из средней школы), обследовались учащиеся средних школ так называемого сопоставимого массива — школ, которые из года в год предоставляли всю необходимую информацию (и анкеты в мае, и данные о трудоустройстве осенью). Это было вызвано необходимостью решать задачи сопоставления и проверки устойчивости информации в динамике. В сопоставимом массиве соблюдались пропорции частей генеральной совокупности (вся она была разделена на 8 частей: юноши г. Новосибирска, юноши средних городов, юноши малых городов, юноши села; девушки г. Новосибирска, девушки средних городов, девушки малых городов, девушки села). Созданный банк информации позволил изучить личные планы молодежи Сибири и их реализацию, привлекательность профессий, социальную и профессиональную мобильность при выборе профессии, шансы разных групп на получение образования и пр.

Как продолжение реализации «Проекта 17-17» было осуществлено еще одно повторное исследование, которое было условно

³ Подробно о методике см.: *Шубкин В.Н.* Социологические опыты, с. 151-170; *Шубкин В.Н., Чердниченко Г.А.* Ценностные ориентации в структуре профессионального самоопределения старшеклассников. Типовая методика проведения социологического исследований ценностных ориентаций старшеклассников в области профориентации. М.: ЦСО РАО, 1994.

⁴ *Костюк В.Г., Траскунова М.М., Константиновский Д.Л.* Молодежь Сибири: образование и выбор профессии. Новосибирск, 1980.

названо «Двадцать лет спустя». Речь идет об обследовании по той же методике на том же сопоставимом массиве выпускников школ Новосибирской области, проведенном в 1983 г.⁵ С теоретической и методической точек зрения подобное исследование дало, например, возможность на достоверной и надежной эмпирической базе изучать динамику социальных процессов и проблем трудоустройства и выбора профессии молодежью на длительном отрезке времени — на протяжении двадцати лет, т.е. по сути речь идет о сравнительном анализе, который приводит исследование к проблематике, связанной со сменой двух поколений.

В 1994 и 1998 гг. массовые обследования в Новосибирской области были проведены вновь. Кроме того, в 1994 г. обследования осуществляются еще и в Краснодарском крае, а в 1994 и 1998 гг. — в Москве, что создает возможность сопоставлений данных по разным регионам и одновременно ведет к получению динамического ряда от начала 60-х до конца 90-х годов⁶.

Выборки 1983, 1994 и 1998 гг. строились как ступенчатые комбинированные. На первом этапе отбирались поселения, в которых предполагалось проводить обследование. Ими были: областная центр, средние, малые города области и рабочие поселки, а также села. Поселения выбирались из разных районов области по принципу типичности. При отборе учитывались численность населения, состояние экономики, развитость инфраструктуры системы образования, размещение на транспортных магистралях и близость/удаленность от районных или областного центра. В выборку попали поселения, как расположенные вблизи Новосибирска, так и удаленные от него, как села-райцентры, так и дальние малые села с небольшими сельскими школами.

В самом Новосибирске по такому же принципу отбирались районы города: учитывались данные о структуре экономики, размещении учебных заведений, социальном составе жителей района и его положении относительно центра города. Поэтому в выборке

⁵ Обследование осуществлялось сотрудниками сектора социологических исследований молодежи Института истории, филологии и философии СО АН СССР и сотрудниками сектора исследований молодежи Института международного рабочего движения АН СССР.

⁶ Исследовательский проект осуществлялся в Центре социологии образования и молодежи Института социологии РАН; сотрудники центра непосредственно проводили опросы в Москве. В Новосибирской области обследования были реализованы с помощью работников народного образования. Подготовка информации 1963 и 1983 гг. на основе единых кодов к обсчетам и сами обсчеты осуществлены Н.А. Тарасовой в ЦЭМИ РАН. Компьютерные расчеты этих и последующих данных производились по программе, разработанной И.Б. Мещеряковым.

оказался как центральный район, с относительно повышенным удельным весом жителей с высшим образованием и служащих, так и окраинный рабочий район; были там и «срединные» с этой точки зрения районы. Работа велась экспертами — экономистами, социологами, работниками народного образования — совместно с научными сотрудниками исследовательского проекта.

На втором этапе на основе данных о генеральной совокупности — пропорции выпуска в школах областного центра, средних городов, малых городов и сел — определялась необходимая численность обследуемых в разных типах поселений. Далее отбирались конкретные школы для опросов в каждом из отобранных для обследования населенных пунктах. Главным критерием при выборе школы была типичность: с точки зрения социального состава учащихся, уровня квалификации преподавательского персонала, степени успехов выпускников школы при поступлении в вузы, характеристики девиантного поведения учащихся. Были поселения, к примеру малые села, где была лишь одна школа, которая и включалась в выборку. И напротив, в выборку не включались исключительные в каком-либо отношении школы (школы, расположенные в новосибирском Академгородке). В отобранных школах проводились сплошные опросы выпускников этих лет. На основе тех же принципов строились выборки обследованных выпускников дневных средних школ в Краснодарском крае и в Москве.

Основы методики и описанные выше подходы к построению выборки сохранены и при проведении массовых обследований молодежи Новосибирской области, осуществленных в 2004 и 2013 гг. Вместе с тем, начиная с 1998 г., в «Анкету выпускника» вносятся изменения. Анкета теперь строится таким образом, что она, во-первых, включает неизменный блок ряда вопросов из обследований прошлых лет, чтобы создать основу для сравнительного анализа на большом промежутке времени наиболее существенных аспектов актуальных проблем разных поколений российской молодежи. Во-вторых, вводится большой блок новых вопросов, освещающий проблематику, актуальную для самоопределения молодежи в тот период, когда проводится исследование. Это позволяет выходить на изучение как динамики процессов и устойчивых тенденций на основе достоверных сопоставимых данных, так и злободневных социальных проблем и конфликтов, возникающих на старте жизненного пути конкретного поколения молодежи. Кроме того, в обследованиях 1998 и 2004 гг. объект исследования был расширен: опрашивались выпускники не только дневных средних школ, но и учреждений начального и среднего профессионального образования в Новосибирской области. Это создавало основу изуче-

ния указанной проблематики на примере практически полной когорты молодежи и для сравнительно анализа ориентаций и реальных путей юношей и девушек, вступающих в жизнь с различными стартовыми ресурсами среднего образования.

Проект «10 лет спустя» был реализован с использованием эмпирических материалов трех волн исследования. Основу составили материалы, полученные в ходе описанного выше исследования 1998 года. В 2001 году — спустя три года — был проведен поиск тех же самых молодых людей, и они были опрошены по анкете «Начало пути». На этой основе была получена информация о том, как продолжали складываться жизненные пути юношей и девушек, каково было их социальное поведение в отношении образования и труда, как менялись их ценностные ориентации, как оценивали они свои жизненные достижения на тот момент времени. Третий опрос бывших выпускников средних школ, средних специальных учебных заведений и профессиональных училищ Новосибирской области, осуществленный в 2008 году, дополнил банк эмпирических данных и позволил получить информацию о том, как за 10 лет сложились их образовательные и профессиональные траектории, в каких учебных заведениях они учились и к каким формам дополнительного образования обращались, каковы были мотивы и следствия их образовательного поведения, как изменялись их реальные позиции в сфере труда и субъективные представления о профессиях, отношение к образованию и пр. С представителями типичных образовательных и профессиональных траекторий были проведены глубинные интервью.

На основании полученной эмпирической информации удалось проследить специфику интеграции разных групп молодежи в общество, динамику их ценностных ориентаций, особенности социального поведения, связанные с накоплением разными группами молодежи человеческого капитала и обуславливающими разную степень вовлеченности этих групп в социальные процессы изменяющейся России.

К 2013 г., когда было проведено новое социологическое обследование выпускников дневных средних школ Новосибирской области, у исследовательского коллектива оказался банк данных, накопленных на протяжении 1960-х, 1970-х, 1980-х, 1990-х и 2000-х гг. Следует признать, не прибегая к преувеличениям, что это уникальный в мировой социологии банк сопоставимых эмпирических данных, охватывающих такой продолжительный период. Проведение исследования в 2013 году с рабочим названием «50 лет спустя» позволило получить информацию о динамике изучаемых процессов с 1960-х годов по настоящее время и о тех новых смыслах, которые современная молодежь вкладывает

в свои образовательные стратегии. Обнаружение новых образовательных мотиваций и интенций дает возможность восполнить существующие пробелы в понимании сегодняшнего поведения молодежи в образовательной сфере и на рынке труда.

В анкете 2013 года был блок вопросов, входивших в инструментарий прошлых лет, он обеспечивал возможность сравнительного анализа на большом промежутке времени по существенным аспектам проблематики проекта. Как и во всех предыдущих обследованиях, фиксировались социологические индикаторы, связанные с субъективным выбором профессии юношами и девушками из различных социальных групп: привлекательность разных форм и уровней образования, различных профессий, путей достижения жизненных целей, а также конкретные планы относительно учебы и работы после окончания школы. Вместе с этим, был введен большой блок новых вопросов, связанных с ценностными ориентациями, устремлениями в сфере образования и профессиональным самоопределением молодежи в современных условиях. Обследование носило не анонимный характер: с согласия респондента анкета могла быть подписана и включать информацию о телефоне и адресе респондента. Благодаря этому осенью 2013 г., как традиционно предполагает методика проекта, был осуществлен сбор объективной информации о каждом из реципиентов: куда персонально каждый пошел учиться (и/или работать) и по какой специальности, в какое учебное заведение поступил, куда переехал и т.д. Синтез всех полученных данных с еще одним блоком — статистической информацией о важнейших факторах, определяющих динамику социальной ситуации, — создает, в частности, возможность сделать заключения о том, что оказывает на молодых людей наибольшее влияние, какая необходима им помощь, что может предпринять общество для разрешения возникших проблем и конфликтов.

Представляя читателю историю и краткую характеристику проекта, авторы сознают, что здесь удалось показать лишь самые общие черты его методики и информационного содержания. Авторам также совершенно ясно, что проведенное исследование создало возможности проанализировать лишь некоторые проблемы молодого поколения, и далеко не все эти возможности были реализованы. Несомненно также, что уровень теоретической и методической разработки разных аспектов проблематики неизбежно оказался неодинаковым, некоторые обобщения носят предварительный, дискуссионный характер, а ряд выводов требует дополнительной проверки и новых исследований.

Вместе с тем, авторы надеются, что, несмотря на определенные ограничения, обусловленные как объективными, так

и субъективными обстоятельствами, ряд результатов исследований окажется интересен для читателей. Серия проведенных исследований расширяет и конкретизирует наши представления о социальных проблемах молодежи, о тех трудностях, с которыми сталкиваются молодые люди в начале жизненного пути. Ряд материалов впервые вводится в научный оборот, дополняя тем самым наши знания о реальных социальных процессах.

На протяжении последних десятилетий финансовую поддержку этих исследований осуществлял Российский гуманитарный научный фонд, которому авторы выражают свою благодарность. Нынешний этап реализован в рамках проекта РГНФ № 13-03-00028 «Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи».

Авторы вспоминают с большой признательностью и благодарят всех, кто принимал участие в этом исследовательском проекте на протяжении пяти десятилетий в Сибири и других регионах нашей страны: Е.Д. Гражданникова, С.Н. Еремина, А.А. Ермакова, М.И. Жданову, В.Г. Костюка, Г.М. Кочетова, Ж.А. Стрельцову, М.М. Траскунову, Ф.А. Хохлушкину и других.

Особая благодарность нашему замечательному коллеге — Ф.Э. Шереги, который реализовал данное полевое обследование и нашел возможность издать эту книгу, подготовленную по результатам исследования.

Представляемую книгу авторы посвящают памяти своего учителя и инициатора многолетнего исследовательского проекта — Владимира Николаевича Шубкина. Они хотели бы иметь право считать себя его последователями.

РАЗДЕЛ I
СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ, РЫНОК ТРУДА И ЗАНЯТОСТЬ МОЛОДЕЖИ

Формирование образовательных стратегий молодежи непосредственно связано с состоянием и развитием системы образования и сферы занятости. Они в условиях новой России динамично и во многих отношениях кардинально менялись. Наиболее рельефно новые тенденции и феномены проявляются при анализе ситуации в динамике, на протяжении последнего двадцатилетия.

1.1. Система образования: подготовка кадров

Система образования является важнейшим внешним регулятором формирования образовательных и профессиональных траекторий молодежи. Всей системой своих институций, установлениями (возможностями или ограничениями) участия субъектов в различных формах образовательной деятельности, обеспечением преемственности обучения и элементами инфраструктуры непрерывного образования она, наряду с социализацией молодого поколения, обеспечивает трансляцию ему знаний и профессиональных навыков, подготовку к социальной жизни, профессиональной деятельности, инновационной активности, ресурсы профессионального и карьерного роста.

Жизненный старт юношей и девушек, обретение ими занятия и статуса немислимы сегодня вне общеобразовательной и профессиональной подготовки. Работника предварительно формирует система образования. В соответствии с нуждами сегодняшнего производства и ориентацией на перспективные потребности она готовит кадры разного профиля и уровня квалификации, закладывает компетенции, дающие возможность успешной деятельности в новых условиях труда, в социальной жизни. В условиях динамичного мира эта подготовка должна отвечать глобальному вызову, диктуемому начавшимся переходом к постиндустриальному циклу развития. Для самих юношей и девушек жизненный старт превращается в серию опций (актов выбора и реальных шагов) по ходу своей образовательной (и свя-

занной с ней — профессиональной) траектории, то есть решений, которые зависят от уже имеющегося образования и воплощаются в его повышении, накоплении разнообразных образовательных ресурсов, обращении к дополнительному обучению и переобучению.

Уже стала расхожей метафора системы образования как совокупности лифтов⁷ со сложной и многообразной организацией входов, выходов, переходов; лифтов, каждый из которых способен поднять или затруднить перемещение «пассажиров» на разные этажи в иерархии образовательных (и стоящих за ними — социальных) позиций. При этом признается наличие иерархичности отдельных ступеней образования: наивысший ранг придается высшему образованию, далее следует среднее профессиональное и затем профессиональное обучение (до самого последнего времени эту роль выполняло начальное профессиональное образование). Реализация возможностей использования «лифтов» требует от «пассажиров» не только определенных усилий, воли, но и соответствующих способностей. Поэтому финиш во многом зависит от первоначально полученного образования, которое в значительной степени влияет на характер и уровень социальных ориентаций, определяя в конечном счете складывающиеся образовательные и профессиональные траектории.

Конструкция системы образования задается организацией экономики и общества, которые сегодня требуют как обеспечения базовых потребностей рынка труда в соответствии с нынешним уровнем развития производства и социума, так и ориентации на перспективные нужды (диктуемые начавшимся переходом к постиндустриальному обществу, функционирующему в условиях короткоживущих знаний и технологий, гибких и нелинейных организационных форм производства и социальной сферы, необходимости в креативном и инициативном человеке как

⁷ Шубкин В.Н. Начало пути. Проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы. М.: Молодая гвардия, 1979. С. 17; Константиновский Д.Л., Вахитайн В.С., Куракин Д.Ю. Реальность образования и исследовательские реальности. М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2013; Степанцов П.М., Кузьминов В.Я. Контингентность в образовании: новые условия и новые механизмы выбора образовательной траектории // Вопросы образования. 2012. № 4. С. 104.

важнейшем ресурсе экономического и социального развития). С одной стороны, именно эти факторы очерчивают основные количественные параметры структуры системы образования, соотношения в численности молодежи среди возрастных когорт, получающей основное и среднее образование, отдельные уровни профессионального образования, отдельные направления подготовки и виды занятий и т.д. Этой конструкцией, теми возможностями, которые перед молодежью открывают формальные институты системы образования, во многом определяется формирование ее образовательных траекторий.

С другой стороны, сама реализация возможностей молодежи в сфере образования предстает как осуществление образовательных потребностей в виде серии опции, то есть выбора на разных этапах траектории среди элементов инфраструктуры образовательной системы. Выступая в качестве субъекта образования, молодежь проявляет собственные интересы, установки и избирательность. В условиях, когда одними из основных принципов государственной политики в сфере образования становятся, как «свобода выбора получения образования согласно склонностям и потребностям человека», так и «автономия образовательных организаций»⁸, сама избирательность поведения молодежи в сфере образования превращается в составляющую изменений структурных элементов образовательной системы. Сами опции молодежи после получения основного и полного среднего образования (между продолжением образования в разных типах учебных заведений), опции в системе профессионального образования (между уровнями образования, формами обучения, направлениями обучения, специализациями, учебными программами и т.д.) становятся составляющей изменений образовательной инфраструктуры.

Именно этот взаимосвязанный процесс определяет то, как молодежь проходит через формальные организации образовательной системы, то, как в наиболее общих чертах складываются ее образовательные траектории.

⁸ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (редакция от 23.07.2013) «Об образовании в Российской Федерации». [online]. Дата обращения 24.03.2014. URL: <<http://sudact.ru/law/doc/rRQgKIF3bXZV/001/001/#5MJzGIftmRl0>>.

1.2. Пути молодежи через формальные организации системы образования⁹

В сегодняшней образовательной системе окончание основного общего образования является тем временным и институциональным этапом, на котором происходит первая развилка образовательных траекторий молодого поколения: осуществляется выбор между отдельными типами средних учебных заведений и учреждениями профессиональной подготовки. Показателем «добегания» возрастной когорты до окончания дневной основной общеобразовательной школы может служить индекс удельного веса выпускников этой школы в общей численности родившихся 15 лет назад. В сравнении с «позднесоветским» периодом в первые пореформенные годы (на фоне иллюзий о быстрых карьерах без опоры на образование в начальных условиях рыночной экономики¹⁰) наблюдался сначала спад охвата молодежи 9-летним образованием: с 94,5% в 1988 г. до 83,3% в 1994 г. Затем, когда разворачивающийся рынок труда гораздо жестче, чем раньше, стал предъявлять требования к квалификации, уровню образования и профессиональной подготовке, происходил неуклонный подъем показателя «добегания» возрастной когорты до окончания основной дневной школы. В 2004 году он достиг 95,3% и оставался примерно на этом уровне вплоть до последних лет, когда его некоторый рост был вызван снижением численности возрастных контингентов (падение числа родив-

⁹ В этом подразделе используются первичные данные Федерального агентства по статистике РФ, а также данные изданий: Демографический ежегодник России, 2001: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. С. 133; Народное хозяйство РСФСР в 1990 году. Стат. еж. М.: Госкомстат, 1991. С. 115; Образование в Российской Федерации: 2007. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2007. С. 305, 324, 233, 369; Образование в Российской Федерации: 2010. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2010. С. 331, 243, 292; Образование в Российской Федерации: 2012. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 224, 330, 283; Российский статистический ежегодник. 1996: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 1996. С. 162, 165; Российский статистический ежегодник, 2001: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. С. 218, 225, 233. Ссылки на эти источники в данном подразделе не приводятся во избежание частых повторов.

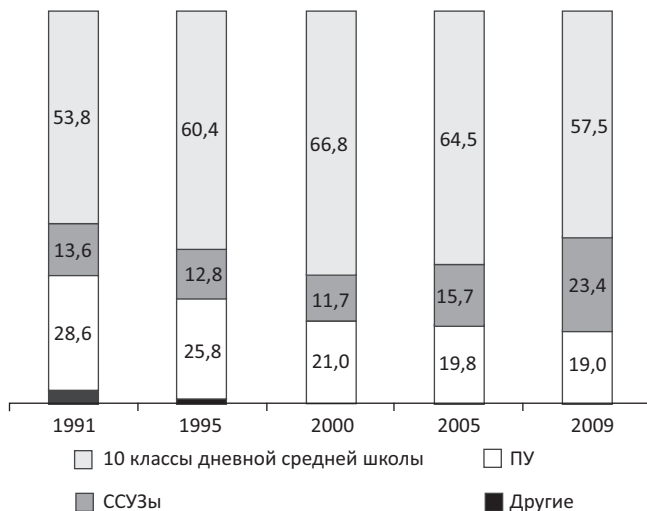
¹⁰ *Костантиновский Д. Л.* Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, С. 71-72.

шихся за 15 лет до 2004-2010 гг. с 2,2 млн. до 1,4 млн. человек).

При распределении юношей и девушек после окончания 9 класса основной школы (см. рис. 1.2.1) в самом начале 1990-х годов чуть больше половины выпускников 9-ки (53,8% в 1991 г.) продолжали обучение в дневной средней школе, существенная часть (28,6%) поступала в учебные заведения системы НПО и небольшая часть (13,6%) — в средние специальные учебные заведения.

Рисунок 1.2.1

Распределение молодежи, окончившей основную дневную школу, по образовательным потокам, РФ, %

К 2000 году на фоне небольшого роста численности возрастной когорты средняя школа увеличила охват молодежи, оканчивающей основную школу, с половины когорты до двух третей. В нулевые годы под влиянием, с одной стороны, спада численности соответствующих возрастных когорт, с другой — увеличения численности приема в СПО и существенного снижения в НПО происходят перемены в распределении по учебным потокам. Снижается удельный вес тех, кто идет учиться в 10-е классы особенно в самое

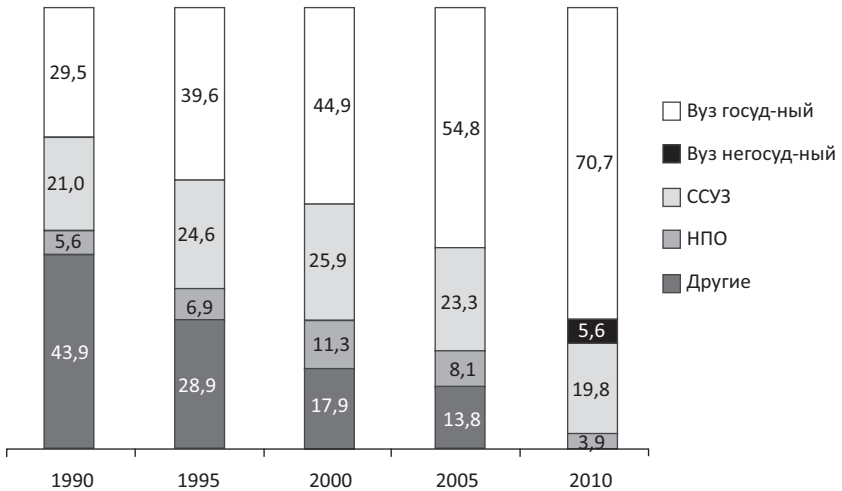
последнее время (с 66,8% до 57,8% с 2000 по 2009 гг.), а поступающих в ССУЗы становится все больше (рост соответствующего показателя с 11,7% до 23,4%). В этом находит отражение распространение среди части идущих на учебу в ССУЗы стратегии его выбора в качестве альтернативного пути последующего поступления в вузы (льготные условия поступления по некоторым специальностям и учебным заведениям). Основное перераспределение между учебными потоками осуществляется за счет увеличения потока «поступившие в ССУЗы» и уменьшения потока «поступившие в 10-е классы». На этом фоне относительная численность идущих учиться в систему НПО падает не существенно (с 21,0% в 2000 г. до 19,0% в 2009 г.), что соответствует медленному спаду приема в средние ПУ, куда поступают главным образом выпускники 9-летки.

С 1986 года начался и продолжался вплоть до 2002 года подъем демографической волны, то есть наблюдался ежегодный небольшой, но неуклонный рост численности условной когорты семнадцатилетних с 1 млн. 848 тыс. в 1986 году до 2 млн. 267 тыс. человек в 2002 году. На этом фоне показатель «добегания» молодого поколения до выпуска из полной средней школы (доля молодежи, оканчивающей дневную среднюю школу в сравнении с теми, кто двумя годами ранее завершил основное общее образование) в самом начале 1990-х несколько снижался (с минимумом в 47,8% в 1993 г.), далее вплоть до 2002 года происходил заметный рост данного показателя (с 48,0% до 62,6%). Рост требований к претендентам на рабочие места в отношении квалификации, уровня общей и профессиональной подготовки стимулировали родителей и их детей увеличивать инвестиции в образование, в том числе в дневное среднее, которое открывает широкий доступ к последующим образовательным карьерам. В самые последние годы возросший конкурирующий выбор учебы в ССУЗах выпускников 9-летки и начавшийся спад численности возрастных когорт сопровождался небольшим уменьшением показателя «добегания» до выпуска из дневной средней школы (57% в 2010 г.).

В распределении молодежи после окончания *дневной средней школы* в течение последних двух десятилетий

Рисунок 1.2.2

Распределение выпускников дневной средней школы по учебным заведениям, РФ, %

произошли кардинальные перемены (см. рис. 1.2.2). На рубеже советской и пореформенной эпох более двух пятых ее выпускников вынуждены были сразу выходить на рынок труда, не получая никакой профессиональной подготовки. Лишь 29,5% молодых людей попадали на учебу в вузы и еще 21,0% — в ССУЗы, незначительный процент (5,6%) поступал в ПУ. В течение 1990-х годов на фоне постепенного роста численности возрастной когорты и развития подсистем профессионального (главным образом высшего) образования охват молодежи различными формами послешкольного образования существенно расширился. К 2000 году лишь 17,9% выпускников начинали свою трудовую биографию сразу после школьной скамьи, а большинство шло получать профессиональную подготовку. Прирост числа продолжающих образование произошло прежде всего за счет увеличения численности и удельного веса (с 29,5% до 44,9%) молодежи, поступающей в вузы. Росли численность и процент тех, кто поступает в ССУЗы (с 21,0 до 25,9%). Увеличились также численность и доля молодежи, идущей после средней школы в ПУ (соответственно с 5,6% до 11,3%). То есть к рубежу столетий для

оканчивающих дневную среднюю школу стали типичными траектории, связанные с продолжением образования сразу в год ее окончания.

Распределение молодежи, оканчивающей дневные средние школы в нулевые годы XXI века, проходило на фоне продолжавшегося вплоть до самых последних лет расширения системы высшего образования и резкого снижения численности возрастной когорты в последние годы. (К 2010 г. соотношение выпускников дневных средних школ и численности приема в дневные вузы стало очень близким: 756,3 и 659,6 тыс. человек). В результате за нулевые годы существенно возросла доля выпускников дневной средней школы, поступающих в вузы. С 2000 по 2006 год доля поступивших в государственные вузы увеличилась почти на 12,2 процентных пункта (с 44,9% до 57,1%), а только с 2007 до 2010 уже на 16,4 процентных пункта (с 54,3% до 70,7%). Именно выпускники дневной средней школы, оканчивающие ее в текущем году, составляют большинство принятых в государственные дневные вузы (от 79 до 81% на протяжении нулевых годов XXI века). Компенсаторно снизился удельный вес выпускников дневной средней школы, поступавших в ССУЗы (25,9% в 2000 г., 23,3% в 2005, 19,8% в 2010) и ПУ (11,3% 2000 г., 8,1% в 2005, 3,9% в 2010, — на фоне общего снижения приема в НПО).

Вплоть до самых последних лет массовым каналом профессиональной подготовки не столько для выпускников дневных средних школ, сколько для иных контингентов молодежи было *начальное профессиональное образование*. В соответствии с законом «Об образовании в РФ» 2013 года часть учебных заведений НПО перешла в систему среднего профессионального образования, а другая часть реорганизована в структуру, обеспечивающую профессиональное обучение. Эти перемены явились результатом преобразований, происходивших в системе НПО за два последних десятилетия. За сокращением государственных инвестиций последовало прежде всего резкое уменьшение численности принятых на учебу по всем профтехучилищам: падение наблюдалось в первой половине 1990-х годов (с 1252 тыс. в 1990 г. до 928 тыс. в 1995 г.) и далее после некоторой стагнации — в период с 2003 до 2010 г. (823

тыс. — 426 тыс. человек). Одновременно шла реструктуризация учебных заведений НПО. Удельный вес дневных и средних ПУ среди всех профтехучилищ повысился: соответственно в 1990 году 68,8% и 49,5% от общего приема, в 2003 году — 85,8% и 74,9%, в 2010 — 92,5% и 80,5%. Главными потребителями образовательных услуг этих учебных заведений являются выпускники основной и отчасти полной средней школы. В распределении принятых в ПУ по уровню образования основную часть контингента устойчиво составляли имеющие основное образование (66,4% в 1995 г., 66,7% 2010 г.) и около четверти приема приходилось на лиц с полным средним образованием. Среди принятых с основным образованием преобладают (восемь из десяти) выпускники 9-ки текущего года, а в ПУ на базе полного среднего образования выпускники текущего года представлены реже (четверо из десяти). Кроме того, среди принятых в ПУ сохраняется, хотя и небольшая, доля молодежи, не имеющей даже основного образования (7,7% в 1995 г. и 8,3% в 2010 г.).

Следующим каналом профессиональной подготовки, пользующимся неизменной популярностью молодежи, особенно из массовых слоев населения, является система *среднего профессионального образования*. Конкурс при приеме в ССУЗы в течение нулевых годов был максимальным в 2003 году — 153 человека на 100 мест, а затем стал заметно снижаться — до 131 в 2008, а 2010 году равнялся в целом 143,1 и 162,1 без учета студентов с полным возмещением стоимости обучения. Динамика численности приема в ССУЗы, свидетельствует о спаде в начале 1990-х гг. (754, 1 тыс. человек в 1990 г. и 668,9 тыс. в 1995 г.), далее росте вплоть до 2003 года (905,5 тыс.) и вновь последовавшем снижении к 2010 году (до 705,3 тыс.). В структуре приема по отделениям обучения происходило постепенное увеличение доли принимаемых в дневные ССУЗы (с 66,3% до 76,3% с 1990 по 2010 г.) и уменьшении удельного веса поступающих на очно-заочное (с 7,0% до 2,7%) и заочное (с 26,7% до 20,0%) отделения. Рост числа принимаемых на дневные отделения отражает приоритет, который отдается более полноценной — дневной — подготовке и отвечает на запрос практики шире охватить обучением наиболее молодые контингенты когорты, вступающей в трудовую жизнь.

Основной контингент поступающих — девять десятых — приходился на юношей и девушек, окончивших основную и полную среднюю школу, и поэтому пропорции между этими двумя потоками характеризуют основные тенденции динамики приема в ССУЗы. В первой половине 1990-х годов больше половины приходящих на учебу в средние специальные учебные заведения составляли лица с полным средним образованием и более трети — те, кто имел основное образование. К 2010 году данное соотношение поменялось на обратное: лиц с основным образованием стало больше (54,0% от общего приема), имеющих полное среднее образование меньше (35,3%). Причем среди приходящих с 9-летним образованием растет доля лиц, получивших его в текущем году (с 29,4% в 2000 г. до 49,0% в 2010 г.), а среди поступающих после 11-летки таковых становится меньше (39,1% и 21,0% соответственно). Таким образом, средние специальные учебные заведения в настоящее время все более становятся сферой притяжения учащихся, приходящих сразу после окончания дневной основной школы, и все меньшее значение они сохраняют в выборе молодежи, совершаемом в год окончания полной дневной средней школы.

Наиболее искомыми учебными местами для молодежи, особенно для выпускников дневных средних школ, являются *высшие учебные заведения*. Конкурс на вступительных экзаменах в государственные вузы 1990-2000 гг. сохранялся приметно на уровне 1,9 человек на место, к 2006-2008 гг. поднялся до 2,05-2,07 и далее в связи с резким спадом численности возрастной когорты резко уменьшился до 1,3 в 2010. При этом конкурс на очные отделения всегда был выше и только с 1995 по 2000 годы увеличился с 2,1 до 2,9 человек, в последние годы резко снизился — до 1,49 в 2009 г. и 1,11 в 2010 г.

Становление и развитие российского рынка труда сопровождалось ростом востребованности высшего образования со стороны современной экономики. Численность приема в вузы с середины 1990-х гг. вплоть до последнего времени постоянно росла: особенно стремительно, почти вдвое (с 681 тыс. чел до 1 млн. 292,5 тыс. чел.) — с 1995 по 2000 гг. и достигла максимума в 1 млн. 681,6 тыс. чел. к 2007 году. Под влиянием демографического фактора наметился сначала

небольшой, а затем существенный спад числа принимаемых в вузы — к 2010 году до 1 млн. 399,4 тыс. человек.

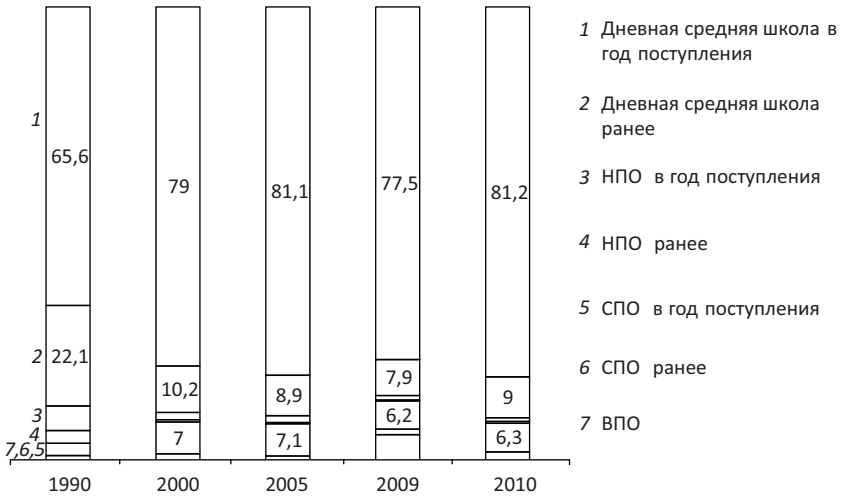
В рассматриваемое двадцатилетие в структуре приема студентов по видам обучения происходили существенные изменения. В середине 1990-х годов вплоть до самого последнего времени прием на дневные отделения неуклонно уменьшался: с 62,1% в 1995 до 53,2% в 2000 и до 43,9% к 2009 году. В 2008-2009 годах удельный вес принятых на заочные отделения (51,3%) превысил долю принятых на дневные отделения (43,9). Но уже с 2010 года в результате сокращения приема по всем формам обучения и значительного снижения конкурса тренд изменился — начал расти удельный вес дневной формы за счет других форм обучения. Удельный вес зачисляемых на очно-заочную (вечернюю) форму обучения уменьшился с 10,7% в 1990 г. до 3,4% в 2010; она перестала играть заметную роль в высшем профессиональном образовании молодежи, так как удовлетворение потребности студентов в дополнительных занятиях и заработке сегодня происходит за счет широко распространенной подработки и даже профессиональной работы студентов дневных отделений.

Контингенты выбирающих дневную или заочную формы обучения существенно различаются в зависимости от уровня образования, имеющегося к моменту поступления (см. рис. 1.2.3). Среди поступающих в дневные вузы на протяжении последних двух десятилетий заметно преобладали лица, имеющие полное среднее образование, и их доля росла (87,7% приема в 1990 г. и 90,2% — в 2010); при этом наиболее конкурентоспособными оказываются выпускники дневных средних школ текущего года: их было 65,6% в 1990 г., 79,0% в 2000 г. и 81,2% в 2010 г. Принятых в дневные вузы с иными уровнями стартового образования очень немного: окончивших ССУЗ было 4,0% приема в 1990 г. и 8,1% в 2010, а окончивших средние ПУ соответственно 8,2% и 1,2%. В обоих контингентах принятых увеличивается и становится преобладающим удельный вес тех, кто получает как начальное, так и среднее профессиональное образование в текущем году. Таким образом конкуренцию за места на дневных отделениях вузов преимущественно выигрывают те, кто в текущем году получил среднее образование.

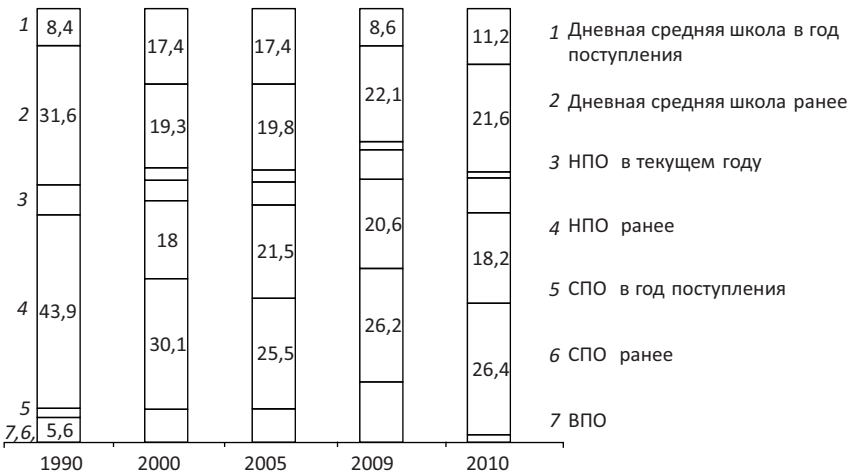
Рисунок 1.2.3

Уровень образования при поступлении на дневную и заочную формы обучения, %

Дневное обучение

Заочное обучение

По иному комбинируются образовательные потоки молодежи, поступающей на заочные отделения вузов. Лица с полным средним составляли все уменьшавшуюся на протяжении двадцати лет часть контингента принятых (40% в 1990 г. и 32,8% в 2010), а выпускники дневных школ текущего года — совсем небольшую его долю (8,4% в 1990 и 11,2% в 2010 гг.). То есть обращаются к заочному высшему образованию те из бывших выпускников 11-летки, кто не смог (или не пытался) в год окончания школы поступать в вузы. Бóльшая часть принятых на заочные отделения вузов формируется за счет лиц, получивших среднее образование в системах НПО и СПО: в 1990 году соответственно 50,7% и 7,7%. К 2000 году данное соотношение сменилось на обратное (7,6% к 48,1%), и таким оно сохраняется до последних лет (8,2% к 44,6% в 2010 г.). В составе принятых с начальным и средним профессиональным образованием преобладают лица, получившие его в предыдущие годы: 7,0% из 8,2% принятых с образованием, полученным в НПО, и 26,4% из 44,6% — в СПО. Заочное высшее образование становится в бóльшой степени стратегией лиц, закончивших ССУЗы, и чаще — тех, кто окончил их в предыдущие годы.

Значительным импульсом развития высшего образования стала возможность предоставления образовательных услуг на платной основе. Численность приема в негосударственные вузы возросла с 47,2 тыс. человек с 1993 г. до 297,6 тыс. в 2007 г., далее медленно снижалась до 204,0 тыс. человек в 2010 г. Удельный вес студентов, поступавших в негосударственные вузы, в общей численности приема в вузы рос (с 8,0% до 17,2% с 1993 по 2008 гг.), особенно быстро среди принятых на их заочные отделения (с 10,0% до 25,6%) и лишь в самые последние годы под воздействием демографического фактора начал несколько снижаться. До последнего времени происходило расширение платных отделений и платных учебных мест в государственных вузах: размеры такого приема составили к 2000 г. свыше 40% от общего числа принятых в государственные вузы, а к 2010 г. 56,6%. Таким образом бóльшая часть сегодняшних студентов получают свое образование за плату. Как показывает практика, при-

влекательность высшего образования настолько высока, что большая часть населения согласилась на стратегии оплаты при его получении.

1.3. Система образования: между субъективными ориентациями молодежи и объективными потребностями в кадрах

При рассмотрении структуры системы образования важно учитывать, что с социологической точки зрения она занимает специфическое положение между структурой субъективных социально-профессиональных ориентаций молодежи и структурой объективных общественных потребностей в кадрах по профессиям. С одной стороны, система образования готовит работников разной квалификации и специализаций в таких пропорциях, которые в определенной мере должны опережать сегодняшние нужды производства, учитывая запросы будущего — тех десятилетий, в течение которых должны полноценно трудиться подготовленные ею кадры. Тем самым структура подготовки кадров по уровням квалификации и специальностям в большей мере, чем реальные производственные структуры, может быть приближена к ориентациям молодежи (которая во многом стремится к получению высококвалифицированных профессий, занятий в сферах услуг и информационных благ, нежели материального производства). С другой стороны, образовательные структуры отличаются и от завышенных ориентаций молодежи, поскольку они все же в большой мере отвечают на сегодняшние запросы производственных и социальных структур в кадрах по профессиям.

В разных исторических условиях, в разных странах и по разным причинам система образования и ее отдельные звенья могут быть то более ориентированы на структуру вакансий, то на профессиональные склонности молодежи. Поэтому противоречие между этими двумя структурами постоянно находит отражение в конфликте ориентаций в самой системе образования, в спорах специалистов и лоббистов о ее прошлом, настоящем и будущем.

Если сравнить указанное промежуточное положение системы образования в разные эпохи, то в советские времена

оно в большей степени было приближено к первой структуре (пирамиде потребностей общества кадрах), а сегодня, в результате перехода системы образования на рыночное функционирование, — к структуре (пирамиде) стремлений и запросов молодежи. Характерный конфликт советских времен — противоречие между структурой приема в учебные заведения, где превалировали учебные вакансии по профессиям материального производства (в частности, огромное число учебных мест в технических вузах по инженерным специальностям), и между устремлениями молодежи, во многом не удовлетворявшимися по общегуманитарным специальностям (за исключением педагогических). Сегодня острота этого конфликта снята, вернее, она переместилась на другой жизненно-образовательный цикл. Децентрализация и автономия деятельности профессиональных учебных заведений позволили ответить на запросы молодежи путем увеличения приема по ряду востребованных на рынке труда специальностей. С 1990-х годов быстро шло перепрофилирование учебных заведений, отделений, кафедр на подготовку по перспективным в отношении рыночного развития экономики профессиям, в результате структура подготовки по специальностям и направлениям обучения разными уровнями системы профессионального образования существенно изменилась.

Отметим самые важные направления произошедших перемен (с учетом затруднений корректного хронологического сравнения данных госстатистики¹¹). Уже в первые годы рассматриваемого периода существенно сократилась доля вузов промышленности и строительства: 37,7% от общего числа принятых в 1995 г. (в сравнении с 44,3% в 1985г.). Впоследствии эта тенденция продолжилась. Прием студентов по группам специальностей, относящихся к промышленности, строительству, транспорту и связи,

¹¹ Имеющиеся статистические данные относительно специализации подготовки в системе профессионального образования не дают возможности провести корректное сравнение необходимых показателей в динамике лет. За два рассматриваемых десятилетия фиксируемые государственной статистикой на этот счет индикаторы дважды менялись: в 1990-е годы регистрировались данные по отраслевым группам учебных заведений, далее — по группам специальностей и направлениям подготовки, а в последние годы — по областям обучения.

составлял 27,5% в 1995 году и 26,6% в 2003 гг., а на области обучения соответствующих сфер хозяйства в 2010 году приходилось уже 23,0% всего приема. Особенно высокими темпами увеличивались доля и число принятых в учебные заведения экономики и права (только с 1990 по 2000 г. с 14,0 до 45,0 тыс. человек). На группу специальностей «экономика и управление» в 1995 году приходилось 18,2%, а в 2003 — 30,9% всей численности приема, а область обучения «бизнес и управление» в 2010 году составила 31,1% принятых студентов. Росла подготовка и по группам специальностей гуманитарно-социального направления, на которые было принято в 1995 году 15,9%, в 2003 — 19,5% всех студентов и столько же в 2010 году. То есть прежний, в основном «технический» уклон вузов страны, преодолен, и специальности экономического, социального, педагогического, медицинского профиля составляют ныне большую часть приема студентов¹².

Статистические данные о структуре приема в государственные ССУЗы свидетельствуют, что растет абсолютно и относительно подготовка по группам специальностей, которые можно объединить назначением «работа в промышленности» (25,0% от числа принятых в 1995 г. и 27,1% в 2010 г.). Также наблюдается рост по специальностям «строительство и архитектура» (с 5,4% до 6,8%), по специальности «информатика и вычислительная техника» (с 1,7% до 5,4%), по гуманитарно-социальным специальностям (с 4,2% до 7,4%). Большая часть приема приходится на специальности «экономика и управление»: 20,1% в 2010 году. Сокращается подготовка по специальностям сельского хозяйства (с 6,3% до 3,5%), образования (с 11,4% до 7,7%), здравоохранения (с 12,0% до 10,4)¹³.

На протяжении нулевых годов большая часть молодежи, получившей подготовку в ПУ, имела профессии, связанные

¹² Народное хозяйство РСФСР в 1990 году (Стат. ежегодник). М.: РИИЦ, 1991. С. 252; Образование в Российской Федерации. Стат. сборник. М.: ЦИНС, 2003. С. 176; Образование в Российской Федерации: 2007. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2007. С. 381; Образование в Российской Федерации: 2012: стат. сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 343.

¹³ Образование в Российской Федерации: 2007. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2007. С. 334; Образование в Российской Федерации: 2012. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 269.

с работой в промышленности, строительстве, на транспорте и связи (55,2% в 2001 г. и 57,8% в 2010 г.). Заметно снизился удельный вес молодежи, получившей профессии сельского хозяйства (с 12,7% до 8,1%), и, напротив, растет прием по специальностям сферы сервиса, информационных технологий и др.: с 2,0% до 3,8% по специальностям сферы услуг, с 8,1% до 9,7% по профессиям, классифицируемым как общие для всех сфер экономической деятельности. Сегодня значительная часть получает профессии в торговле и общественном питании (14,4% и 13,9% соответственно)¹⁴.

Как уже говорилось выше, изменения образовательной инфраструктуры происходят под двойным воздействием. Поэтому в переменах в структуре подготовки по специальностям и направлениям обучения сказывается влияние как структурных сдвигов в экономике и перемен в спросе на рынке труда, так и динамики потребности молодежи (в определенной степени отражающих первые). Для последнего времени характерно изменение ценности образования в жизненных стратегиях молодежи. В советские времена молодежь во многом акцентировала терминальную ценность образования. По результатам наших исследований 1960-1980-х гг. при окончании средней школы в своих жизненных планах юноши и девушки прежде всего стремились к образованию как таковому; ориентируясь на получение высшего образования, они прежде всего старались определенным образом социально самоутвердиться¹⁵. Сегодня образование, специальность, квалификация гораздо в большей степени ценятся инструментально¹⁶, как капитал для инвестирования в гарантированное и желательно перспективное занятие, как способ достижения материальных целей и доступ к другим общественным благам.

¹⁴ Образование в Российской Федерации: 2012. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 268.

¹⁵ *Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н.* Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М.: Мысль, 1985. С. 128-131, 150.

¹⁶ *Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К.* Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001, С. 161.

Парадоксально, но именно отношение к образованию не как к культурному, а как к инвестиционному благу внесло и вносит сегодня свой вклад в поддержание несоответствия между подготовкой специалистов разного уровня квалификации, профилей и специализаций (сориентированной на запросы потребителей) и спросом рынка труда. Учащиеся и их семьи, рассматривая профессиональное (то есть постобязательное) образование как инвестиции, оценивают его (не строго статистически, а на основе располагаемой социальной информации), с точки зрения отношения «уровень образования — потенциальные места занятости» и отсюда с позиции «планируемые затраты — будущие выгоды». Сугубо экономически затраты выглядят как утраченный доход при трудоустройстве после получения обязательного уровня образования и плата за обучение (возможная реальная плата за учебу и затраты на жизненное содержание). Но образовательные стратегии исходят не только из экономических критериев, они учитывают и такой важнейший критерий, как вклад личных усилий в виде реализации индивидуальных способностей, прилагаемых стараний, напряжения, воли. Складывающийся механизм состоит в стремлении снизить суммарные затраты на диплом определенного типа и увеличить степень выигрыша от него. Это ведет к тому, что при выборе направлений обучения (опции между наиболее крупными направлениями — гуманитарным/социально-экономическим и техническим/естественнонаучным) спрос в тенденции склоняется в пользу того, что имеет более высокую отдачу (выгоду) — первого. Такое положение наблюдается во всех странах со свободными и конкурентными системами образования, когда «спрос с позиций степени выгоды объясняет выбор индивидов между гуманитарными и естественнонаучными направлениями, ... а механизм, состоящий в снижении затрат на определенный тип диплома путем увеличения степени его прибыльности, проявляется в установлении приблизительного и неадекватного... относительного соответствия между спросом и предложением»¹⁷.

¹⁷ *Cherkaoui M. Sociologie de l'éducation. Paris: Presses Universitaires de France, 2010. P. 36.*

Повышенный спрос молодежи в отношении получения специальностей в области экономики, финансов, права, социально-гуманитарных специальностей (удовлетворяемый развитием системы образования в рыночных условиях) и снижение спроса на технические и естественнонаучные профессии (отразившееся в соответствующем спаде конкурсов в учебные заведения) в полной мере проявилось в нулевые годы. Некоторое насыщение рынка труда юристами и экономистами (в частности со стороны структур системы СПО) стало фиксироваться экспертами уже в начале 2000-х годов¹⁸. В 2010 году те, кто имел высшее образование по специальностям «экономика и управление», представляли 33,0% всех занятых в возрасте 20-29 лет, а среди безработных этой возрастной группы они составляли 35,8%, соответственно специалисты по «гуманитарным специальностям» составляли 14,4% и 17,5%¹⁹. Показательно, что в Польше, в которой в 1990-2000-е годы происходил схожий с Россией усиленный рост системы высшего образования и превращение его в массовое для молодежи, наблюдались аналогичные с нашей страной показатели увеличения удельного веса студентов, получающих подготовку по экономическим, социальным, гуманитарным специальностям, а также аналогичная ситуация с насыщением этими специалистами рынка труда²⁰. Таким образом, сложившееся к сегодняшнему дню некоторое превышение ориентаций и опций молодежи на подготовку по экономическим, юридическим, гуманитарным специальностям и снижение таковых по техническим и естественнонаучным профессиям относительно спроса есть результат закономерного развития системы образования, удовлетворяющего в рыночных условиях образовательные потребности молодежи.

¹⁸ Из доклада *П.Ф. Анисимова* — начальника управления среднего специального образования Министерства образования РФ на круглом столе «Система образования: социальная дифференциация и социальная мобильность», 29 мая 2002 г.

¹⁹ Обследование населения по проблемам занятости 2012. Сводные таблицы [online]. Дата обращения 21.06.13. URL: <http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_30/Main.htm>.

²⁰ *Szafraniec K.* Youth 2011. Warsaw: The Chancellery of the Prime Minister, 2011. S. 103.

Итак, в промежуточном положении системы образования (между структурой потребностей общества в кадрах по профессиям и структурой профессиональных склонностей молодежи) в 1990-2000-е годы произошел существенный сдвиг в сторону удовлетворения личных ориентаций молодежи. Это перенесло основную конфликтность ситуации выбора с периода перехода между школой и системой профессионального образования к периоду перехода между системой профессионального образования и рынком труда. В советские времена структура профессиональных ориентаций молодежи корректировалась в ходе поступления в вузы, ССУЗы, ПУ (и/или трудоустройства после школы), поскольку образовательная подготовка по уровням квалификации и специальностям в большей степени была приближена к структуре объективных потребностей общества в кадрах по профессиям. Теперь, когда профессиональные склонности и ориентации молодежи находят в гораздо большей степени удовлетворение в системе профессионального образования, «встреча» ориентаций, уже воплощенных в полученную подготовку, с объективным состоянием потребностей общества в кадрах по специальностям и уровням квалификации происходит непосредственно при выходе на рынок труда после окончания вузов, ССУЗов и ПУ. То есть все несоответствие ориентаций объективным потребностям порождает гораздо более глубокие конфликты: между структурой уже полученных в ходе обучения квалификаций и специальностей и структурой реального спроса сегодняшнего рынка труда. Возникновение и наличие этого конфликта усиливает феномен низкой доли выпускников системы профессионального образования, трудоустраивающихся по специальности обучения²¹. Феномен, существование которого одновременно подпитывается воздействием неизбежной динамики спроса рынка труда, на которую

²¹ Результаты исследований степени совпадения/расхождения между уровнем третичного образования работников и их профессионально-квалификационным статусом, а также определение тех сегментов рынка труда и тех групп работников, в которых это несоответствие максимально или, наоборот, минимально см.: Российский работник: образование, профессия, квалификация. Под редакцией В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капельникова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. С. 305-333.

не в состоянии своевременно реагировать структура подготовки по профессиям.

Сегодня существенно возросли проблемы трудоустройства подготовленных в высшей школе специалистов. Получали направление на работу сразу после окончания вузов все меньшее число выпускников: в 1995 году — 51%, в 2000 году — уже 46,3%. В 2010 году направления на работу получили 47,3% специалистов, окончивших на бюджетной основе очные отделения государственных и муниципальных высших учебных заведений. Снижались показатели и среди получавших подготовку в дневных ССУЗах: получали направление на работу в 1994 году 55%, и 30,6% к 2000 году. В 2010 году среди окончивших ССУЗы по очной форме обучения за счет средств бюджетов всех уровней (т.е. за исключением обучавшихся с полным возмещением стоимости обучения²²) 32,7% получили направления на работу. Если из числа окончивших дневные ПУ в 1990 году 89,1% получали направление на работу, то к 2000 году процент их снизился до 44,7,8%; в последующем этот показатель несколько подрос и составил в 2008 году 50,9%²³. Дисбаланс предложения и спроса на разного рода специалистов на рынке труда связан со множеством разнородных факторов: динамикой спроса, сложностями прогнозирования структуры подготовки по специальностям, неудовлетворительными размерами зарплат, предлагаемых молодым специалистам (в частности в бюджетной сфере) и т.д. Одновременно он есть следствие перекошенных завышенных опций молодежи в получении ряда привлекательных для нее специальностей, а также девальвации дипломов, за получением которых часть молодежи, удо-

²² На студентов, обучавшихся по договорам с юридическими и физическими лицами с полным возмещением затрат на обучение, в 2010 г. приходилось 26,7%.

²³ Российский статистический ежегодник: 1996. Стат. сб. М.: Госкомстат России, 1996. С. 176; Российский статистический ежегодник. 1997: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 1997. С. 212; Российский статистический ежегодник. 2001: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. С. 226, 235; Образование России 2001. (Сборник статистических данных). М., 2001. С. 128; Образование в Российской Федерации: 2010. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2010. С. 47, 294; Россия в цифрах. 2011: Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 141, 144.

влетворяя свои ориентации, обращается к образовательной инфраструктуре низкого качества. Таким образом, ответственность за будущее трудоустройство во многом ложится на саму молодежь, на осуществляемые ею опции по ходу образовательной траектории.

Понятно, что разрешение такого рода рассогласованностей чревато большими как личностными, так и общественными потерями. Их снижение возможно путем совершенствования системы по большому согласованию структуры подготовки по специальностям и направлениям обучения современным требованиям рынка труда. Одновременно рост ответственности самой молодежи за совершаемый ею выбор предполагает необходимость осуществления специальных мер помощи юношам и девушкам на том этапе, когда они определяют свою образовательную стратегию, строят конкретные планы по выбору специальности и учебного заведения. В этой связи возрастает потребность пропаганды среди молодежи знаний в области выбора профессии, а также пользы обращения в структуры профессиональной ориентации. В последнее время они получили развитие в больших городах на коммерческой основе. Очевидна необходимость их дальнейшего расширения, а также популяризация информации о возможностях и важности адресации к профессиональной ориентации среди учащихся старших классов школы.

1.4. Занятость молодежи: динамические сдвиги²⁴

Жизненный старт молодежи непосредственно связан с состоянием сферы занятости и институтов рынка труда. Сложившаяся по прошествии экономических реформ под воздействием основных участников — государства, предпринимателей и работников — российская модель рынка труда, со своим набором институтов и формами трудовых

²⁴ Подробный анализ трансформаций занятости российской молодежи в 1990-е — 2000-е годы представлен в публикации *Чередниченко Г.А.* Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСПиМ, 2014. С. 119-156. Здесь представлен кратко ряд основных результатов этого анализа, поскольку их освещение необходимо для раскрытия заявленной проблематики.

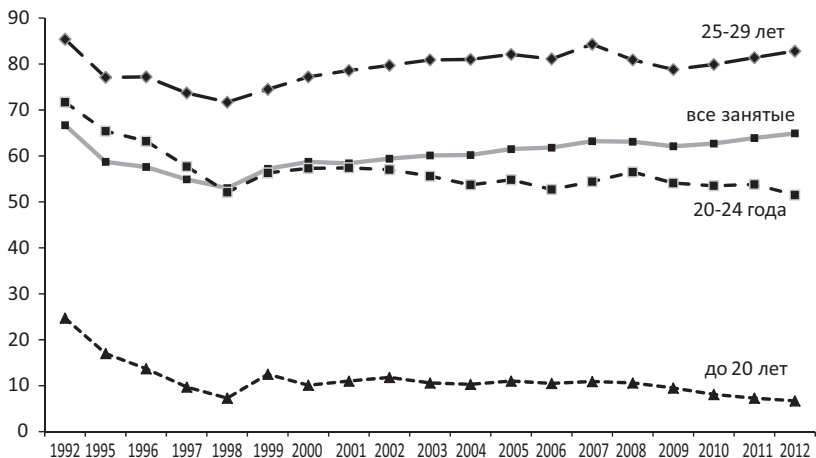
отношений, привела к уменьшению доли занятого населения, увеличению безработицы, которой оказались наиболее сильно затронуты именно молодые люди, вступающие на рынок труда впервые. Рынок труда коренным образом поменял экономическую и социальную приоритетность секторов экономики, отраслей, предприятий, профессий. Поменялись и модели получения доходов. Все это и многие другие черты российского рынка труда в совокупности существенно воздействуют на формирование образовательных стратегий молодежи, конкретные решения о выборе профессии и учебного заведения профессиональной подготовки, реальное трудоустройство. Следует учесть, что рынок труда наряду с другими социальными подсистемами общества развивается относительно автономно и потому его воздействие на начало самостоятельной жизни молодежи весьма противоречиво усложняет этот процесс. Вот почему анализ на базе статистических материалов особенностей занятости молодежи становится одним из важных аспектов изучения образовательных стратегий молодежи в настоящее время.

Трансформационные процессы в экономике России на протяжении переходного периода непосредственно отражались на общероссийском и локальных рынках труда. Одним из показателей изменяющейся ситуации на рынке труда становится изменение масштабов занятости населения: резкое ее сокращение в 1990-е годы и последующее увеличение в 2000-е вплоть до начала кризиса осенью 2008. (см. рис. 1.4.1). Под влиянием структурных преобразований производства, кризиса его государственного сектора происходит как общее снижение занятости населения, так и перераспределение его между секторами экономики (в том числе и не в последнюю очередь за счет приходящей на рынок труда молодежи — об этом речь пойдет ниже).

Занятость молодежи за последние 20 лет формировалась под воздействием как общих макро- и микроэкономических факторов, определявших трансформации производства, так и специфических особенностей постепенного включения в экономическую деятельность разных возрастных групп молодежи.

Рисунок 1.4.1

**Уровень занятости всего населения РФ и отдельных
возрастных групп, % от численности населения
соответствующей группы**

Источник: Труд и занятость в России: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. С. 74; Труд и занятость в России. 2007: Стат. сб. М.: Росстат, 2007. С. 64; Сводные таблицы [online]. Дата обращения 21.06.13. URL: <http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_30/Main.htm>.

Уровень занятости существенно различается у разных возрастных групп молодежи (см. рис. 1.4.1). Повышение с возрастом рассматриваемого показателя — устойчивое явление, отражающее процесс постепенного, по мере увеличения возраста, перехода из сферы учебной деятельности к экономической активности. Так, в начальные пореформенные годы отмечались наиболее высокие показатели занятости молодежи, унаследованные еще от советского периода развития экономики: в 1992 году доля занятых в младшей возрастной группе (до 20 лет) равнялась 24,7%, в средних возрастах (20-24 года) повышалась очень существенно, до 71,7%, что было немногим ниже соответствующего показателя — 85,4% — самой старшей группы (25-29 лет). За прошедшие 20 лет уровень экономической активности молодежи, особенно младших и средних возрастов, заметно сократился. Вместе с тем в разных возрастных

группах наблюдались не только разные темпы сокращения и разная динамика изменений, но и ведущие факторы этих эволюций были не однородными.

Показатели занятости разных возрастных групп молодежи складываются прежде всего под влиянием охвата сверстников в тот или иной период дневным образованием (см. рис. 1.4.2). В группе «до 20 лет» уровень занятости наиболее интенсивно снижался в 1990-е годы (с 24,7% до 10,1% за 1992-2000 гг.), относительно стабилизировался в 2000-2008 годы и начал существенно снижаться в последние годы (с 9,5% в 2009г. до 6,7% в 2012г.). Причина прежде всего в увеличении охвата сверстников полным дневным средним образованием, которое происходило достаточно быстро в первой половине рассматриваемого периода (рост доли выпускников полной средней дневной школы к числу родившихся 17 лет назад с 42,9% до 56,4% с 1995 по 2002 гг.) и стабилизировалось на данном уровне в 2001-2006 годы. В последние годы данный показатель несколько снизился, так как из-за резкого спада численности соответствующих возрастных когорт конкурентный выбор учебы в ССУЗах несколько снизил наполняемость 10-11 классов полной средней школы. В том же направлении оказывали свое воздействие расширение охвата средним профессиональным образованием (отношение числа студентов учреждений СПО к численности населения 15-19 лет возрастало с 17,5% до 19,2% и далее до 25,2% в период с 1995 по 2000 и далее 2009 гг.) и отчасти учебой в вузах.

Уровень занятости молодежи 20-25 лет в целом последовательно и неуклонно снижался как в 1990-е, так и в 2000-е годы: с 71,7% в 1992 до 57,3% в 2000 и до 51,5% в 2012 году. Это происходило в результате столь же быстрого и неуклонного повышения охвата когорты сверстников высшим образованием: с 1995 по 2000 и 2009 годы отношение числа студентов вузов к численности населения в возрасте 17-25 лет повысилось с 14,3% до 23,0% и далее до 36,4%.

В группе 25-29-летних учебной занятостью остается охваченной уже очень незначительная часть молодежи, и поэтому показатели уровня занятости очень близки к таковым более старших и самых экономически активных групп

населения: они отличаются всего на 3-4 процентных пункта от показателей возрастной группы 40-44 года. По этой же причине динамика уровня занятости в группе 25-29-летних полностью повторяет эволюцию этого показателя для всего населения: в 1990-е годы шел спад (с 85,4% в 1992 г. до 71,7% в 1998 г.) и далее последовательный подъем (до 82,8% в 2012 г.). Таким образом, занятость старшей возрастной группы молодежи формируется под воздействием общих для всего населения факторов.

Наиболее существенные перемены в занятости молодежи обязаны образовательной динамике последних 15-20 лет, которая складывалась под влиянием множества факторов. Среди них ведущим был переход прежде всего системы высшего (и отчасти среднего профессионального) образования на рыночные принципы функционирования — предоставление образовательных услуг в соответствии со спросом на них потребителей.

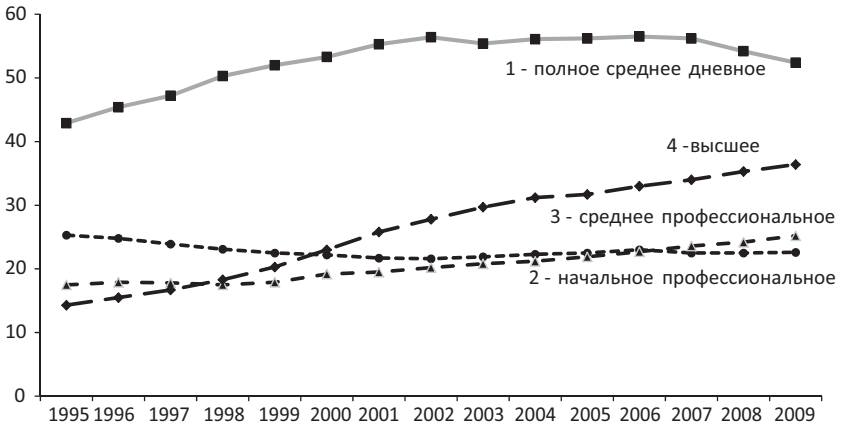
Самим потребителям со стороны складывающегося рынка труда шел сигнал о том, что накопление значительных образовательных ресурсов обеспечивает преимущества в заработках, повышает шансы на нахождение лучшей работы, снижает риск безработицы. Вот почему с середины 1990-х годов развитие разных ступеней системы профессионального образования шло во многом в соответствии со структурой запросов молодежи: очень высокими потребностями на обучение в высшей школе, умеренными — в отношении СПО и пониженными — в получении начальной профессиональной подготовки: в сравнении с 1995 г. численность принятых в 2010 г. составила по вузам 205,5%, по ССУЗам 105,4% и по ПУ — 40,7%²⁵.

В результате за двадцатилетний период существенно менялся уровень занятости большей части молодежи. Среди самых младших (до 20 лет) вместо четверти сверстников, имевших занятие, сегодня лишь очень небольшая — пятнадцатая — их часть занята в экономике. У молодежи в возрасте от 20 до 25 лет ситуация, когда большинство — почти три четверти — имели занятие, сменилась положением,

²⁵ Российский статистический ежегодник. 2001: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. С. 225, 233; Россия в цифрах. 2011: Крат. стат. сб. М. Росстат, 2011. С. 138, 140, 143.

Рисунок 1.4.2

Охват молодежи полным средним (дневным), начальным, средним и высшим профессиональным образованием, %

- (1) Отношение численности выпускников полной средней дневной школы к числу родившихся 17 лет назад.
- (2) Отношение численности учащихся учреждений начального профессионального образования к численности населения в возрасте 15-17 лет.
- (3) Отношение численности студентов учреждений среднего профессионального образования к численности населения 15-19 лет.
- (4) Отношение численности студентов высших учебных заведений к численности населения в возрасте 17-25 лет.

Источник: Образование в Российской Федерации: 2007. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2007. С. 233, 302, 317, 363; Демографический ежегодник России, 2001: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. С 133; Образование в Российской Федерации: 2012. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 224, 265, 278, 324.

когда занята практически половина когорты. Характер занятости сохранился прежним лишь в старших возрастах: рассматриваемый показатель в группе 25-29-летних — более четырех пятых на начало и конец периода.

Поменялись также абсолютные и относительные масштабы отдельных возрастных групп трудящейся молодежи. В целом все имеющие занятия в возрасте до 30 лет устойчиво составляют около четверти всех занятых в экономике, также схожей в начале 1990-х и в конце 2000-х годов оказалась

абсолютная численность занятой молодежи — 17909 тыс. человек в 1992 г. и 16812 тыс. человек — в 2009. Но уже к 2012 году в силу демографических причин она резко снизилась и составила 9184 тыс. человек. Между тем соотношение численности групп «до 20 лет», «20-24 года» и «25-29 лет» существенно изменилось: в 1992 году оно составляло 14,3%, 38,1%, 47,6% соответственно, а к 2012 году указанное соотношение стало гораздо более ассиметричным: 3,4%, 36,5%, 60,0%. Основной вектор перемен — гораздо более малочисленной стала группа самых младших, а затем и средней возрастной группы²⁶.

1.5. Безработица среди молодежи: уровень, динамика, влияние образования

Наличие безработицы оказывает существенное влияние на возможности получения работы молодежью. Как и везде в мире, в России безработных среди молодежи больше, чем среди других возрастных групп населения. Первый выход на рынок труда осложнен отсутствием трудового опыта у претендентов на рабочие места, противоречивостью и неоднозначностью процесса самоопределения и выбора молодежи, рассогласованностью рынка образовательных услуг и рынка труда.

Доля молодежи среди безработных выше, чем удельный вес этой демографической группы в трудоспособном населении страны. Это явление устойчиво: молодые люди в возрасте 16-29 лет составляли 48,5% среди безработных и 36,5% в трудоспособном населении страны в 1992 году и соответственно 43,1% и 36,3% в 2013²⁷. Уровень без-

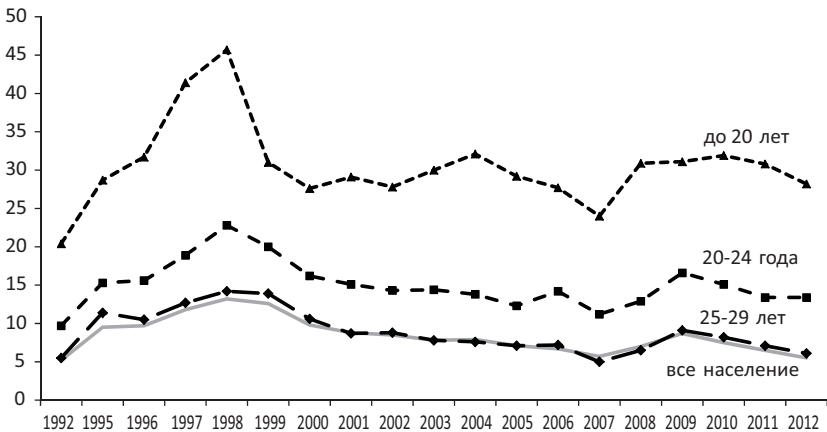
²⁶ Российский статистический ежегодник. 2001: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. С. 133, 145; Экономическая активность населения России. 2010. Стат. сб. М.: Росстат, 2010. С. 40; Исследование населения по проблемам занятости 2012. Сводные таблицы [online]. Дата обращения 21.06.13. URL: <http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_30/Main.htm>.

²⁷ Труд и занятость в России: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. С. 161; Российский статистический ежегодник. 2001: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. С. 88; Россия в цифрах. 2013 [online]. Дата обращения 29.06.13. URL: <http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_11/Main.htm>.

работицы²⁸ очень высокий в первую очередь в младшей возрастной группе до 20 лет (28,2% в 2012 г. — см. рис. 1.5.1), он более, чем вдвое, выше среднего для всего населения (5,5%) в группе «20-24 года» (13,4%) и незначительно выше среднего в старшей возрастной группе 25-29 лет (6,1%).

Рисунок 1.5.1

Уровень безработицы всего населения РФ и отдельных возрастных групп, % от экономически активного населения соответствующей группы

Источник: Труд и занятость в России: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. С. 162; Труд и занятость в России, 2009: Стат. сб. М.: Росстат, 2009. С. 102; Статистический бюллетень. № 3 (174). М.: Росстат, 2011. С. 28.

Динамика уровня безработицы трех возрастных групп молодежи в рассматриваемые 20 лет (см. рис. 1.5.1) в целом повторяет эволюцию соответствующих показателей всего населения (причем тем точнее, чем старше возраст молодежи). Это свидетельствует о том, что, с одной стороны, экономическая конъюнктура оказывает универсальное воздействие, а с другой, — устойчиво сохраняются различия между отдельными возрастными группами. При этом

²⁸ Уровень безработицы — отношение в процентах численности безработных к экономически активным (в сумме — занятым и безработным).

максимальное и достаточно большое превышение уровня безработицы над средними показателями наблюдается у самых младших, фиксируя большие сложности выхода на рынок труда в раннем возрасте при наличии небольшого объема накопленных знаний и квалификаций и отсутствии трудового опыта. Постоянный лаг в сторону завышения уровня безработицы у 20-24-летних отражает проблемы трудоустройства выходящих на рынок выпускников вузов и отчасти ССУЗов — отсутствие у них трудового опыта и ту временную нагрузку, которую требуют поиски работы по специальности или конвертирование знаний и квалификаций, полученных в учебных заведениях, в те, что находят спрос на рынке труда. Практически одинаковые показатели (особенно в 2000-е годы) уровней безработицы старшей возрастной группы молодежи и всего населения говорят о том, что с завершением подавляющей частью молодежной когорты дневного образования поиски работы и риски ее потери утрачивают свой специфически «молодежный» характер.

Выявленные различия в уровне безработицы молодежи разного возраста прямо коррелируют с наличным уровнем образования этих групп. Чем выше возраст, тем больше более образованной молодежи, а с ростом уровня образования молодежи уровень безработицы снижается, как демонстрируют данные, представленные в табл.1.5.1. Для их адекватной интерпретации необходимо учесть, что молодые безработные существенно отличаются от более старших тем, что очень большая часть их ищет первую работу. Таких было в 2012 году 84,5% среди безработных в возрасте до 20 лет, 65,3% — среди 20-24-летних и 33,8% — среди 25-29-летних²⁹. Это значит, что для двух первых возрастных групп речь идет о выявлении преимуществ и недостатков разной образовательной подготовки с точки зрения возможностей найти первую работу, а для старшей группы — защиты от рисков ее потерять.

²⁹ Обследование населения по проблемам занятости 2012. Сводные таблицы [online]. Дата обращения 21.06.13. URL: <http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_30/Main.htm>.

Таблица 1.5.1

Уровень безработицы молодежи по возрастным группам и уровню образования(I) и распределение молодых безработных по возрастным группам и уровню образования (II)*, %

Уровень образования	I. Уровень безработицы			II. Распределение безработных по уровню образования		
	До 20 лет	20-24 года	25-29 лет	До 20 лет	20-24 года	25-29 лет
Высшее	...	8,2	3,5	0,7	13,1	18,5
Неполное высшее	...	17,6	6,8	2,6	7,9	2,7
Среднее профессиональное	24,7	9,1	4,4	10,0	17,5	16,1
Начальное профессиональное	17,8	9,3	5,7	12,5	14,7	16,1
Среднее общее (полное)	27,2	16,8	10,0	48,5	35,5	33,1
Основное общее	24,6	20,6	14,0	23,0	10,3	12,1
Начальное общее, не имеют начального	30,9	24,4	22,5	3,0	1,0	1,5
Все	24,8	12,2	6,1	100	100	100

* Данные в среднем за период февраля-ноября 2007 г.

Источник: Обследование населения по проблемам занятости, ноябрь 2007 г. М.: Росстат, 2007. С. 67, 175.

Во всех возрастных группах молодежи рост уровня образования ведет к снижению рисков безработицы. (Некоторое исключение — малочисленная подгруппа лиц с неполным высшим образованием, в силу квалификационной неопределенности их образовательного статуса). Наиболее уязвимыми с точки зрения безработицы среди самых молодых оказываются выпускники полных средних школ (уровень безработицы — 27,2%). Они представляют самую массовую категорию безработных данного возраста (48,5% от общей численности), которая отличается более высокими ожиданиями и амбициями, нежели молодежь с 9-летним школьным образованием. Лучше защищены от рисков безработицы среди самых младших те, кто имеет подготовку в объеме НПО (уровень безработицы — 17,8%), а обладате-

ли дипломов СПО в данном возрасте, видимо, сильнее предыдущих, испытывают сложности при трудоустройстве.

Лучшей защитой от безработицы является наличие высшего образования. У его обладателей уровни безработицы самые низкие: 8,2% среди 20-24-летних и 3,5% среди 25-29-летних. Уровень безработицы наиболее существенно нарастает при переходе от подгрупп молодежи с профессиональным образованием к подгруппам имеющих лишь школьную подготовку, самый высокий он у молодежи с основным образованием — 20,6% среди 20-24-летних и 14,0% среди 25-29-летних³⁰. На лиц со средним общим и основным образованием приходится самая большая часть безработных (71,5% среди тех, кому нет 20 лет, 45,8% среди 20-24-летних и 45,2% среди 25-29-летних), свидетельствуя о низкой конкурентоспособности одного школьного образования в условиях современной экономики.

1.6. Реструктуризация занятости молодежи

Формирование отраслевой занятости молодежи в пореформенный период складывалось под влиянием целого ряда трансформационных процессов, связанных с тенденцией ускоряющегося сдвига современной экономики от массового производства материальных благ к производству услуг и информации. Перераспределение его между секторами и отраслями экономики не в последнюю очередь происходило за счет молодежи, приходящей на рынок труда со «свежими» специализациями и компетенциями.

Перемены в занятости фиксирует динамика численности занятой молодежи в основных отраслях экономики и видах экономической занятости. Мы имеем возможность построить только разорванный динамический ряд, поскольку государственная статистика фиксировала соответствующие данные до 2004 года по классификатору отраслей народного хозяйства, а далее по классификатору видов экономической деятельности. Поэтому вначале сравним положение, характерное для конца советской эпохи, и ситуацию, сложив-

³⁰ Подгруппа «Начальное общее, не имеют начального» не учитывается в анализе из-за ее очень малой численности.

шуюся к 2004 г. в результате кардинальных экономических трансформаций. Далее приведем данные последних лет.

С 1987 по 2004 гг. общая численность занятой молодежи сократилась на 17,0%, при этом наиболее масштабно уменьшалось число рабочих мест в отраслях материального производства: на 47,7% в промышленности, на 43,1% в сельском хозяйстве, на 50,8% в строительстве, на 35,4% на транспорте. Вместе с тем наиболее высокие «темпы сброса» наблюдались в науке, там численность работающих снизилась на 79,5%. Напротив, основными «создателями» рабочих мест оказались отрасли сферы услуг, которые очень сильно расширили число занятых: торговля — на 198,3%, государственное управление — на 445,5%, «зашкаливающим» оказался бы показатель темпов «набора» молодых кадров в финансовой сфере, если бы в 1987 году эта отраслевая группа занятой молодежи не была выведена из статистического учета из-за своей незначительной численности. Снижение численности работающей молодежи в здравоохранении (на 11,6%), а также в культуре и искусстве (на 8,8%) шло более низкими, чем в среднем для всей занятой молодежи, темпами; в образовании число занятых сохранилось примерно на дореформенном уровне (снижение на 2,1%). При этом реструктуризация отраслевой занятости молодежи происходила более интенсивно, чем во всем занятом населении. Среди молодежи, в сравнении со всеми занятыми, с одной стороны, численность работающих в отраслях материального производства снижалась большими темпами (на 43,8% против 26,1%), и, с другой, также более быстро и масштабно шел «набор» кадров в отраслях услуг и инфраструктуры (торговле, финансах и т.п.)³¹.

Результатом столь масштабных динамических перемен стало качественное изменение отраслевой структуры занятости молодежи (см. рис. 1.6.1). В позднее советское время (1987 г.) крупными отраслевыми группами в структуре занятости всей молодежи были в первую очередь промышленность (37,5% занятых в возрасте до 30 лет), строительство (11,5%) и сельское хозяйство (9,2%); достаточно массовой была занятость

³¹ Народное хозяйство РСФСР в 1988 г. Стат. еж. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 32-33, 42; Труд и занятость в России. 2005: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2006. С. 72.

Рисунок 1.6.1

Распределение занятых в возрасте до 30 лет по основным отраслям экономики в 1987 и 2004 гг., РФ, %

Источник: Народное хозяйство РСФСР в 1988 г. Стат. сб. М.: Госкомстат России, 1989. С. 42; Труд и занятость в России. 2005: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2006. С. 72.

в торговле (8,7%) и на транспорте (8,0%); далее шли образование (6,6%), здравоохранение (5,4%) и наука (3,7%). Более чем через пятнадцать лет (к 2004 году) доля промышленности, остающейся самой крупной отраслью занятости молодежи, резко уменьшилась (до 23,6% или на 13,9 процентных пункта). Столь же интенсивно (на схожие процентные пункты — 11,1) происходил обратный процесс — рост вклада в совокупную занятость молодежи торговли (до 20,8%), которая переместилась с четвертого на второе

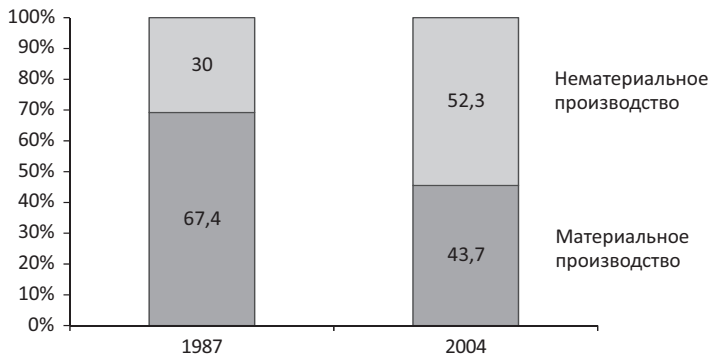
место среди отраслей по численности молодых работников, и теперь по своим размерам она стала равновелика строительству, транспорту, а также сельскому хозяйству вместе взятым. Строительство, стоявшее на втором месте по численности молодежной рабочей силы, теперь спустилось на шестое-седьмое место. В советский период позиция «молодежь — на стройке коммунизма» была не только идеологическим лозунгом и призывом, но реальным фактом биографии сотен тысяч юношей и девушек, главным образом тех, кто, мигрируя из сел и малых поселений в города, начинали трудиться прежде всего на стройке³². Массовый отказ молодежи от тяжелого физического труда, который раньше касался, в первую очередь, сельского хозяйства, теперь распространился и на строительство, отчасти на транспорт в крупных городах, ткацкое и швейное производство. Такой отказ от заполнения рабочих мест индустриального труда стал возможен в результате допуска на российский рынок труда другого рода мигрантов — гастарбайтеров из зарубежья, главным образом ближнего. Это позволяет молодежи вместо сферы индустрии заполнять рабочие места в других областях деятельности, в других нишах.

Соответственно вклад в совокупную занятость молодежи каждой из отраслей нематериального производства (см. рис. 1.6.2) (кроме науки) за этот период увеличился: наряду с торговлей, наиболее масштабно это увеличение происходило в управлении, выдвинув его на третье место среди отраслей по численности молодых кадров (здесь теперь работает каждый десятый молодой работник), также заметным был рост в образовании, который перемесил его на четвертое место в списке (7,8% занятой молодежи). Меньшим оказывается представительство молодых работников сферы социально-бытового обслуживания населения (в здравоохранении — 5,7% занятой молодежи или восьмое место, в жилищно-коммунальном хозяйстве — 3,5%, или девятое место). Финансовая сфера, в которой 20 лет на-

³² Существовала типичная модель профессионально-территориальной мобильности: от работы «под открытым небом» (на селе) — через промежуточную позицию в «полузакрытом помещении» (на стройке) — к работе «под крышей» (на заводе или фабрике). В жизненной траектории миграция из села происходила в молодом возрасте.

Рисунок 1.6.2

Занятые в возрасте до 30 лет в материальном и нематериальном производстве, %

зад было занято статистически не учитываемое число лиц в возрасте до 30 лет, теперь сосредотачивает долю занятых (1,8%), которая превышает не только показатель занятых в науке (0,9% — наименьший из всех рассматриваемых отраслей), но и удельный вес молодежи, работающей в культуре и искусстве (1,6%). В итоге в совокупной занятости молодежи суммарная доля отраслей материального производства из преобладающей стала доминируемой (сократилась с 67,4% до 43,7% или на 23,7 процентных пункта), и, напротив удельный вес отраслей нематериального производства резко вырос и стал превалирующим (с 30,0% до 52,3% или на 22,3 процентных пункта)³³.

1.7. Отличия отраслевой структуры занятости молодежи

Отраслевая занятость молодежи всегда определенным образом отличается от основного работающего населения. Вместе с тем в пореформенное время изменились векторы этих отличий. При сопоставлении структуры отраслевой занятости молодежи (как она выглядела на рис. 1.6.1) с отраслевой занятостью всего населения можно по каждой от-

³³ Сумма отраслей материального и нематериального производства меньше 100% за счет не учтенной статьи «другие отрасли».

расли вычислить разницу показателей. Полученная дельта оказывается положительной, то есть показывает превышение показателя для молодежи или наоборот. Полностью соответствующие расчеты и диаграммы приведены в предыдущей публикации³⁴, здесь сошлемся на их результаты.

Раньше превышение показателя для молодежи наблюдалось в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, а теперь — в торговле, управлении, финансах, инфраструктурах услуг. Таким образом, в корне изменилось использование трудового потенциала молодых поколений. В советский период за счет трудовых ресурсов молодежи покрывались потребности народного хозяйства в наиболее массовых и дефицитных кадрах — сфере материального производства и в секторе малоквалифицированного труда, несмотря на более высокий образовательный потенциал молодых когорт. Ныне — в условиях гораздо более свободного профессионального выбора молодежи и все более глобализирующегося рынка труда — ее отраслевая занятость отличается от всего населения прежде всего тенденциями прогрессивного структурного изменения, соответствующими трендам развития постиндустриальной экономики.

Наращение преобладания сферы нематериального производства в структуре занятости молодежи продолжилось и к 2012 на нее приходилось уже 59%. На рис. 1.7.1 даны распределения структуры занятых по видам экономической деятельности в 2012 г.: светлым — показатели для молодежи 20-29 лет, темным — для всех занятых. Если по данным за 2004 год в структуре занятой молодежи на первом месте шла промышленность, на втором торговля, теперь главенствуют занятые в торговле (21%) и только потом следуют обрабатывающие производства (14,5%), транспорт и связь (8,9%), которым немногим уступают управление (8,5%), недвижимость, аренда, услуги (6,9%), образование (6,8%) и пр.

Немного занятых в сельском, лесном хозяйствах, рыболовстве и рыбоводстве (5,4%), еще меньшая доля приходится у молодежи на занятых в производстве электрор-

³⁴ *Чередниченко Г.А.* Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСПиМ, 2014. С. 141-144.

Рисунок 1.7.1

Структура занятых по видам экономической деятельности в 2012 г.: молодежь в возрасте 20-29 лет и все занятые, в %

Источник: Труд и занятость в России — 2013 год [online]. Дата обращения 24.05.2014. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916801766>.

энергии, газа, воды (2,3%), в добыче полезных ископаемых (2,0%).

Сравнение показателей молодежи и всех занятых по отдельным видам экономической деятельности обнаруживает превышение этих индикаторов у молодежи по большей части тех видов, которые относятся к нематериальной сфере: в торговле (значительное превышение), в управлении, недвижимости, аренде и услугах, в финансовой деятельности, в гостиничном и ресторанном деле. Более низкие доли занятых среди молодежи в сравнении со всем населением наблюдаются только в образовании и здравоохранении, где велик удельный вес бюджетных рабочих мест с умеренной

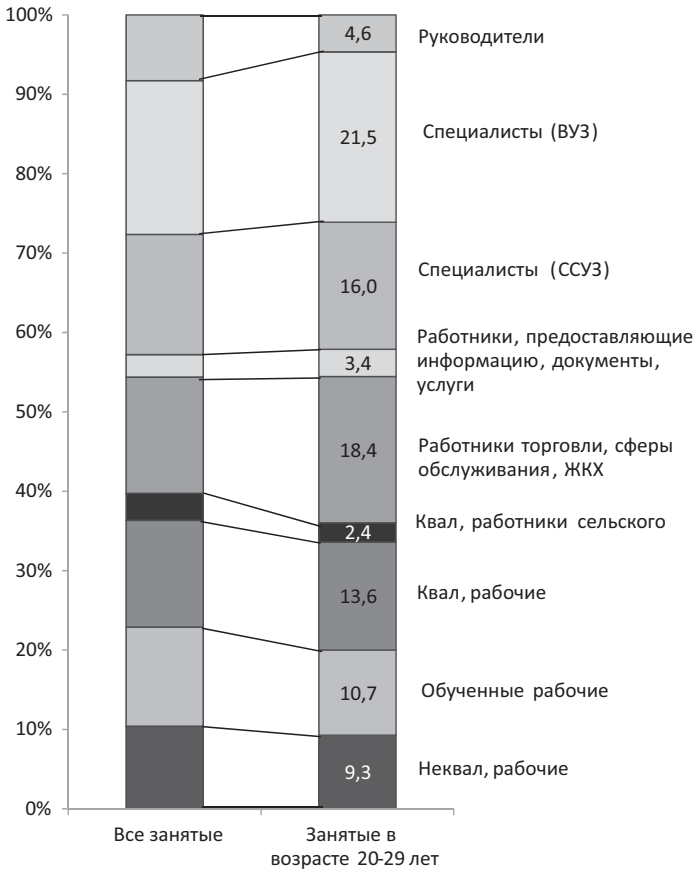
оплатой труда, на которую не часто соглашается молодежь. И напротив, в видах деятельности, которые можно отнести к материальной сфере, доля занятых среди 20-29-летней молодежи ниже, чем во всем населении. Исключение, которое представляет строительство (7,9% среди занятой молодежи и 7,4% среди всего занятого населения), обязано тому, что статистика фиксирует в том числе и занятость иностранных работников, а среди них всех на стройках занято 40% и, как известно, они преимущественно представлены людьми молодежных возрастов.

1.8. Специфика профессионально-квалификационной занятости

Структура профессионально-квалификационной занятости молодежи складывается под влиянием ее образовательного состава. Возрастные различия в структуре профессионально-квалификационной занятости молодежи фиксируют поляризацию положения между рано выходящими на рынок труда с пониженными образовательными ресурсами (до 20 лет) и трудоустраивающимися в более старшем возрасте после получения и наращивания профессионального образования (20-29-летними). Первые концентрируются на местах рабочих (часто неквалифицированных) промышленности, строительства, транспорта и сельского хозяйства, оказываются на «периферии» рынка труда. Во второй группе (см. рис. 1.8.1) большая часть занята умственным трудом (руководители, специалисты высшего и среднего уровня квалификации, служащие в сумме составляют 45,6%), меньшая оказывается на позициях рабочих (33,6%), существенная доля (18,4%) приходится на работников торговли, сферы обслуживания и ЖКХ. За исключением группы руководителей, по всем другим профессионально-квалификационным группам умственного труда наблюдается превышение показателей у 20-29-летних относительно всех занятых. Благодаря более высокому образовательному потенциалу, в сравнении с другими возрастными группами занятых, у 20-29-летних соотношение «белых» (группы с 1-й по 5-ю) и «синих воротничков» (группы 6-9) составляет 64,0% к 36,0%, оно

Рисунок 1.8.1

Структура профессионально-квалификационной занятости молодежи 20-29 лет и всего занятого населения, %

Источник: Обследование населения по проблемам занятости 2012. Сводные таблицы [online]. Дата обращения 21.06.13. URL: <http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_30/Main.htm>.

выше, чем у всего занятого населения, и тождественно соответствующим показателям в таких развитых странах как Германия (66,8% к 33,2%) и Франция (65,3% против 34,7%)³⁵.

³⁵ Yearbook of Labor Statistics. 2008 / ILO. Geneva, 2008. P. 218, 221.

Все это свидетельствуют о том, что конфигурация рабочих мест, занимаемых молодежью сегодня, в существенно большей степени, нежели прежде, оказалась приближенной к структуре профессиональных склонностей юношей и девушек. Сегодня изменившимся профессиональным ориентациям молодежи, генерируемым ценностями новой экономики (господству стремлений к профессиям, обеспечивающим быструю финансовую самостоятельность и материальную обеспеченность, продвижение и карьеру), все в большей степени соответствует сместившаяся структура спроса, предоставляющая в отдельных сегментах, секторах, отраслях, предприятиях, профессиях условия для реализации искомых молодежью возможностей. Укрепившаяся в последние 10-15 лет ориентация молодежи на профессии, предполагающие наличие высшего образования, связанные со сферой обслуживания и инфраструктурой интеллектуального сервиса, находит не только адекватное предложение на рынке образовательных услуг, но и определенную степень схождения со стороны структуры рынка труда.

1.9. Особые позиции молодежи на рынке труда: нестандартная занятость

Сложившийся специфический российский рынок труда, с одной стороны, характеризуется обычным для рыночных экономик набором институтов, действующих в данной сфере, с другой — отличается на практике особыми механизмами «русской адаптации» этого институционального устройства. Систематизированный анализ российского рынка труда приводит экономистов к выводу, что ключевые его особенности складываются на фоне сочетания жесткого законодательного и административного регулирования и крайне неэффективных механизмов, призванных обеспечить исполнение законов и контрактов³⁶. «В результате действительный институциональный фундамент российского рынка труда составляют не столько законы и контракты, сколько разного рода неформальные отношения и практики»³⁷.

³⁶ Капелюшников Р. Российская модель рынка труда // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3 (71). С. 26-34.

³⁷ Там же. С. 31.

Их проявление и воздействие на характеристики рынка труда, имеющие прямое отношение к трудоустройству и профессиональным траекториям молодежи, разнообразны. Нередко молодежь сталкивается на рынке труда с такими сторонами реальной практики трудовых отношений, как работа в режиме неполного рабочего времени, несвоевременная, скрытая, теневая, натуральная оплата труда, неполная, вторичная занятость и занятость в неформальном секторе, нарушение института контракта или договорных обязательств, «непрозрачность» условий при найме на работу и пр. Существенное воздействие на занятость молодежи оказывает также сегментация рынка труда, связанная с разной степенью защиты занятости работников. Большая степень защиты распространяется только на центральное ядро экономики (главным образом крупные и средние предприятия), занятые в котором имеют преимущества в виде более высокой зарплаты, широкого спектра льгот и гарантий, защиты от увольнения и т.д. Наряду с ним образуются сектора и анклавы, гораздо меньше обремененные обеспечением гарантий занятости своим работникам, кроме того, есть «периферия» (малые предприятия, ПБОЮЛы, самозанятость) и неформальный сектор, полностью свободные от формальных регуляторов. Там оседают работники с более слабыми конкурентными позициями, в частности нередко — впервые выходящая на рынок труда молодежь. Не имея доказательств своей производительности (отсутствие опыта работы), молодежь порой вынужденно соглашается на краткосрочную, временную работу, без трудового контракта, по устной договоренности, с оплатой труда наличными, без участия государства в решении трудовых споров и т.п.

Вся эта неформальная сфера труда является одной из составляющих более масштабного явления нестандартной занятости, имеющей более широкий контекст³⁸. Ее распространение отражает новейшие тенденции в развитии рынка труда. Нестабильность, сниженная защищенность рабочего места даже вне связи с экономической конъюнктурой все

³⁸ Кабарчук Т.С. Непостоянная занятость и социальная стратификация // Социологический журнал. 2009. № 3.

чаще становится приметой сегодняшней занятости. В отличие от века минувшего, когда на рынке труда сформировалось устойчивое представление о стандарте занятости как о занятости по найму на постоянной основе и на полный день, сегодня занятость все чаще отличается меньшей стабильностью. Новая экономика и основанное на ней информационное общество, темп смены технологий, процессы глобализации и многое другое ведут с конца XX и тем более в XXI веке к постепенному сокращению традиционной занятости и возникновению новых форм гибкого использования рабочей силы, к большой ее мобильности как внутри фирм, так и на внешних рынках труда. Все больше новых рабочих мест изначально создаются как временные и тем самым незащищенные от различных рисков. В России общемировая тенденция увеличения лабильности занятости ведет к еще большему усилению и разрастанию фактически неформализованных трудовых отношений.

Исторически, в 1990-е годы, в период наиболее кардинальных перемен неформальный сектор выполнил важную социально-экономическую функцию: предоставив части россиян возможность заработать, он амортизировал сокращение занятости в формальном секторе и тем самым смягчил социальное напряжение в обществе³⁹. Сходную социальную функцию неформальная занятость выполняет и в решении проблем выхода на рынок труда молодых поколений. Иначе она не была бы столь распространена среди молодежи: если во всем населении удельный вес занятых в неформальном секторе в общей численности занятых в экономике с 2001 к 2012 году возрос с 12,5% до 19,0%, то в возрастной группе до 20 лет соответственно с 23,0% до 47,7%, в следующей возрастной группе — 20-24 года — с 13,3% до 55,8%, среди 25-29-летних — с 12,5% до 34,7%⁴⁰. Неформальная занятость, к которой

³⁹ Устинова С.С. Теоретические аспекты рынка труда в России // Рынок труда и занятость: современные проблемы теории и практики. М.: Изд-во РАГС, 2004. С. 63.

⁴⁰ Экономическая активность населения России. 2008. Стат. сб. М.: Росстат, 2008. С. 93; Обследование населения по проблемам занятости 2012. Сводные таблицы [online]. Дата обращения 21.06.13. URL: <http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_30/Main.htm>.

относится предпринимательская деятельность на индивидуальных или семейных частных предприятиях, работа по найму у производителей товаров и услуг, позволяет разным категориям работников гибко обеспечивать себя доходом, в частности молодым в период их наиболее уязвимого с точки зрения конкурентоспособности этапа — во время начального выхода на рынок труда.

Наряду с неформальной занятостью набор нестандартных форм занятости включает еще и неполную, сверхурочную, временную, случайную, вторичную и др.⁴¹. Во многих этих формах нестандартной занятости представительность молодежи повышена. Показатели временной, случайной, неформальной занятости тем выше, чем младше молодежь. Роль ее амбивалентна. С одной стороны, она свидетельствует о более слабых позициях рано выходящих на рынок труда и в сочетании с низкими образовательными ресурсами может увеличивать их риски оседания на периферии рынка труда. С другой стороны, нестандартная занятость предоставляет ряд преимуществ, становясь в начале трудовой траектории важным инструментом трудовой адаптации, более свободного поиска и выбора профессии и источника дохода, более гибкого сочетания учебной и трудовой занятости.

Итак, в результате динамических и структурных трансформаций занятости молодежи в пореформенные годы существенно изменились общие рамки формирования ее образовательных стратегий и профессиональных траекторий. Перемены соотношения между «занятыми через образование» и занятыми в трудовой сфере отодвинули возраст выхода на рынок труда бóльшей части молодежи. В отраслевом и профессиональном плане занятость молодежи стала в бóльшей степени, нежели занятость всего населения, отвечать современным трендам развития экономики, а конфигурация ее рабочих мест в существенно бóльшей степени, нежели прежде, оказалась приближенной к структуре нынешних профессиональных склонностей юношей и девушек.

⁴¹ Нестандартная занятость в российской экономике / Под ред. В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшников. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 19.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

В условиях перемен, происходящих в российском обществе, образование как один из социальных институтов, участвующих в трансляции ценностей, социализации и инкультурации личности, также претерпевает изменение. Д. Нортон⁴² отмечает эволюционность в исследованиях социальных институтов, что позволяет выделить два фактора, обуславливающих направление институциональных изменений — их возрастающий масштаб и транзакционные издержки. Под транзакционными издержками В.М. Полтерович понимает формирование в условиях реформ новых норм, что в конечном итоге может затрагивать самые широкие сферы — от формирования государственного бюджета до изменения в установках и поведении граждан⁴³. Как отмечают О. Бланхард и М. Кремер⁴⁴, всякая трансформация, особенно широкомасштабная, приводит в той или иной мере к дезорганизации системы, что обуславливает ухудшение условий для адаптации населения.

Одними из первых, кто попытался теоретически осмыслить динамику трансформационных процессов в российском обществе постсоветского периода, был коллектив исследователей под руководством Н.И. Лапина. Они охарактеризовали процессы, происходившие в конце XX века в России, как социокультурную трансформацию — преобразование типа антропосоциетального соответствия, или конкретно-исторической его формы. «Этот комплексный

⁴² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Изд-во «Начала», 1997.

⁴³ Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35, № 2. С. 3-30; Полтерович В. М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004, № 3. С. 5-16; Полтерович В. М. К руководству для реформаторов: некоторые выводы из теории экономических реформ // Экономическая наука современной России. 2005, № 1 (28). С. 7-24.

⁴⁴ Blanchard O., Kremer M. Disorganization. Preprint. MIT and NBER, October 1996.

процесс, который охватывает все основные структуры общества, не сводится к реформам “сверху”, а зависит от действий массовых социальных групп, что обуславливает незаданность его исхода. Он совершается многими поколениями и длится десятилетиями»⁴⁵.

В результате институциональной динамики, которая является следствием трансформации российского общества, происходящей в последние двадцать лет, изменились социокультурные условия жизни людей. В результате неорганичности процессов модернизации возник социально-культурный конфликт между группами, ориентированными на идеологию догоняющей модернизации, и группами, предпочитающими традиционалистские ценности⁴⁶, что привело к разрушению старых, советских, и возникновению новых, постсоветских, типов солидарностей и идентификаций.

Ряд социологов и психологов видят в сложившейся ситуации не столько позитивные возможности для развития личности, сколько угрозу для формирования навыков по преодолению транзакционных издержек в условиях интенсификации институциональной динамики, поскольку люди могут вести себя адаптивно в ситуациях, допускающих только ограниченное число вариантов поведения⁴⁷. При неограниченном выборе вариантов поведения выбор оптимального становится невозможным, в результате чего наступает состояние дезадаптированности⁴⁸.

Региональная специфика социокультурного развития обуславливает особенности адаптационного процесса. В исследовании влияния образования на социокультурную адаптированность молодежи Севера⁴⁹ уже рассматривался

⁴⁵ *Лапин Н.И.* Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 3. С. 32 — 39.

⁴⁶ *Бызов Л.Г.* Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности // Мир России. 2002, № 1. С. 117 — 152

⁴⁷ См., напр.: *Найссер У.* Познание и реальность. М., 1981. С. 194.

⁴⁸ *Налчаджян А.А.* Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М., 2010. С. 53.

⁴⁹ *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск: Нонпарель, 2011.

вопрос о взаимосвязи жизненных стратегий, избираемых учащимися и студентами, и имеющихся в регионе условий. Данный вопрос является одним из приоритетных в рамках исследований молодежи Сибири, уже многие годы ведущихся сотрудниками Института философии и права СО РАН.

В изучении системы образования и ее институциональной динамики, как правило, применяется теоретический подход, основанный на парадигмах социологии образования, что позволяет рассматривать образование как социальный институт, выполняющий социальную и культурную функции (В.А. Дмитриенко, Г.Е. Зборовский, Д.Л. Константиновский, Н.А. Лурья, А.М. Осипов, Ф.Р. Филиппов и др.). Они заключаются в первую очередь в социализации и инкультурации членов общества, трансляции устойчивых социокультурных стандартов поведения, что ведет к интеграции индивидов в социальную систему.

Изучение образовательных стратегий молодежи Новосибирска и Новосибирской области необходимо вести с учетом специфики социокультурного развития региона, динамики его системы образования, которые неизбежно сказываются в формировании установок и поведения молодежи в образовательной сфере. Характеристики этой региональной специфики многообразны. Перечислим самые основные: высокая плотность населения области в составе Сибирского федерального округа (СФО), сочетающаяся с неравномерностью расселения жителей внутри нее (высокая концентрация населения в мегаполисе и низкая плотность заселенности западного берега Оби); высокая концентрация в мегаполисе образовательных, культурных и научных учреждений (в г. Новосибирске 25 вузов, около тысячи общих и специальных школ, 47 негосударственных образовательных учреждений и техникумов, 9 театров, почти 2 тысячи библиотек, многочисленные учреждения Российской академии наук); высокий уровень образования населения; большая миграционная привлекательность территории, ведущая к изменению этно-демографического состава населения региона.

Опишем последовательно эти характеристики более подробно. В современной системе школьного образования

основным механизмом финансирования образовательных учреждений является подушевое финансирование. Это означает, что при составлении планов и прогнозов о вложениях в систему образования существенным показателем становится динамика численности населения. Для населения Новосибирской области (НСО), как это видно из табл. 2.1, в последние годы был характерен рост численности.

Таблица 2.1

**Численность населения Новосибирской области
(на начало года, человек)**

	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего по области	2642727	2648923	2661594	2666465	2686863	2709461
Городские округа:						
г. Новосибирск	1390513	1397191	1464971	1475136	1498921	1523801
г. Бердск	94603	95798	96344	97555	98809	100259
г. Искитим	64083	64008	60603	59970	59058	58342
г. Обь и подчиненные его администрации населенные пункты	25162	25469	25049	25491	26137	26857
р. п. Кольцово	9829	9976	11572	12519	13033	13678

Источники: Новосибирская область. 2013: статистический ежегодник / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2013. С. 18.

Жители НСО проживают преимущественно в городах, и доля городского населения в 2008–2013 гг. неуклонно росла (до 78,2% в 2014 г.). Это больше, чем в составе населения СФО, где удельный вес горожан в 2013 г. составлял 72%. В настоящее время в Новосибирске проживает 56% населения НСО. Большая часть трудоспособного населения занята в инфраструктуре и обслуживающих отраслях.

Увеличение численности населения в городах происходит отчасти в результате преобладающей тенденции миграции «из села в город» и соответственно неуклонной убыли численности сельского населения (см. табл. 2.2).

Таблица 2.2

**Городское и сельское население Новосибирской области
(на начало года)**

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Все население, тыс. человек	2642,7	2648,9	2661,6	2666,5	2686,9	2709,5	2731,2
<i>в том числе:</i> городское	2016,6	2029,0	2048,0	2061,4	2084,2	2110,0	2135,9
сельское	626,1	619,9	613,6	605,1	602,7	599,5	595,3
<i>удельный вес в общей численности постоянного населения, %:</i>							
городское	76,3	76,6	76,9	77,3	77,6	77,9	78,2
сельское	23,7	23,4	23,1	22,7	22,4	22,1	21,8

Источники: Новосибирская область. 2013: статистический ежегодник / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2013. С. 19.

Считается, что НСО является «регионом одного города», между тем растет и привлекательность города Бердска, находящегося всего в 36 км от областного центра. Это происходит на фоне латентно присутствующей в общественном сознании идеи присоединения Бердска к Новосибирску и благодаря открытию в нем филиалов организаций, находящихся в Новосибирске, что ведет к увеличению количества рабочих мест. Есть и другие факторы, способствующие развитию населенных пунктов: нерешенность транспортных проблем, которая существенно осложняет маятниковую миграцию жителей Бердска и Искитима, работающих в Новосибирске; экологическая привлекательность проживания в Бердске, находящемся на берегу Бердского залива. Благоприятная экологическая обстановка является также фактором высокой привлекательности при переезде людей в районный поселок Кольцово, находящийся фактически в пределах городской черты Новосибирска и являющийся одним из развивающихся районов.

При миграции из села в город, из маленьких городов в большие «факторами притяжения», заставляющими многих людей принимать решение о переезде, становятся большие социальные возможности, а также более благоприятные перспективы получения работы на новом месте жительства. Существенно стимулирует миграцию и стремление родителей обеспечить своим детям лучшие социально-культурные условия реализации будущего жизненного пути. Как показали результаты наших предыдущих исследований⁵⁰, усиливается осознание родителями своей личной ответственности за будущее образование детей. Сформировалось понимание, что эта часть родительских функций состоит не только в воспитании и формировании личности, но и в организации процесса развития ребенка, включая заботу о повышении уровня его образования, при этом вложение средств в образование детей рассматривается родителями не только как инвестиции в их будущее, но одновременно и как гарантия своего будущего. Можно сделать вывод, что в этот процесс включается вся семья. И это косвенно расширяет интегративные возможности образования как социального института.

При планировании текущего и перспективного финансирования образовательных учреждений представляется возможным учесть параметры миграционных потоков внутри НСО. Однако оценить и прогнозировать размеры и направления внешней миграции гораздо сложнее. Между тем, увеличение численности населения НСО наряду с действием положительного естественного прироста происходит уже длительное время благодаря внешней иммиграции. Составленный исследователями под руководством В.И. Игнатьева и Е.Б. Мостовой социокультурный портрет Новосибирской области показывает, что внешний миграционный источник прироста населения региона является традиционным для области и имеет давние исторические корни⁵¹. В 1915 году была построена железная дорога, что

⁵⁰ *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск: Нонпарель, 2011.

⁵¹ Новосибирская область в зеркале социологии: культурный капитал и инновационный потенциал населения в контексте модернизации:

обусловило получение Новосибирском статуса международной торговой транзитной базы. Это существенно увеличило размеры перемещения людей из южных регионов ближнего зарубежья в Западную Сибирь.

Для того чтобы оценить размеры иммиграции из отдельных стран Средней Азии в НСО, мы можем использовать только недостаточно полные результаты Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг., которые дают информацию об этническом составе населения НСО. На основе имеющихся данных можно предположить, что основная масса приезжающих в НСО в последние годы представлена выходцами из Таджикистана и Узбекистана. Если в переписи 2002 года эти этнические группы даже не были внесены в базу данных ввиду их малочисленности в населении НСО, то в результатах переписи 2010 года обе группы уже зафиксированы. Д.В. Ушаковым⁵² были проведены социологические исследования фактора этничности в регулировании межнациональных отношений и функционировании процесса обучения в Новосибирске. Результаты этих исследований в отношении процесса получения образования иммигрантами как механизма адаптации молодежи в принимающем сообществе показали, что высокая образовательная привлекательность Новосибирска и Новосибирской области была одним из стимулов переезда сюда мигрантов из ближнего зарубежья (см. табл. 2.3).

Данные табл. 2.3 показывают, что в 2012 году число прибывших в НСО из стран СНГ более чем в 2 раза превысило соответствующий поток 2007 года, а миграционный прирост между НСО и странами СНГ увеличился в этот период в 3,5 раза. Эти данные выглядят еще более выразительно (свидетельствуя об особой привлекательности НСО для мигрантов), если их сравнить с соответствующей информацией по соседним с Новосибирской областям. Так, в Томской

коллективная монография / отв. ред. В.И. Игнатьев; науч. ред. Е.Б. Мостовая. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. — С. 57.

⁵² Ушаков Д.В. Новосибирск многонациональный: межэтнические отношения и воспроизводство этничности. — Новосибирск: ООО Издательский дом «Манускрипт», 2013; Межнациональные отношения городских школьников (по материалам социологического исследования в г. Новосибирске). Новосибирск: ИИЦ «Вестник НРСО», 2006.

области в рассматриваемый период миграционный прирост оставался одинаковым (соотношение миграционного прироста к числу прибывших составляло 10,3% в 2007 г. и 10,2% в 2014)⁵³, в Омской области этот показатель даже уменьшился (13,9% и 9,8% соответственно)⁵⁴.

Таблица 2.3

Миграция в Новосибирск и Новосибирскую область, человек

	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Миграция всего						
число прибывших	44114	48688	50151	49012	80645	93163
число выбывших	40446	39200	37183	39006	58844	71478
миграционный прирост, убыль (-)	3668	9488	12968	10006	21801	21685
<i>в том числе миграция в пределах России</i>						
число прибывших	40393	43627	44284	45182	66834	79815
число выбывших	39290	38253	36310	38157	58076	67865
миграционный прирост, убыль (-)	1103	5374	7974	7025	8758	11950
из нее:						
внутрирегиональная						
число прибывших	23286	23535	23380	24006	36873	42587
число выбывших	23286	23535	23380	24006	36873	42587
миграционный прирост, убыль (-)	-	-	-	-	-	-
межрегиональная						
число прибывших	17107	20092	20904	21176	29961	37228
число выбывших	16004	14718	12930	14151	21203	25278
миграционный прирост, убыль (-)	1103	5374	7974	7025	8758	11950
международная миграция						
число прибывших	3721	5061	5867	3830	13811	13348
число выбывших	1156	947	873	849	768	3613

⁵³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 83

⁵⁴ Там же.

Окончание табл. 2.3

	2007	2008	2009	2010	2011	2012
миграционный прирост, убыль (-)	2565	4114	4994	2981	13043	9735
из нее:						
со странами СНГ и Балтии						
число прибывших	3565	4861	5657	3626	10219	11262
число выбывших	694	559	555	514	467	2111
миграционный прирост, убыль (-)	2871	4302	5102	3112	9752	9151
с другими зарубежными странами						
число прибывших	156	200	210	204	3592	2086
число выбывших	462	388	318	335	301	1502
миграционный прирост, убыль (-)	-306	-188	-108	-131	3291	584
Внешняя для области миграция						
число прибывших	20828	25153	26771	25006	43772	50576
число выбывших	17160	15665	13803	15000	21971	28891
миграционный прирост, убыль (-)	3668	9488	12968	10006	21801	21685

Источники: Новосибирская область. 2013: статистический ежегодник / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2013. С. 22. (В соответствии с международными рекомендациями, с 2011 года в статистический учет долгосрочной миграции включены также лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более).

Конечно, далеко не все эти внешние мигранты переезжают в НСО ради поступления в вузы и другие учебные заведения; но естественно предположить, что многие из них переселяются сюда в расчете на решение ряда социально-экономических проблем (своих и своей семьи) путем использования системы образования региона.

Наряду с ростом потока прибывающих в НСО увеличивается и численность выбывающих. Коренные жители Новосибирска и Новосибирской области в поисках «лучшей жизни» и более качественного образования (которое свя-

зывают с перспективами получения престижной работы) переезжают в центральную часть России или за рубеж. Как отмечает коллектив исследователей под руководством В.И. Игнатьева и Е.Б. Мостовой⁵⁵, в Новосибирской области имеет место миграционная убыль населения, характерная и для других регионов Сибири с преимущественно русским населением.

При составлении прогнозов развития сферы образовательных услуг в Новосибирске и Новосибирской области важно учитывать не только постепенное изменение этнокультурного состава жителей региона, все большую общность моделей поведения сельских и городских жителей в связи с получением образования, но и сокращение в 1,3 раза с 2007 по 2012 гг. численности населения в возрасте от 10 до 19 лет (см. табл. 2.4).

Таблица 2.4

**Возрастной состав населения Новосибирской области
(на начало года)**

	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Тысяч человек						
Все население	2647,2	2642,7	2648,9	2661,6	2666,5	2686,9
в том числе в возрасте, лет:						
0 — 9	243,0	249,6	259,4	270,2	275,8	287,7
10 — 19	331,3	309,8	292,9	276,9	261,2	248,4
20 — 29	457,6	461,3	465,8	472,6	473,6	476,6
30 — 39	366,8	375,9	385,4	395,1	405,2	415,7
40 — 49	409,1	392,5	376,9	363,8	351,1	344,4
50 — 59	384,7	393,5	403,1	407,3	413,0	415,7
60 — 69	218,4	214,3	211,3	213,7	219,7	230,7
70 и старше	236,3	245,8	254,1	262,0	266,9	267,7

⁵⁵ Новосибирская область в зеркале социологии: культурный капитал и инновационный потенциал населения в контексте модернизации: коллективная монография / отв. ред. В. И. Игнатьев; науч. ред. Е. Б. Мостовая. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. — С. 28.

В % к итогу						
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе в возрасте, лет:						
0 — 9	9,2	9,4	9,8	10,2	10,3	10,7
10 — 19	12,5	11,7	11,1	10,4	9,8	9,2
20 — 29	17,3	17,5	17,6	17,8	17,8	17,7
30 — 39	13,9	14,2	14,5	14,8	15,2	15,5
40 — 49	15,5	14,9	14,2	13,7	13,2	12,8
50 — 59	14,5	14,9	15,2	15,3	15,5	15,5
60 — 69	8,2	8,1	8,0	8,0	8,2	8,6
70 и старше	8,9	9,3	9,6	9,8	10,0	10,0

Источники: Новосибирская область. 2013: статистический ежегодник / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2013. С. 19.

Ориентируясь на ежегодное уменьшение числа рождений, происходившее с самого конца 1980-х по 1999 год, Министерство образования НСО осуществляло соответствующее сокращение числа дошкольных образовательных учреждений, которое продолжилось и в последние годы, несмотря на то, что показатели рождаемости изменились. С 2000 года по настоящее время наблюдается ежегодное увеличение числа родившихся. Соответственно в последние годы происходит существенное увеличение численности детей в дошкольных образовательных учреждениях (см. табл. 2.5). Показатели демографического развития и введение обязательной дошкольной подготовки детей обуславливают необходимость пересмотра существовавшего до сих пор подхода к организации учреждений дошкольного образования НСО.

«Демографическая волна» сниженных показателей рождаемости докатилась до школы уменьшением соответствующих возрастных когорт учащихся. С введением подушевого финансирования учебных заведений общеобразовательной подготовки происходило и сокращение числа школ и численности учащихся в НСО (см. табл. 2.6). Это ситуация характерна для многих регионов России.

Таблица 2.5

**Дошкольные образовательные учреждения в НСО
(на конец года)**

	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Число дошкольных образовательных учреждений	733	717	729	722	707	705
Численность детей в дошкольных образовательных учреждениях, тысяч	79,1	87,4	91,7	94,8	100,8	108,5
Охват детей в возрасте 1-6 лет дошкольными образовательными учреждениями (в % к численности детей соответствующего возраста)	51,0	54,1	56,6	57,8	59,1	64,0*

*Предварительные данные.

Источники: Новосибирская область. 2013: статистический ежегодник / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2013. С. 38.

Для НСО характерно разнообразие типов и видов общеобразовательных учреждений. По новым нормативам для сохранения статуса муниципального общеобразовательного учреждения школам приходится создавать группы дошкольной подготовки, а также комплексы с дошкольными образовательными учреждениями.

Таблица 2.6

Общеобразовательные школы в НСО (на начало учебного года)

	2007/ 2008	2008/ 2009	2009/ 2010	2010/ 2011	2011/ 2012	2012/ 2013
Число общеобразовательных учреждений	1175	1133	1107	1092	1082	1066
государственных и муниципальных	1159	1118	1093	1078	1066	1050
дневных	1109	1072	1047	1034	1023	1008
вечерних (сменных)	50	47	46	44	43	42
негосударственных	16	15	14	14	16	16

Окончание табл. 2.6

	2007/ 2008	2008/ 2009	2009/ 2010	2010/ 2011	2011/ 2012	2012/ 2013
Численность учащихся в общеобразовательных учреждениях, тыс. человек	261,4	256,3	254,7	257,9	261,5	265,8
в государственных и муниципальных	260,0	255,0	253,5	256,6	259,9	264,0
дневных	249,5	244,6	243,9	247,5	251,6	256,5
вечерних (сменных)	10,5	10,4	9,6	9,1	8,3	7,5
в негосударственных	1,4	1,3	1,2	1,3	1,6	1,8
Численность учителей в общеобразовательных учреждениях, тыс. чело- век	27,9	26,5	21,6	21,3	21,5	21,3
в государственных и муниципальных	27,6	26,2	21,3	21,0	21,2	21,0
дневных*	27,1	25,8	20,9	20,7	20,9	20,7
вечерних (сменных)**	0,5	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3
в негосударственных	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3

* За 2009/2010 и 2010/2011 годы данные приведены без внешних совместителей, с 2011/2012 года — по всем общеобразовательным учреждениям.

** данные приведены без внешних совместителей.

Источники: Новосибирская область. 2013: статистический ежегодник / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2013 С. 38.

Так, по данным о ходе выполнения плана социально-экономического развития Новосибирской области в сфере образования, науки и инновационной политики Новосибирской области по итогам 9 месяцев 2013 года, к началу 2013-2014 учебного года в сети дневных общеобразовательных учреждений 17 школ с малым количеством детей присоединились к другим, более крупным дневным общеобразовательным учреждениям (в т.ч. лицеям, гимназиям); одна начальная школа, в связи с отсутствием

детей, закрыта. 13 учреждений изменили тип: 2 крупные общеобразовательные школы получили статус учреждений с углублённым изучением отдельных предметов; 8 средних (основных) общеобразовательных школ с малым количеством детей стали основными (начальными) общеобразовательными школами; одна специальная школа-интернат для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, стала специальной (коррекционной) школой; 2 «начальные школы — детский сад» стали детскими садами; одна средняя общеобразовательная школа открыта (СОШ № 211 г. Новосибирска). Существенно сократилось количество вечерних школ — с 41 до 28: 6 вечерних школ присоединились к дневным школам или другим, более крупным вечерним школам; 7 вечерних школ ликвидированы (при этом в дневных школах открыты классы очно-заочной или заочной формы обучения)⁵⁶.

Сокращение количества общеобразовательных учреждений происходит на фоне постепенного увеличения числа учащихся, а также сокращения штата учителей при увеличении нагрузки на каждого из них, что совершенно не компенсируется показателями роста среднемесячной заработной платы (см. табл. 2.7). Так, с 2010 по 2012 г. численность учителей уменьшилась в 1,3 раза, а реальная заработная плата выросла на 13%.

Таблица 2.7

**Реальная среднемесячная заработная плата работников организаций Новосибирской области
(в % к предыдущему году)**

	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Всего в экономике	121,3	115,0	95,7	103,8	103,7	109,4
Образование	116,4	114,4	106,8	99,9	101,1	112,5

Источники: Новосибирская область. 2013: статистический ежегодник / Территориальный орган ФГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2013. С. 34.

⁵⁶ Информация о ходе выполнения плана социально-экономического развития Новосибирской области в сфере образования, науки и инновационной политики Новосибирской области по итогам 9 месяцев 2013 года [online]. Дата обращения 21.07.2014. URL: <<http://edunso.ru/node/3495>>.

Модернизация образования, проходящая в стране, обуславливает поиск новых форм и методов преподавания в школах НСО. Так, в рамках проекта «Моя школа — весь мир» реализуется проект «Сетевая дистанционная школа Новосибирской области». В 2013-2014 учебном году в проекте участвуют 64 общеобразовательных учреждения. Количество обучающихся, осваивающих образовательные программы с использованием дистанционных образовательных технологий, увеличилось с 5,5 тыс. человек до 6,5 тыс. (на 18%). В 114 учреждениях реализуется проект «Обучение и социализация детей с ограниченными возможностями здоровья в инклюзивном образовательном пространстве». В 2013-2014 учебном году количество детей, которые получили возможность обучаться в школах по месту жительства и получать квалифицированную психолого-педагогическую и медико-социальную помощь и поддержку, увеличилось с 706 до 2,5 тыс. Для каждого ребёнка был разработан индивидуальный образовательный маршрут. Наряду с общеобразовательными дисциплинами индивидуальная программа обучения включает занятия с психологом, логопедом. Дети посещают лечебную физкультуру, ритмику, занятия по социально-бытовой ориентировке.

В рамках реализации приоритетного национального проекта «Образование» продолжена реализация направления «Развитие дистанционного образования детей-инвалидов» (ВЦП «Развитие образования детей с ограниченными возможностями здоровья и детей — инвалидов в Новосибирской области на 2011 — 2013 годы»). В 2013-2014 учебном году в 133 общеобразовательных учреждениях организовано обучение 350 детей-инвалидов на дому с использованием дистанционных образовательных технологий по программам начального общего, основного общего, среднего (полного) общего и дополнительного образования детей (в прошлом году — 315 детей). В 2013-2014 доля общеобразовательных организаций, осуществляющих дистанционное обучение, в общей численности общеобразовательных организаций, составила 19% (всего 197 учреждений)⁵⁷.

⁵⁷ Информация о ходе выполнения плана социально-экономического развития Новосибирской области в сфере образования, науки и инновационной политики Новосибирской области по итогам 9 месяцев

В 2013 году началась реализация ведомственной целевой программы «Развитие кадрового потенциала системы образования Новосибирской области на 2013-2015 годы» (утверждена приказом Министерства образования, науки и инновационной политики Новосибирской области от 27.12.2012 № 2691)⁵⁸. Основные задачи этой программы:

1) разработка и реализация системы мер по привлечению и закреплению квалифицированных кадров в системе образования Новосибирской области;

2) модернизация региональной системы повышения квалификации, профессиональной переподготовки и аттестации работников образования;

3) разработка и реализация системы мер по стимулированию профессионального развития работников образования.

Для оценки эффективности реализации данной программы необходимо было разработать единые критерии оценки, в связи с чем на территории НСО начали реализовывать проект «Развитие региональной системы оценки качества образования (СОКО)». Одним из ведущих критериев оценки деятельности учащегося, учителя, всей школы являются показатели по сдаче ЕГЭ. Если с 2002 года участие в ЕГЭ было на добровольной основе, то с 2006 года оно является обязательным. Результативность сдачи экзаменов с каждым годом улучшается (см. табл. 2.8).

Таблица 2.8
Результаты ЕГЭ по Новосибирской области

	2011	2012	2013
Доля участников ЕГЭ, сдавших экзамены по обязательным предметам, %	97,1	96,1	96,9
Доля участников ЕГЭ, сдавших экзамены по всем предметам, %	88,3	85,5	89,9

2013 года // [online]. Дата обращения 21.07.2014. URL: <<http://edunso.ru/node/3495>>.

⁵⁸ О ходе реализации ведомственной целевой программы Новосибирской области «Развитие кадрового потенциала системы образования Новосибирской области на 2013 — 2015 годы» за 4 квартал 2013 года [online]. Дата обращения 21.07.2014. URL: <<http://edunso.ru/node/3961>>.

Окончание табл. 2.8

	2011	2012	2013
Доля участников ЕГЭ, сдавших хотя бы один экзамен с результатом ТБ2 и выше, %	–	22,9	33,3
Доля участников ЕГЭ, сдавших все экзамены с результатом ТБ2* и выше, %	–	1,6	4,8
Количество участников ЕГЭ, сдавших хотя бы один экзамен с результатом 90 и более баллов	443	573	1233
Количество 100–балльных результатов по всем предметам	35	34	142
Средний балл ЕГЭ по русскому языку	58,6	59,8	62,3
Средний балл ЕГЭ по русскому языку (без учета вечерних (сменных) ОУ)	59,6	60,6	63,4
Средний балл ЕГЭ по математике	46,1	43,8	49,1
Средний балл ЕГЭ по математике (без учета вечерних (сменных) ОУ)	47,2	44,7	50,0

* Под ТБ2 принято понимать «наименьший тестовый балл, получение которого свидетельствует о *высоком уровне подготовки участника экзамена*: о наличии системных знаний, овладении комплексными умениями, способности выполнять творческие задания по соответствующему образовательному предмету» [online]. Дата обращения 21.07.2014. URL: <<http://ege.edu.ru/ru/main/scaling/>>.

Источники: Результаты единого государственного экзамена в Новосибирской области в 2013 году (сборник аналитических материалов). Новосибирск, Государственное казенное учреждение Новосибирской области «Новосибирский институт мониторинга и развития образования», 2013. С. 19.

Благодаря данному проекту, реализуемому на базе Новосибирского института мониторинга и развития образования, у родителей и общественности появилась возможность сопоставлять результаты сдачи ЕГЭ учащимися разных общеобразовательных учреждений (см. табл. 2.9).

Сопоставляя результаты сдачи ЕГЭ по всем предметам учащимися НСО за 2012 и 2013 гг., можно отметить улучшение качества сдачи ЕГЭ по всем предметам, кроме литературы. При сравнительно одинаковой доле участия в ЕГЭ по предметам, сокращается количество тех, кто не сдал предмет. Важно отметить, что доля участников ЕГЭ, показавших повышенные результаты (набравших ТБ2 и более баллов за экзамен) по физике и химии, возможно, увеличилась за счет расширения сети специализированных классов.

Таблица 2.9
Результаты ЕГЭ по группам общеобразовательных учреждений
(статистические данные)

	Статусные ОУ (лицей, гимназии, СОШ с углубленным изучением отдельных предметов)	Городские ОУ (более 25 выпускников 11 кл.)	Городские ОУ (25 и менее выпускников 11 кл.)	Сельские ОУ (более 20 выпускников 11 кл.)	Сельские ОУ (от 10 до 20 выпускников 11 кл.)	Сельские ОУ (менее 10 выпускников 11 кл.)	Вечерние сменные ОУ
Доля участников ЕГЭ, сдавших экзамены по обязательным предметам, %	99,5	97,8	95,7	97,4	96,5	94,8	84,1
Доля участников ЕГЭ, сдавших экзамены по всем предметам, %	97,3	89,6	83,5	90,2	84,1	85,9	77,5
Средний балл ЕГЭ по русскому языку	70,5	62,5	60,1	61,3	57,7	57,1	48,6
Средний балл ЕГЭ по математике	60,6	47,9	45,2	48,1	43,3	39,5	31,8
Доля участников ЕГЭ, сдавших хотя бы один предмет с результатом ТБ2 и выше, %	62,6	29,0	22,3	27,8	16,4	13,0	1,7
Доля участников ЕГЭ, сдавших все экзамены с результатом ТБ2 и выше, %	12,4	3,0	2,6	2,1	1,0	0,4	0,1

Источники: Результаты единого государственного экзамена в Новосибирской области в 2013 году (сборник аналитических материалов). Новосибирск, Государственное казенное учреждение Новосибирской области «Новосибирский институт мониторинга и развития образования», 2013. С. 20.

Взаимосвязь между количеством медалистов и типом учебных заведений сложно выявить по данным, предоставленным Новосибирским институтом мониторинга и развития образования. Можно лишь констатировать, что их количество год от года увеличивается, но при этом качество

сдачи основных экзаменов снижается (см. табл. 2.10). При относительном увеличении числа медалистов их доля среди участников ЕГЭ Новосибирской области практически не изменилась в 2013 г. по сравнению с 2012 г.

Данная тенденция связана с увеличением числа специализированных классов, что обуславливает повышение требований к кадровому составу школ. Для городских школ эта ситуация более комфортная в связи с большой концентрацией высококвалифицированных специалистов.

В области четвертый год реализуется проект «Развитие сети специализированных классов математического и естественнонаучного направлений». В 2013-2014 учебном году в проекте участвует 41 общеобразовательное учреждение, в котором открыто 148 специализированных классов с углубленным изучением математики, физики, химии, биологии (из 41 учреждения — 11 гимназий, 22 лицей, 9 СОШ). С начала реализации проекта количество классов увеличилось в 6,4 раза. Для общеобразовательных учреждений, на базе которых действуют специализированные классы с углубленным изучением математики, физики, химии, установлены повышенные нормативы финансирования⁵⁹.

Анализ результатов подготовки учащихся в специализированных классах показал, что средний балл выпускников специализированных классов превышает аналогичные показатели по Новосибирской области по всем предметам, кроме литературы. Так, средний балл для НСО по математике составил 49, а для профильных классов — 78, по химии — 66 (для профильных — 82) и по физике — 57 (для профильных — 75)⁶⁰. В 2013-2014 учебном году впервые открыты 15 специализированных классов для одаренных детей по инженерно-технологическому направлению на базе

⁵⁹ Информация о ходе выполнения плана социально-экономического развития Новосибирской области в сфере образования, науки и инновационной политики Новосибирской области по итогам 9 месяцев 2013 года [online]. Дата обращения 21.07.2014. URL: <<http://edunso.ru/node/3495>>.

⁶⁰ Результаты единого государственного экзамена в Новосибирской области в 2013 году (сборник аналитических материалов). — Новосибирск, Государственное казенное учреждение Новосибирской области «Новосибирский институт мониторинга и развития образования», 2013. — С. 42.

Таблица 2.10
Результаты ЕГЭ золотых медалистов Новосибирской области

	Всего						В том числе									
	2011		2012		2013		по муниципальным районам НСО		по административным районам (округу) г. Новосибирска, городским округам НСО		2011		2012		2013	
Количество золотых медалистов – участников ЕГЭ, чел./%	450/ 100,0	634/ 100,0	653/ 100,0	653/ 100,0	653/ 100,0	653/ 100,0	205/ 45,6	239/ 37,7	238/ 35,7	245/ 54,4	245/ 54,4	395/ 62,3	420/ 64,3			
Доля золотых медалистов, показавших по русскому языку результат выше среднего по НСО, %	98,9	99,0	98,5	98,5	98,5	97,6	97,9	97,9	97,0	100,0	100,0	99,7	99,2			
показавших по математике результат выше среднего по НСО, %	97,1	97,3	93,6	93,6	93,6	95,6	95,8	90,0	98,4	98,2	98,2	95,4	95,4			
показавших по русскому языку результат выше среднего по РФ, %	98,0	97,6	96,6	96,6	96,6	96,1	95,0	93,6	99,6	99,2	99,2	98,3	98,3			
показавших по математике результат выше среднего по РФ, %	97,1	95,0	93,6	93,6	93,6	95,6	93,7	90,1	98,4	95,7	95,7	95,5	95,5			
сдавших хотя бы один экзамен с результатом ТБ2 и выше, %	–	91,0	89,7	89,7	89,7	–	89,5	80,7	–	91,9	94,7	94,7	94,7			

Источники: Результаты единого государственного экзамена в Новосибирской области в 2013 году (сборник аналитических материалов). Новосибирск, Государственное казенное учреждение Новосибирской области «Новосибирский институт мониторинга и развития образования», 2013. С. 30.

15 школ (в том числе — 6 гимназий, 5 лицеев, 4 СОШ). В целях совершенствования работы по созданию условий для выявления и развития одаренности у детей и учащейся молодежи с 2013 года реализуется долгосрочная целевая программа «Выявление и поддержка одаренных детей и талантливой учащейся молодежи в Новосибирской области на 2013-2017 годы»⁶¹.

Все эти нововведения, а по сути меры по сохранению этих образовательных учреждений и их совершенствованию в условиях реформирования системы образования, заставляют родителей заблаговременно планировать, в каком учебном заведении они хотели бы в будущем обучать своих детей, при этом оценивая свои возможности финансовых инвестиций в процесс образования. Показатели объема потребляемых населением платных образовательных услуг в целом увеличиваются (см. табл. 2.11); важно отметить, что данные статистики не отражают объема услуг, предоставляемых частными репетиторами. Исходя из рентабельности услуг в области образования, показатели которых растут, в отличие от средней рентабельности предоставленных населению услуг в других сферах (см. табл. 2.12), можно предположить, что оказание репетиторных услуг при подготовке к поступлению в вуз, обучению иностранным языкам, сдаче ЕГЭ является экономически эффективным.

Большой объем платных образовательных услуг, оказываемых населению НСО, не означает, что здесь проживают семьи с высоким материальным достатком. Так, результаты исследований В.И. Игнатьева и Е.Б. Мостовой показывают, что уровень материального состояния жителей Новосибирска (по их оценкам) оказывается ниже соответствующих показателей жителей ряда других регионов Сибири (см. табл. 2.13).

Следует отметить, что на величинах приведенных показателей отразился ряд особенностей выборок опрошенных в разных регионах. Доля молодежи в возрасте до 27 лет

⁶¹ Информация о ходе выполнения плана социально-экономического развития Новосибирской области в сфере образования, науки и инновационной политики Новосибирской области по итогам 9 месяцев 2013 года [online]. Дата обращения 21.07.2014. URL: < <http://edunso.ru/node/3495> >.

Таблица 2.11

Индекс физического объема платных услуг системы образования, оказанных населению Новосибирской области (в % к предыдущему году)

Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Индекс физического объема платных услуг	92,8	106,8	97,7	96,0	96,9	103,7

Источники: Новосибирская область. 2013: статистический ежегодник / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2013. С. 70.

Таблица 2.12

Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций по видам экономической деятельности в Новосибирской области (по данным бухгалтерской отчетности, в %)

	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Всего в экономике	6,0	6,4	5,5	5,3	4,6	4,4
Образование	1,8	1,6	7,2	-0,7	0,7	5,6

Источники: Новосибирская область. 2013: статистический ежегодник / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2013. С. 81.

Таблица 2.13

Субъективная оценка материального положения населения сибирских регионов, %

Материальное положение	Красноярский край	Новосибирск	Омск	Юг Тюменской области	РФ
Денег не хватает на повседневные затраты	10,4	11,1	7,3	11,2	12,4
На повседневные затраты уходит вся зарплата	17,1	29,4	14,7	17,1	19,0
Хватает, но покупка одежды затруднительна	20,3	22,2	17,2	20,7	21,6
Хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	36,3	23,6	32,6	32,2	30,2

Окончание табл. 2.13

Материальное положение	Красноярский край	Новосибирск	Омск	Юг Тюменской области	РФ
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи, машины	13,5	10,5	21,4	16,1	10,7
Практически ни в чем себе не отказываем	2,4	3,3	6,9	1,9	2,9

Источники: Новосибирская область в зеркале социологии: культурный капитал и инновационный потенциал населения в контексте модернизации: коллективная монография / отв. ред. В. И. Игнатъев; науч. ред. Е. Б. Мостовая. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. С. 36.

в выборке по Новосибирску оказалась существенно большей, чем в выборках по Омску и Красноярскому краю (соответственно 27% и 5%). Но это было вызвано объективными причинами — реально большей долей молодежи в составе жителей Новосибирска, которая обязана большому притоку переселенцев из сел НСО, а также мигрантов из других регионов Восточной и Западной Сибири, стран СНГ. Кроме того, следует учесть, что уровень среднедушевого месячного дохода у новосибирцев и жителей НСО (из которых в частности формируется поток переселенцев в областной центр) различается более чем в 1,5 раза (данные Е.Б. Мостовой)⁶².

Определенные преимущества образовательной ситуации Новосибирской области в сравнении с некоторыми другими регионами Западной Сибири наглядно демонстрируют статистические данные об уровне образования населения (см. табл. 2.14). Как видим, только жители Томской области имеют по ряду показателей более высокие, чем население НСО, уровни образования. В сравнении с другими регионами СФО у населения Новосибирской области выше показа-

⁶² Новосибирская область в зеркале социологии: культурный капитал и инновационный потенциал населения в контексте модернизации: коллективная монография / отв. ред. В. И. Игнатъев; науч. ред. Е.Б. Мостовая. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. С. 182.

Таблица 2.14
Уровень образования населения отдельных регионов Сибирского федерального округа, %

Регионы России	Указавшие наличие ученой степени		Имеющие профессиональное образование						Имеющие общее образование			не имеющие начального общего образования
			кандидата наук	доктора наук	последвузовское	высшее	неполное высшее	среднее	начальное	Имеющие общее образование		
	среднее (полное)	основное								начальное		
СФО	1,7	0,3	0,6	19,7	4,2	31,4	5,7	18,5	12,9	6,2	0,8	
Омск	1,6	0,2	0,5	19,7	3,8	31,9	6,2	18,0	12,5	6,6	0,9	
НСО	2,3	0,6	0,6	23,3	5,2	30,1	4,9	17,0	12,2	5,8	0,7	
Томская область	3,5	0,7	0,9	24,0	6,2	30,2	6,1	16,1	10,8	5,1	0,6	
Красноярский край	1,4	0,2	0,4	20,3	4,3	32,1	4,5	19,3	12,5	5,9	0,7	

Источники: Итоги Всероссийской переписи 2010 г. Том 3. Образование [online]. Дата обращения 21.07.2014.
 URL: <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm>.

тели по уровню имеющих ученые степени, послевузовское, высшее и неполное высшее образование. При этом доля имеющих среднее специальное и начальное профессиональное образование в НСО меньше как в Томской области, так и в ряде других регионов СФО. В этом нашло свое отражение то, каким образом в последние годы развивались учебные заведения среднего специального и начального профессионального образования Новосибирской области. Как видно из данных табл. 2.15, с 2007 по 2012 гг. резко (в 2,5 раза) снизилось число учебных заведений НПО и соответственно уменьшилось число учащихся (в 1,7 раза); понизились и другие показатели — выпуск учащихся (в 1,2 раза), их соотношение к численности населения (в 1, 2 раза).

В сфере среднего специального образования также наблюдалось сокращение ряда показателей (см. табл. 2.16). Хотя число государственных учебных заведений сохранялось и даже росло, однако происходило сокращение численности студентов (в 1,3 раза с 2007 по 2012 гг.), принятых на учебу (в 1,4 раза), выпущенных специалистов (в 1,7 раза).

Таблица 2.15

Начальное профессиональное образование (НСО)*
(на конец года)

	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Число учебных заведений начального профессионального образования	76	73	72	69	48	31
Численность учащихся, тыс. человек	21,9	19,6	18,7	18,6	15,8	12,6
Принято вновь, тыс. человек	12,8	12,2	13,9	15,8	12,8	12,5
Выпущено учащихся, тыс. человек	15,0	13,6	12,9	14,7	13,3	12,5
Выпущено учащихся на 10000 населения	57	52	49	55	50	46

* Численность учащихся за 2010-2012 годы, приведена по всем учебным заведениям, реализующим программы начального профессионального образования, включая обучающихся на договорной основе.

Источники: Новосибирская область. 2013: статистический ежегодник / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2013. С. 39.

Таблица 2.16

**Средние специальные учебные заведения
Новосибирской области (на начало учебного года)**

	2007/ 2008	2008/ 2009	2009/ 2010	2010/ 2011	2011/ 2012	2012/ 2013
Число средних специальных учебных заведений *	63/10	59/11	59/12	62/15	64/16	65/16
в том числе: государственных*	55/6	53/8	54/9	57/12	59/13	61/13
негосударственных*	8/4	6/3	5/3	5/3	5/3	4/3
Численность студентов, тыс. человек	47,0	42,3	39,5	38,0	37,3	36,6
в том числе в учебных заведениях: государственных	45,5	41,0	38,5	37,1	36,6	35,9
Негосударственных	1,5	1,3	1,0	0,9	0,7	0,7
Принято студентов, тыс. человек	15,8	14,0	13,6	13,5	13,1	11,7
в том числе в учебные заведения: государственные	15,2	13,4	13,2	13,2	12,8	11,4
Негосударственные	0,6	0,6	0,4	0,3	0,3	0,3
Выпущено специалистов, тыс. человек	13,6	12,9	11,9	9,9	8,8	8,1
в том числе из учеб- ных заведений: государственных	13,1	12,5	11,4	9,6	8,5	7,9
Негосударственных	0,5	0,4	0,5	0,3	0,3	0,2
Выпущено специалистов на 10000 населения, вы- пускников	51	49	45	37	33	30

*В числителе — учебные заведения системы СПО, в знаменателе — структурные подразделения высших учебных заведений, реализующие программы среднего профессионального образования.

Источники: Новосибирская область. 2013: статистический ежегодник / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2013. С. 39.

Соответственно уменьшилось и число выпущенных специалистов на 10 тыс. населения (в 1,7 раза).

В описанной динамике численности контингентов обучающихся в учебных заведениях СПО и НПО, безусловно, нашло свое отражение воздействие «демографической волны» — уменьшение численности соответствующих возрастных когорт молодежи, которые появлялись на свет в годы сниженных показателей рождаемости. Демографический фактор сказался и на показателях развития сферы высшего образования Новосибирской области последних лет.

Статистические данные табл. 2.17 показывают, что на фоне сохраняющегося в целом числа государственных и негосударственных вузов области происходило снижение контингентов обучающихся, однако темпы их сокращения позитивно отличались от таковых в СПО и НПО. Общее число студентов с 2007 по 2012 год сократилось в 1,2 раза, численность приема тоже в 1,2 раза, число выпущенных специалистов — в 1,1 раза, соотношение численности подготовленных специалистов к 10 тыс. населения — в 1,1 раза. Из сравнения показателей динамики численности контингентов обучающихся в НПО, СПО и ВПО можно заключить, что в условиях сокращения численности возрастных контингентов поступающих в учебные заведения (в результате спада «демографической волны») и, следовательно, уменьшения конкурса при приеме, в выигрыше оказываются вузы — им удастся привлечь большее число абитуриентов; в результате шансы молодежи каждой из этих возрастных когорт на получение высшего образования возрастают. Кроме того, важно учитывать, что общее число студентов вузов НСО существенно (в 2,7 раз) превосходит число обучающихся в средних специальных учебных заведениях и профессиональных училищах (в 2012 г. соответственно 134,9 тыс. чел. и 49,2 тыс. чел.). Это способствует сохранению специфики образовательного потенциала населения НСО — большой доли в нем лиц с высшим образованием.

Наличие высшего образования служит весьма весомым ресурсом формирования профессиональных траекторий. Вместе с тем, оно не является безусловной гарантией успешного трудоустройства. Данные об уровне образования безработных свидетельствуют, что среди них определенная доля имеет высшее образование (см. табл. 2.18).

Таблица 2.17

**Высшие учебные заведения Новосибирской области
(на начало учебного года)**

	2007/ 2008	2008/ 2009	2009/ 2010	2010/ 2011	2011/ 2012	2012/ 2013
Число самостоятельных высших учебных заведений	26	26	25	25	24	24
в том числе: государственных	16	16	16	16	15	15
Негосударственных	10	10	9	9	9	9
Численность студентов, тыс. человек	170,9	170,6	164,6	153,6	141,3	134,9
в том числе в учебных заведениях: государственных	155,8	153,5	149,3	140,4	129,9	124,1
Негосударственных	15,1	17,1	15,3	13,2	11,4	10,8
Принято студентов, тыс. человек	41,3	41,1	38,8	31,3	29,1	33,2
в том числе в учебные заведения: государственные	37,3	36,7	36,3	28,8	27,3	30,6
Негосударственные	4,0	4,4	2,5	2,5	1,8	2,6
Выпущено специалистов, тыс. человек	33,1	32,1	31,6	32,3	30,0	29,3
в том числе из учебных заведений: государственных	29,9	28,8	28,6	29,3	27,0	26,7
Негосударственных	3,2	3,3	3,0	3,0	3,0	2,6
Выпущено специалистов на 10000 населения, выпускников	125	122	120	121	112	109

Источники: Новосибирская область. 2013: статистический ежегодник/Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2013. С. 40.

Таблица 2.18

**Уровень образования безработных РФ и регионов
Сибирского федерального округа, 2010 г., %**

Образование	РФ	Регионы			
		Красноярский край	Новосибирская область	Омская область	Томская область
Высшее и незаконченное высшее	14,8	9,8	18,5	15,1	13,3
Среднее профессиональное	20,7	23,0	19,3	20,0	18,6
Начальное профессиональное	20,8	14,5	24,5	20,8	30,2
Среднее полное	32,5	34,3	27,8	33,2	25,1
Основное общее	10,1	15,8	9,2	10,6	10,9
Начальное, без образования	1,1	2,6	0,7	0,3	1,9
Всего	100	100	100	100	100

Источники: Новосибирская область в зеркале социологии: культурный капитал и инновационный потенциал населения в контексте модернизации: коллективная монография / отв. ред. В. И. Игнатев; науч. ред. Е. Б. Мостовая. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. С. 66.

Доля безработных, имеющих высшее и незаконченное высшее образование, в Новосибирской области оказывается выше в сравнении не только с данными по всей России, но и с соответствующими показателями других регионов СФО. Притом значение этого индикатора за два года существенно повысилось (в 2008 г. он составлял 11,5%). Еще выше (и выше, чем в целом по РФ и по другим регионам, кроме Томской области) доля безработных с начальным профессиональным образованием (24,5%), и самая высокая она у тех, кто имеет среднее полное образование (27,8%). То, что люди, окончившие полную среднюю школу, больше всех других испытывают трудности при устройстве на работу в Новосибирской области, не является неожиданно-

стью — это повсеместная тенденция. Бóльшие сложности в поисках работы для лиц с НПО, чем для имеющих более высокие уровни профессионального образования, характерны как для Новосибирской, так и для Тюменской областей, в отличие от ситуации в целом по России. То, что отличает НСО от всех других регионов (самая большая доля лиц с высшим образованием среди безработных) обязано, видимо, тому, что здесь, особенно в Новосибирске, большая концентрация населения с высшим образованием, в то время как количество рабочих мест для данной категории специалистов задается определенными рамками; к тому же, например, бюджетная сфера предлагает относительно скромные условия оплаты труда, которые могут не удовлетворять притязаний претендентов — все это увеличивает риски попадания их в число безработных.

О наличии такой проблемы свидетельствуют и данные мониторинга 83 субъектов РФ о состоянии трудоустройства выпускников учреждений профессионального образования: в 2012 году среди всех трудоустроенных выпускников образовательных учреждений профессионального образования 43,7% составляли молодые специалисты с высшим образованием⁶³. В ряде исследований высказывается мнение, что проблемы трудоустройства выпускников связаны с существующим рассогласованием структуры предложения образовательных услуг и структуры спроса на рынке труда⁶⁴. При этом в каждом регионе существует своя специфика востребованности специалистов определенного уровня подготовки, которую сложно учесть при существующей системе

⁶³ Аналитический доклад «О состоянии трудоустройства выпускников учреждений профессионального образования, востребованных специальностях, требуемых компетенциях и ожидаемых прогнозных кадровых потребностях на основе результатов проведенного мониторинга на 83 субъектах Российской Федерации» С. 35. [online]. Дата обращения 21.07.2014. URL:<http://xn--h1aimg.xn--p1ai/docs/AnalyticReport/AnalyticReport_full.pdf>.

⁶⁴ *Нещадин А., Нещадина О., Царева И.* Актуальные проблемы профессионального образования в России // Общество и экономика. 2005, № 6. С. 106-122; Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы/отв. ред. И.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т экономики и организации промышленного производства. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. С. 458.

планирования бюджетных мест в образовательных учреждениях. Так, например, в НСО, по данным 2012 года, 42,3% экономически активного населения было занято в сфере предоставления материальных слуг: торговле, ремонте, транспорте и связи, гостиничном и ресторанном бизнесах, в осуществлении операций с недвижимостью, аренде и т.п. (см. табл. 2.19). При этом эта доля росла за период с 2005 по 2012 гг. более высокими темпами, чем в других областях Сибири и России в целом (соответственно в НСО — с 35,6%

Таблица 2.19

Занятость населения по основным видам экономической деятельности, %

Виды экономической деятельности	РФ	Регионы				
		СФО	Красноярский край	Новосибирская область	Омская область	Томская Область
<i>1. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство</i>						
2005	11,3	12,4	10,0	12,8	16,7	9,5
2008	10,0	10,8	8,9	10,0	15,5	8,1
2010	10,1	10,9	8,7	9,4	15,8	8,2
2012	9,7	10,4	8,0	9,2	15,2	8,0
<i>2. Добыча полезных ископаемых</i>						
2005	1,6	3,0	2,2	0,5	0	2,0
2008	1,5	2,8	2,4	0,5	0,1	2,0
2010	1,6	2,8	2,2	0,5	0,1	2,2
2012	1,6	2,9	2,1	0,5	0,1	2,4
<i>3. Обрабатывающие производства, строительство, производство и распределение электроэнергии, газа, воды</i>						
2005	27,5	23,7	25,2	24,0	24,9	27,5
2008	27,1	23,8	25,1	24,8	24,8	27,8
2010	26,1	23,2	25,1	23,3	24,8	27,5
2012	26,2	23,2	24,8	22,7	25,0	27,6

Окончание табл. 2.19

Виды экономической деятельности	РФ	Регионы				
		СФО	Красноярский край	Новосибирская область	Омская область	Томская Область
<i>4. Услуги материальные: торговля, ремонт, транспорт и связь, гостиницы и рестораны, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг</i>						
2005	33,6	31,8	34,2	35,6	29,8	32,3
2008	35,0	33,4	35,0	37,5	30,5	33,7
2010	35,5	33,8	34,8	39,4	31,1	34,1
2012	36,3	35,0	36,4	42,3	32,6	34,7
<i>5. Услуги социальные: здравоохранение и предоставление социальных, коммунальных и персональных услуг</i>						
2005	10,5	11,3	11,5	11,1	11,4	10,5
2008	10,6	11,5	11,6	11,0	12,0	10,3
2010	9,5	11,4	11,3	10,9	11,6	9,9
2012	10,4	11,2	11,4	10,5	11,4	10,0
<i>6. Образование</i>						
2005	9,0	10,5	9,6	9,3	10,0	11,1
2008	8,7	9,8	9,1	8,6	9,6	10,3
2010	8,7	9,6	9,1	8,4	8,6	10,5
2012	8,4	9,3	9,0	8,0	8,4	10,0

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2009, табл. 4.4.; Регионы России. Социально-экономические показатели, 2011, табл. 4.4.; Регионы России. Социально-экономические показатели, 2012, табл. 3.4.

до 42,3% и в РФ с 33,6% до 36,3%). В сравнении со средними по всей стране показателями в НСО меньшая доля занятых приходится на «добычу полезных ископаемых», а также «обрабатывающие производства, строительство, производство и распределение электроэнергии, газа, воды» (занимающего второе место в ранге видов деятельности по массовости привлеченных занятых). По остальным видам

деятельности индексы занятых в Новосибирской области, фиксируемые в 2012 г., находятся на уровне средних по России.

Результаты уже упоминавшегося мониторинга 83 субъектов РФ о состоянии трудоустройства выпускников учреждений профессионального образования показывают, что в НСО лишь 46,2 % выпускников учреждений всех уровней профессионального образования трудоустраиваются по специальности, в сравнении с тем, что таковых в Томской области — 35,5%, Красноярском крае — 48,8%, Омской области — 56,6%⁶⁵. Эти результаты расходятся с самооценками самих выпускников, опросы которых показали, что подавляющее большинство устроившихся на работу работает по специальности, приобретенной в результате обучения: 80% среди выпускников ВПО, 82% среди выпускников СПО и 93% среди выпускников НПО⁶⁶. Соответствующие показатели в среднем по России составляют: для выпускников ВПО — 47%, СПО — 34% и НПО — 46%. Можно предположить, что расхождение в индикаторах, рассчитанных на основе опросов работодателей и опросов самих выпускников в ходе мониторинга, обусловлено различиями типологизации (принципами отнесения к «соответствию» или «не соответствию»), применявшимися теми и другими.

По данным прогноза развития структуры занятости населения НСО по основным видам экономической деятельности можно ожидать к 2017 году следующих изменений: сокращения доли занятых в сельском хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве (до 4,62%) и доли работников по оказанию материальных услуг (торговля, ремонт, транспорт и связь, гостиницы и рестораны, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, до 27,66%); увеличения доли занятых в добыче полезных ископаемых

⁶⁵ Аналитический доклад «О состоянии трудоустройства выпускников учреждений профессионального образования, востребованных специальностях, требуемых компетенциях и ожидаемых прогнозных кадровых потребностях на основе результатов проведенного мониторинга в 83 субъектах Российской Федерации» С. 119-120. [online]. Дата обращения 21.07.2014. URL:<http://xn--h1aimg.xn--p1ai/docs/AnalyticReport/AnalyticReport_full.pdf>.

⁶⁶ Там же, С. 78.

(до 3,64%), в сферах «обрабатывающие производства, строительство, производство и распределение электроэнергии, газа, воды» (до 24,47%), «социальные услуги: здравоохранение и предоставление социальных, коммунальных и персональных услуг» (до 24,14%); доля занятых в области образования останется на уровне 2012 года⁶⁷.

К выводам

Описанные особенности формирования региональной системы образования НСО показывают, что предоставляемые населению образовательные услуги характеризуются широким спектром выбора. Тенденции развития рынка труда НСО свидетельствуют о значительном увеличении потребности в работниках и специалистах сферы обслуживания и в первую очередь в отношении предоставления социальных услуг населению. При этом в целом кадры с высшим образованием более востребованы, чем со средним специальным. В этих условиях возрастают сложности осознанного выбора юношами и девушками выбора профессии, уровня образования, конкретного учебного заведения, которые могут обеспечить приобретение специальности. Решающую роль в формировании образовательных стратегий и обеспечении их осуществления играет семья. Она вовлечена не только в процесс получения индивидом образования в школе, но и определяет возможности последующего обучения, включая возможности миграции в целях получения образования. Адаптационная, социализирующая роль семьи проявляется интегрированно с выполнением системой образования соответствующих функций. Также значимой становится роль системы образования как вторичного института инкультурации индивида в условиях происходящих изменений в этнокультурной ситуации Новосибирска и Новосибирской области.

Происходящее на основе глубоких трансформаций российского общества изменение социокультурных функций системы образования связано также и с модернизацией этого социального института. В Новосибирской области

⁶⁷ Там же. С. 206.

в последние годы она шла на фоне сокращения количества общеобразовательных учреждений, сокращения штата учителей (что увеличивало педагогическую нагрузку); актуальной стала потребность в создании условий для более тесного взаимодействия учебных заведений и родителей. Реализация различных проектов Министерством образования, науки и инновационной политики Новосибирской области позволила изменить характер взаимодействия между государством и образовательными учреждениями области, между администрацией учебного заведения и педагогами, что обусловило изменения и в характере взаимодействия школы с учениками и родителями. В итоге меняется отношение родителей и детей к образованию, оно теперь рассматривается преимущественно как сфера обслуживания и предоставления образовательных услуг. Можно полагать, что данная тенденция характерна не только для Новосибирской области, но и для всей страны в целом.

РАЗДЕЛ II
ФОРМИРОВАНИЕ ОРИЕНТАЦИЙ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ: МОТИВАЦИЯ ВЫБОРА

Социологические исследования в сфере образования приобретают сегодня всё большую актуальность, исследователей привлекают различные аспекты образовательной реальности. Одна из основных тенденций в образовании — признание изменения его роли в современном обществе. Социология образования как один из своих тезисов принимает следующий: понять современное общество возможно во многом благодаря детальному изучению сферы образования. В фокусе изучения образовательного пространства находятся факторы, влияющие на процесс получения образования, который рассматривается с точки зрения социологических, педагогических, психологических и экономических наук. Когда об образовании говорят социологи, они рассматривают его как процесс, с помощью которого общество передает знания и формирует ценности и нормы, тем самым подготавливая молодое поколение к выполнению роли взрослого.

Суть и содержание общественных изменений в России в 1990-е годы поставили институт образования в условия быстрого реагирования и приспособления к рыночной экономике. Социальная ценность образования по-прежнему высока, при этом изменился её характер: образование становится основным инструментом для достижения ближайших целей. Современные выпускники ориентированы на ранний выход на рынок труда, поиск подработок или своей ниши в изменяющейся структуре занятости, накоплению трудового опыта и приобретению экономической независимости от родителей. Различные демографические и социальные группы имеют неравные возможности в современном образовательном процессе. Молодёжь становится той социально-демографической группой населения, которая наиболее остро реагирует на изменения, той категорией, которая воспринимает развивающиеся технологии и изменяющиеся стратегии образования, рынка труда и адаптируется к ним. В фокусе социологических исследований зачастую находятся факторы, влияющие на осуществление образовательной деятельности. Но, быть может, истоки обнаруживаемых про-

блем кроются не только в самой системе и ее функционировании? Неоспоримо, что в развитии и становлении личности большую роль играют и семья, и социальная среда, и особенности организации образовательного процесса. А многое ли мы знаем о самом учащемся?

Сегодня, когда углубляются трансформационные процессы в сферах образования и дальнейшего трудоустройства молодежи, усиливается интерес к изучению различных факторов, «определяющих специфику личности и специфику внешних воздействий на нее»⁶⁸. Развитие сферы образования и рынка труда приводит к расширению диапазона вариантов осуществления задуманного молодежью. В качестве новой операциональной модели социологического анализа выступают стратегии молодежи — образовательные и профессиональные. Их разделение необходимо в рамках методологического подхода и служит скорее аналитическим приемом, позволяющим рассматривать и интерпретировать те или иные стороны образовательных стратегий.

Прибегая к метафоре, можно сказать, что система образования является своеобразной «лакмусовой бумагой», которая отражает степень воздействия различных процессов как на отдельные группы населения, задействованные в образовании, так и на состояние общества в целом⁶⁹. Существенные корректировки в изменения в образовании вносят и образовательные стратегии молодежи, понимаемые как выбор (основанный на ценностях образования, установках в отношении образования) и характеризующие групповые практики в образовании⁷⁰.

Формирование образовательных стратегий начинается с мотивации. В дальнейшем происходит постановка профессиональных целей, на основе которых и осуществля-

⁶⁸ Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998 — 2008 годы. Указ. соч. С. 11.

⁶⁹ Попова Е.С. Образование как рынок, воспроизводство и потребность: «деконструкция» концептов // Социологические этюды: сборник статей аспирантов. Выпуск 3. [Электронный ресурс] / Под общ. ред. З.Т. Голенковой. Сост.: Т. Н. Короткова, А. Г. Истомина. М.: Институт социологии РАН. С. 100-108.

⁷⁰ Котова Т.А. Автореферат, «Образовательные стратегии российской молодежи: социологический анализ». С. 35.

ется реальный выбор⁷¹. Именно цель, которая на стадии принятия решения становится основной информационной причиной, непосредственно «запускает» механизм практической деятельности человека, направляет ее к достижению планируемого результата⁷².

Образовательную стратегию, в свою очередь, мы понимаем как долгосрочный план, позволяющий из текущего состояния перейти в целевое. В подобном определении образовательной стратегии мы находим отражение двух основных компонент: «что я хочу получить» и «как я хочу этого достичь». С одной стороны, мы изучаем содержание и «новые смыслы»: в образовании, привлекательности и престиже профессий, целях и ценностях, мотивации и основаниях выбора дальнейшего пути. С другой стороны, рассматриваем особенности прохождения образовательной траектории: подготовка к экзаменам, влияние социокультурного, территориального, экономического, институционального и других барьеров⁷³.

Разработанная для исследования концепция изучения мотивации выбора образовательных стратегий предполагает, что мотивация, прежде всего, связана с тем, как социальное «поведение запускается, развивается, поддерживается, направляется и прекращается, и с тем, что в это время происходит с личностью»⁷⁴. Люди имеют не только различное «количество», но и различные виды мотивации⁷⁵.

Мотивация к образованию неоднозначна. Наши действия зависят не только от того, насколько мотивация сильна,

⁷¹ *Попова Е.С.* Исследование социальных аспектов формирования мотивации к образованию у молодежи: от теоретических подходов к операционализации // Вопросы образования. 2012. №4. С. 70.

⁷² *Гендин А.М., Дроздов Н.И., Валеева Е.В.* Образовательные ценности старшеклассников и социокультурный контекст их формирования и реализации: монография / отв. ред. М. И. Сергеев; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. — Красноярск, 2012. С. 32.

⁷³ *Константиновский Д.Л.* Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). — М.: ЦСП, 2008. С. 287 — 302.

⁷⁴ *Coleman J.C.* Personality dynamics and effective behavior. Scott, Foresman and Company, Chicago, 1960. P. 115-116.

⁷⁵ *Ryan R.M., Deci E.L.* Intrinsic and Extrinsic Motivations: Classic Definitions and New Directions // Contemporary Educational Psychology. 2000. 25. P. 54-67.

но и от ее направленности — в основных взглядах и целях, которые и приводят нас к осуществлению действия. Мотивация к образованию также и специфична. Специфика заключается в том, что в своем социальном поведении и выборе образовательной траектории учащиеся руководствуются не только (и не столько) личными взглядами, представлениями и интересами, но и оказываются под воздействием тех ценностей и моделей образовательного и профессионального поведения, которые преобладают в окружающей их социальной среде. Именно социальное окружение учащегося во многом и определяет профессиональные предпочтения молодежи. Концептуальная модель исследования мотивации выбора образовательных стратегий предполагает изучение формирования дальнейшего выбора профессионального пути под воздействием как факторов социальной среды (условно называемых «внешними» факторами), так и личных интересов (условно называемых «внутренними»)⁷⁶.

Разработанный авторским коллективом инструментарий исследования включил в себя вопросы по нескольким тематическим блокам, касающихся разных аспектов образования, выбора образовательной и профессиональной стратегии и дальнейшего трудоустройства, в том числе в анкете собиралась информация и о жизненных ценностях, и об основных мотивах продолжения образовательной деятельности. Мы также предложили респондентам ответить на открытый вопрос, написав 3 — 5 предложений, кем они себя видят через 7-10 лет? Использование подобных открытых вопросов предлагает респонденту выступить в качестве эксперта, который имеет определённый накопленный опыт в сфере образования, когда участникам исследования для анализа предлагается действительно актуальная для него сфера⁷⁷ — сфера образования и труда, которую он рассма-

⁷⁶ Подробнее: *Popova E.S. School students and their motivation in education: moving from theory to research design and operationalization // Polish and Russian Youth: Education and Work in Changing Society / edited by Krystyna Szafraniec and David Konstantinovskiy, P. 150-162.*

⁷⁷ *Сагәненко Г.И. Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. Часть II. Прикладные технологии в социологическом изучении сферы образования // Под научной ред. Г.И. Сагәненко. СПб: ГНУ «ИОВ РАО», 2004. С. 24.*

тривает в перспективе приоритетных для него целей, намерений и планов на будущее.

Мы предполагаем, что факторы «внутренние» влияющие на формирование мотивации, это факторы, соотносящиеся с категориями интереса и увлеченности. Если в построении образовательной стратегии преобладают такие факторы, то выбор осуществляется на основании принципа «чего хочу я», что, скорее всего, приводит к четкому представлению и о дальних планах через 7-10 лет. Во второй группе — «внешних» факторов — основополагающим является принцип «чего хотят от меня», тогда мы говорим о ближних планах, которые могут и совпадать, и отличаться от планов дальних. Эта группа факторов связана с нацеленностью на достижение чего-либо и на получение ожидаемого результата в ближайшей перспективе.

Что же побуждает современную учащуюся молодежь, в частности наших респондентов — выпускников 11-х классов, о которых далее и пойдет речь — выбирать и выстраивать стратегии продолжения получения образования? Прежде чем дать ответ на этот вопрос, рассмотрим структуру общих жизненных целей молодого поколения, чтобы понять понять, какое место занимает образование в их жизни.

При анализе множественных ответов на вопрос «Что в жизни важно для вас, чего вы будете добиваться?» на первый взгляд может показаться, что экономическая заинтересованность превалирует над аспектами личностной или профессиональной самореализации. В структуре жизненных целей (см. рис. 3.1) важны позиции «получить хорошо оплачиваемую работу», желание «стать богатым человеком» и «иметь собственный бизнес». Тем не менее, между этими позициями мы обнаруживаем интересную и любимую работу, получение хорошего образования и др. Моральные и семейные ценности также (и даже более) важны для выпускников одиннадцатых классов. Так, например, «иметь надежных друзей» важно для 62,6%, и всеми силами будут стараться «честно прожить свою жизнь» 47,7% опрошенных.

При детальном изучении становится очевидным, что ориентации выпускников одиннадцатых классов на воспитание хороших детей и счастливую семью имеют первостепенное

Рисунок 3.1

«Что в жизни важно для вас, чего вы будете добиваться?», %

значение для сегодняшней молодежи. Для этого и нужна «хорошо оплачиваемая работа», которая должна не только приносить хороший доход, но и быть интересной, связанной с любимым делом. Получение хорошего образования понимается учащимися как одна из основных жизненных целей, что свидетельствует о сохранении высокой ценности образования среди респондентов. Образовательные стратегии выстраиваются таким образом, что получение хорошего образования выступает возможным гарантом построения успешной карьеры или же создания собственного бизнеса.

Реализация молодым поколением своих целей в жизни, особенно в области образования, получение которого требует серьезных временных затрат, обычно сопряжена

с представлениями об успехе, об основных факторах, необходимых для его достижения. Данный тезис находит подтверждение и в результатах нашего исследования. Мы предложили респондентам ответить на вопрос «Какое образование, по Вашему мнению, достаточно сегодня для успеха в жизни?». Сопоставление ответов респондентов об уровне образования, достаточном для успеха в жизни, и о планируемых образовательных стратегиях приводит к предположению о том, что те выпускники, которые намерены окончить вуз с дипломом бакалавра или же с дипломом специалиста, считают свой выбор успешным. Затруднились с ответом 19,3%, что свидетельствует о том, что около 1/5 от общего числа респондентов не соотносит получение образования с достижением успеха в жизни и/или не имеет четких представлений о том, как тот или иной уровень образования может быть конвертирован на рынке труда.

20,1% респондентов считают, что закончить один вуз с дипломом бакалавра достаточно сегодня для успеха в жизни. 18% отметили получение диплома специалиста (то есть прохождение профессиональной подготовки по медицинским или инженерным специальностям). Продолжение обучения в магистратуре (12,9%) или получение нескольких высших образований в институтах, университетах или академиях (14,9%), как и обучение в аспирантуре, докторантуре (1,9%) воспринимается скорее как долгосрочные инвестиции, которые находятся в горизонте дальнего планирования. Только 5,7% выпускников указали, что среднего специального образования (техникум, колледж, училище) достаточно для успеха в жизни. Еще 4,7% респондентов, скорее всего, не связывают достижение успеха в жизни с получением высокого уровня образования, поэтому окончание основной полной школы (одиннадцати классов) считают достаточным. Более процента учащихся отметили технический лицей, профессиональное училище (1,3%) и окончание неполной средней школы (девяти классов) (также 1,3%).

Обучение по программам бакалавриата или специалитета является той образовательной стратегией, которая в представлении современных выпускников в наибольшей сте-

пени способствует достижению приоритетных жизненных целей и отвечает основным мотивам продолжения обучения. Распределение ответов на вопрос об образовании, достаточном сегодня для успеха в жизни, демонстрирует, что получение среднего специального образования не соотносится с представлениями об успехе⁷⁸.

Среди наших респондентов структура реализуемых образовательных стратегий выглядит следующим образом: 51,7% получают высшее образование с дипломом бакалавриата, 30,4% — высшее образование с дипломом специалиста, 17,3% — среднее специальное образование в техникуме, колледже или училище⁷⁹.

Результаты исследования подтверждают, что продолжение получения образования является логичным шагом в реализации образовательных и профессиональных стратегий. Каковы основные мотивы такого выбора? Анализ

⁷⁸ В то время как статистические данные иллюстрируют увеличение доли тех, кто эти программы выбирает. Программы среднего профессионального образования начинают приобретать большую популярность среди выпускников. За последнее десятилетие доля поступивших на обучение по программам среднего профессионального образования увеличилась с 29,7% в 2000 году до 49% в 2010 г. от общей численности обучающихся, получивших аттестат об основном общем образовании в отчетном году. Соответственно, прием обучающихся в 10-е классы государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений сократился с 67,1% в 2000/2001 учебном году до 59,8% в 2010/2011 году. По данным комплексного наблюдения примерно половина учащейся по программам НПО и СПО молодежи намерена продолжать обучение: 47,6% и 42,4% соответственно. От общей численности обучающихся по программам начального профессионального образования 33,9% планируют продолжить обучение в техникуме или колледже, и еще 63,6% собираются поступать в институты, университеты, академии. Среди учащихся в учреждениях среднего профессионального образования ориентированы продолжать обучение в высших учебных заведениях 83,5%. Примечательно, что 46,1% выпускников СПО действительно продолжили обучение на следующей ступени образования по очной форме обучения. // Образование в Российской Федерации: 2012: стат. сб. — М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. — 444 с. Стр. 280.; Индикаторы образования: 2013: статистический сборник. — Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013. — 280 с. Стр. 28-29.

⁷⁹ Базу 100% расчета в вопросе о реализуемых образовательных стратегиях составляют те респонденты, информацию о которых удалось собрать в ходе реализации второго этапа исследования осенью, то есть 76,7% от общего числа опрошенных.

множественных ответов на вопрос «Почему Вы планируете учиться?» позволяет выстроить некую иерархию мотивов продолжения обучения после окончания основной школы (см. рис. 3.2).

Рисунок 3.2

Желание «найти хорошо оплачиваемую работу» отмечено в качестве одного из основных мотивов продолжения обучения большинством респондентов. Идут учиться дальше, чтобы «получить работу, соответствующую интересам и склонностям» 72,5% выпускников. Половина учащихся хочет продолжать обучение, чтобы «быть компетентными работниками», планирует использовать накопленный образовательный капитал для поиска работы в нашей стране и за рубежом. 64,7% считают необходимым продолжать обучение, чтобы «получить престижную работу». Мотив «завести необходимые знакомства, связи» как «очень важный» отметили 24,2%, и как «важный» — еще 42,9%. Сегодняшние выпускники — это дети, родившиеся в период экономического кризиса в России, когда профессиональ-

ные траектории родителей зачастую складывались не на основе достигнутого уровня образования или его качества, а под влиянием других факторов. Поэтому мотивы «надо получить “корочки”, без этого сегодня никуда» и «так принято» также присутствуют в ответах, хотя не являются ключевыми.

В выстраивании образовательной стратегии за принятием решения о продолжении получения образования следует выбор дальнейшего места учебы. Согласно анализу множественных ответов на вопрос «Почему Вы выбрали именно это учебное заведение?» основным мотивом выбора выступает желание получить хорошее образование — 97,1% отметили этот вариант ответа: 69,3% как «очень важный», и 27,8% — как «важный» (см. рис. 3.3.). Некоторая. Некоторая полярность в суждениях проявляется при таких вариантах ответов как «доступная для семьи стоимость обучения» и «удобное расположение учебного заведения». В большей степени негативные, нежели позитивные оценки получили варианты «этого хотят родители» и «легкость

Рисунок 3.3

Мотивы выбора учебного заведения, %

поступления». Отношение к варианту ответа «легкость поступления» может быть обусловлено тем, что 67,9% респондентов (от общего числа планирующих продолжать обучение в ВУЗах) не имеют никаких преимуществ для поступления, рассчитывают на свои силы.

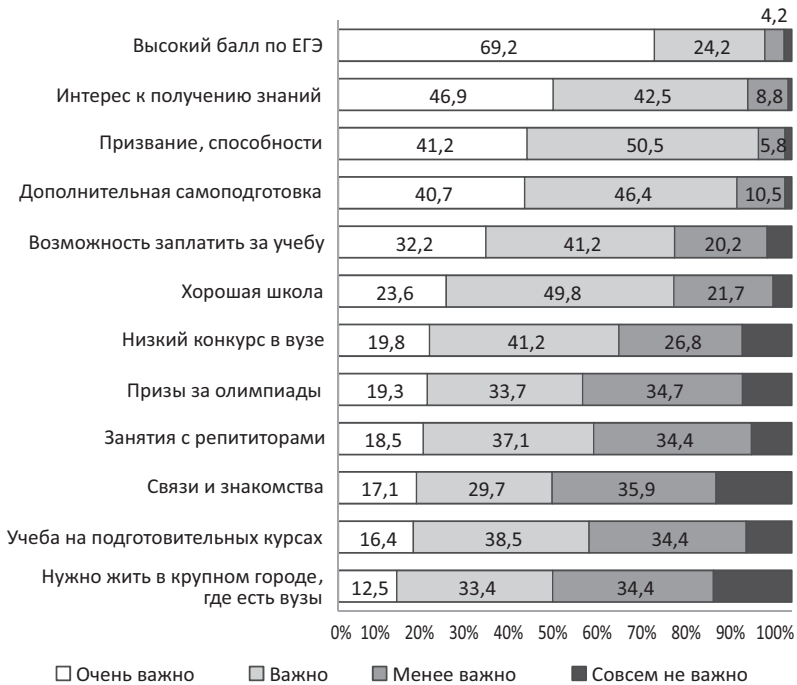
Решение о профиле подготовки и месте дальнейшей учебы 20,2% респондентов приняли в основной школе, из которых 14,6% определились в 9-м классе. Для 58,6% время выбора дальнейшего пути наступило в старших классах полной средней школы: 17,8% из них определились в 10-м классе, 40,8% приняли решение во время 11-ого класса. Подобная пролонгация выбора может быть детерминирована как объективными, так и субъективными факторами. Реформы вступительных экзаменов в ВУЗы, введение ЕГЭ, возможность подавать документы в несколько ВУЗов также переопределили ситуацию поступления. 12,4% затруднились с ответом.

Определяющим фактором для успешного поступления в ВУЗ респонденты считают наличие высокого балла по ЕГЭ (анализ множественных ответов) (см. рис. 3.4). Далее следуют «призвание, способности» и «интерес к получению знаний» — 91,7% и 89,4% соответственно. Мы понимаем, что высокий балл по ЕГЭ скорее связан с наличием способностей и заинтересованности. Равно как и дополнительная самоподготовка (включая занятия с репетиторами и учебу на подготовительных курсах) иллюстрирует большую вовлеченность в процесс получения знаний и наличие мотивации продолжать обучение. Но есть и другая группа факторов — возможность заплатить за учебу, низкий конкурс в ВУЗе, связи и знакомства, которые вне зависимости от желания или заинтересованности выпускников вносят коррективы в выбор дальнейшей образовательной стратегии.

Ведущим мотивом в реализации образовательных стратегий различных групп учащейся молодежи выступает «получение хорошего образования». Этот мотив является основным как в выборе учебного заведения, так и занимает высокую позицию в структуре жизненных целей. Анализ основных мотивов продолжения обучения позволяет предположить, что именно «получение хорошего образования» приводит к формированию компетентного работника, ко-

Рисунок 3.4

Факторы для успешного поступления в вуз, %

торый сможет в будущем найти хорошо оплачиваемую, интересную и престижную работу.

Распределение других основных мотивов, побуждающих выпускников продолжать обучение, отображает неоднозначность и специфичность мотивации. Неоднозначность проявляется в обнаружении тесно переплетенных различных мотивов, в чередовании факторов «внутренних» и «внешних». Напомним, что, разграничивая факторы мотивации на «внутренние» и «внешние», мы не говорим о различных видах мотивации, здесь речь идет скорее о ее направленности или, быть может, об ее ориентации — ориентации на то, «чего хочу я» и/или «чего хотят от меня». И в этом заключается специфика мотивации выбора образовательной стратегии, которую определяют в различной

степени как сам учащийся, так и его социальное окружение, под воздействием которого формировались его основные взгляды, цели в области образования и будущей профессии.

Потенциал социологического инструментария, который был использован в проекте, позволил собрать сведения о том, что мотивирует современную учащуюся молодёжь продолжать обучение, и как формируются ее образовательные стратегии. Тем не менее, статистический анализ рассмотренных ранее в этой главе множественных ответов не позволяет подтвердить приоритетность, «главенство» тех или иных мотивов в выстраивании и реализации образовательной стратегии, однако мы можем говорить о взаимодействиях или их сочетании.

Для этого в ходе анализа результатов исследования были разработаны мотивационные шкалы, весьма условно обозначенные как факторы «внешней мотивации» и факторы «внутренней мотивации». Данные шкалы были сформированы на основании включенных в опросный инструментарий переменных⁸⁰ путем суммирования баллов по соответствующим показателям⁸¹. Так, например, «любовь к учебе» и «интерес к получению знаний», желание стать «компетентным работником», стремление «получить работу, соответствующую интересам и склонностям», ориентация на «получение хорошего образования», осознание своих «призвания, способностей» и важности «дополнительной самоподготовки» составили шкалу «факторов внутренней мотивации». Для разработки шкалы «факторов внешней мотивации» использовались интегральные оценки профессиональных устремлений в построении образовательной стратегии («хорошо оплачиваемая», «престижная работа»), признаваемая необходимость получения диплома об образовании («так принято», «надо получить “корочки”»,

⁸⁰ Которые оценивались учащимися по их степени важности, где максимальное значение равное 4 соответствует варианту ответа «очень важно» и минимальное значение равное 1 — «не важно».

⁸¹ Анализ совокупности оценок, проставленных тем или иным мотивам, позволяет выделить условные категории «уровня» мотивации: выше среднего — со средней оценкой от 3,01 до 4, средний — от 2,01 до 3, ниже среднего — от 1 до 2.

без этого сегодня никуда»), желаемая или вынужденная потребность оправдать надежды родителей («этого хотят мои родители»).

Учитывая всю условность подобного разделения и амбивалентность природы социального поведения личности, мы полагаем, что каждый респондент несет в себе определённые сочетания как «внутренней», так и «внешней» мотивации. Какая же молодёжь наиболее мотивирована продолжать получение образования? И какие группы разномотивированных учащихся оказались наиболее успешны в реализации своих образовательных стратегий?

Статистический анализ различных парных сочетаний факторов мотивации, как «внешних», так и «внутренних», позволил выделить наличие 9 групп. Корреляционный анализ влияния факторов мотивации на реализацию планируемых образовательных стратегий определил наличие двух групп, в отношении которых статистические коэффициенты корреляции значимы. Для одной характерно наличие высокого уровня «внутренней» и среднего уровня «внешней» мотивации — это группа про-активных⁸². Другая группа характеризуется наличием высокой как «внутренней», так и «внешней» ориентации мотивации — группа ре-активных. Для остальных групп не было выявлено статистически значимых коэффициентов, говорящих о наличии подобной связи.

Более трети от общего массива⁸³ попали в группу про-активных. Это активная группа молодежи, среди которых велика доля тех, кто изначально ориентировался учиться (58,1%) и совмещать учебу с работой (41,9%). Ведущим мотивом (анализ множественных ответов) продолжения получения образования выступает желание найти работу, соответствующую интересам и склонностям (78,8%), высо-

⁸² Понятия «про-активности» и «ре-активности» берут свои истоки в концепциях гуманистической психологии, в частности в теории Г. Олпорта (см. *Allport G.W. Becoming: basic considerations for a psychology of personality.* New Haven, Conn.: Yale University Press, 1955). Одной из основных черт человека целеустремленного, успешного сегодня является про-активность.

⁸³ Базу 100% по группам здесь и далее составляют те респонденты, которые вошли в эти группы, то есть 260 респондентов для про-активной группы и 283 респондента для ре-активной группы.

кооплачиваемую (73,8%) и престижную (62,7%). Для этого необходимо получить хорошее образование (71,5%) и стать компетентным специалистом (61,9%). Они по-разному оценивали свои шансы на поступление: как удовлетворительные — 28,1%, как средние — 50,4%, как отличные — 15,4%; тем не менее, половина из них (49,6%) выразила готовность подавать документы на платные отделения, если не сложится поступить на бюджетные места. Для успешного поступления необходимыми условиями они считают наличие призвания, способностей (48,1% — очень важно, 40% — важно), дополнительная самоподготовка (46,2% — очень важно, 45,4% — важно). Занятия с репетиторами и учёба на подготовительных курсах не рассматриваются ими как определяющий фактор успешного поступления в ВУЗ, в отличие от высокого балла по ЕГЭ, который в качестве очень важного отметили 72,2% респондентов.

Представители про-активной молодёжи в структуре жизненных целей (анализ множественных ответов) самыми приоритетными видят наличие интересной работы (77,7%), создание счастливой семьи (67,3%) и воспитание хороших детей (76,9%). Они будут добиваться всеми силами любимой (75,8%), хорошо оплачиваемой (73,5%) работы. Получение хорошего образования не занимает лидирующей позиции, но сохраняет высокое место в структуре жизненных целей молодежи (66,5%). Для них характерна высокая степень осознанности осуществляемого выбора и готовность инвестировать как временные, так и финансовые ресурсы.

Теперь посмотрим, совпадают ли их профессиональные предпочтения в планах с реальным поступлением и более того, соотносятся ли с представлениями о себе через 7-10 лет? Свое будущее они связывают с медицинским, техническим, юридическим и экономическим блоком специальностей. Реализуемые ими образовательные стратегии соотносятся с представлениями об уровне образования, необходимом для достижения успеха в жизни. 43,5% поступили на обучение по программам бакалавриата, 24,2% — специалитета, 12,3% проходят подготовку в

учреждениях среднего специального профессионального образования. Предварительный анализ позволяет сделать вывод, что в этой группе наблюдается единство мотивов и целей в формировании образовательных и профессиональных стратегий.

Другая группа молодежи — ре-активных — во многом схожа с предыдущей, но есть и некоторые различия. Эта группа молодежи также весьма активна. Желание получить работу, соответствующую интересам и склонностям, получить хорошее образование и стать компетентным специалистом также оцениваются высоко: 71%, 71% и 59% соответственно. В этой группе меньше тех респондентов, которые готовы совмещать учебу с работой (33,2%), большинство ориентированы только на учебу (66,8%). Они схожи как в оценках своих шансов на поступление, так и в оценках важности факторов, необходимых для успешного поступления в высшие учебные заведения. «Получение хорошего образования» в этой группе также занимает высокую позицию — 68,2%.

Структура основных мотивов продолжения образовательной деятельности схожа с группой про-активных, с той лишь разницей, что аспекты высокой заработной платы (78,8%) и престижности работы (70%), а также факторов «так принято» и «без корочки сегодня никуда» получили более высокие оценки, чем в другой группе. В структуре жизненных целей достижение интересной (70% против 77,7% в группе про-активных) и любимой (67,5% против 75,8%) работы не так важно, как создание счастливой семьи (71,4% против 67,3%), воспитание хороших детей (82% против 76,9%) и наличие высокого заработка (76,7% против 73,5%).

Их профессиональные предпочтения в планах в меньшей степени совпадают с реальным поступлением и представлением о себе через 7-10 лет, чем в про-активной группе. 41,7% поступили на обучение по программам бакалавриата, 23,3% на высшее с дипломом специалиста, 12,4% продолжили обучение в техникумах, колледжах и училищах. Представители этой группы также ориентированы на экономические и технические специальности, но среди них меньше тех, кто хотел бы посвятить себя медицинским

специальностям и больше тех, кто связывает свое будущее с областью образования и просвещения.

Сравнение про-активной и ре-активной групп учащейся молодежи в области приоритетных жизненных целей и основных мотивах продолжения обучения в различных учебных заведениях представлены на рис. 3.5 и 3.6. Группа ре-активных, которая старается совместить в выборе своих образовательных стратегий личные интересы с ожидаемыми от них моделями образовательного поведения, зачастую концентрируется не на достижении собственных целей, а на ликвидации возможного несоответствия того, чего «хотят они сами» с тем, чего «хотят от них». Про-активная же группа в первую очередь ориентирована на то, чего хотят они, на свой интерес, призвание и способности, которые они оценивают объективно и готовы работать ради достижения своих целей через образование. Факторы «внутренней» мотивации запускают выстраивание образовательных стратегий и на уровне выбора будущей специальности, и на уровне выбора учебного заведения, а также формируют представления об успехе, престиже и о себе в горизонте дальнего планирования.

Рисунок 3.5

«Что в жизни важно для вас?», % Сравнение про-активной и ре-активной групп учащихся

Рисунок 3.6

Мотивы продолжения обучения, % Сравнение про-активной и ре-активной групп учащихся

О наличии планов на 7-10 лет вперед говорит половина от общего числа респондентов (50,6%). 41,9% от общего массива предоставили развернутый ответ об уровне своего будущего образования, специальности и месте работы, а также о семейном положении. 49,4% выпускников школы на момент проведения опроса так далеко не планируют. В связи с эффектом «осыпания выборки» и отсутствия сведений о реализации образовательных стратегий некоторых респондентов (из тех, кто предоставил ответ о представлениях о себе через 7-10 лет) в этой части работы мы не можем говорить о существенно значимых статистических коэффициентах, но мы можем проследить некоторые тенденции, проанализировав так называемые «квази-интервью», методика применения которых частично описана в наших предыдущих проектах⁸⁴. Определенный исследовательский интерес представляет качественный анализ ответов респондентов из разномотивированных групп, который в первую очередь

⁸⁴ Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998 — 2008 годы. Указ. соч. С. 26.

послужит иллюстрацией тесного взаимодействия основных мотивов и целей с реализацией планируемых образовательных стратегий.

Сопоставляя сведения о планируемых, реализуемых образовательных стратегиях, о мотивационной направленности учащегося и его представления о себе в горизонте дальнего планирования, весь массив развернутых ответов можно весьма условно разделить на несколько типов, в которых, безусловно, отражаются особенности восприятия информации, ее изложения и, быть может, некоторые психологические особенности респондента.

Наиболее конкретные ответы чаще давали те, кто в большей степени ориентируется на «внутреннюю» мотивацию, в меньшей — на «внешнюю», то есть представители проактивной группы: их ответы четкие и лаконичные. Так, например, девушка из семьи рабочих высокой квалификации со средним специальным образованием (анкета № 31) из г. Новосибирска со средней успеваемостью по всем предметам планировала поступать на юридические специальности по программе бакалавриата с дальнейшим продолжением обучения, что и реализовала: получает диплом специалиста по юриспруденции. В перспективе видит себя с высшим образованием и работой по специальности — «высшее, юрист, следователь». Другим примером для группы с внутренней ориентацией мотивации и высокой степенью реализации планируемых образовательных стратегий может служить ответ «высшее, управление персоналом, заместитель директора, женат»⁸⁵, который дал молодой человек с хорошей успеваемостью (анкета №109) из семьи владельцев малого бизнеса со средним специальным образованием, который планировал поступать на обучение по специальности менеджмент, что и осуществил. Как и в вопросе с различными уровнями мотивации, наиболее гармоничной группой оказались учащиеся, выбравшие экономические, медицинские и технические специальности, так и в отношении долгосрочных целей мы наблюдаем, что будущие предприниматели, юристы, медики и инженеры имеют

⁸⁵ Ответы приводятся в соответствии с анкетой с сохранением пунктуации и последовательности. Для каждой группы представлены наиболее типичные варианты ответов.

конкретные представления о своих образовательных и профессиональных стратегиях на ближайшие 7-10 лет. В построении образовательных стратегий про-активная группа получение высшего образования ставит на первое место, затем следуют достижение некоторых карьерных успехов по специальности и создание крепкой, счастливой семьи.

В группе ре-активных, кто ориентирован как на «внутреннюю», так и «на внешнюю» мотивацию, чаще встречаются более полные, развернутые суждения. Будущий доктор из семьи руководителей высшего звена из г. Новосибирска (анкета № 20) реализовала планируемое, она знает, что в своей области через 7 лет только получит диплом интернатуры и устроится по специальности: «возможно, в детскую психиатрическую больницу, не принципиально. Буду набирать опыт. Буду замужем и буду со своим прекрасным мужем думать о пополнении. Будем совместно работать и копить на большой дом (коттедж)».

Ранее мы уже отмечали, что в этой группе степень реализации планируемых образовательных стратегий несколько ниже, чем в про-активной группе. Так, например, другая девушка из семьи руководителей среднего звена (анкета № 462) также планировала начать обучение по медицинской специальности, но в итоге поступила на бакалавриат с дальнейшим получением профессии в области сферы торговли и обслуживания. Тем не менее, ее ориентация на получение профессии, создание семьи и достижение материального благополучия высока: «специалист с красным дипломом, замужем, 2 детей, собственный дом большой, машина, стабильный доход, гармония и равновесие в селе, уверенность в завтрашнем дне». В этой группе велика доля тех, кто на первое место ставит получение образования, затем работу и создание счастливой семьи, но и тех, кто не считает получение образования своей основной и первостепенной целью здесь существенно больше — чаще встречаются сочетания сначала трудоустройство, затем создание семьи. Быть может, это связано с тем, что выбор образовательной стратегии, дальнейшее поступление уже рассматривается как достижение основной цели в области образования, поэтому постановка следующих образовательных целей не занимает ключевых позиций в горизонте дальнего планирования.

В горизонте дальнего планирования⁸⁶мы обнаруживаем, что те, кто выбирает двухуровневую систему получения образования (сначала обучение в бакалавриате, затем в магистратуре), имеют наиболее четкие представления о себе и своем будущем через 7-10 лет: об уровне образования, о работе, о семейном положении. Те, кто выбрал программы специалитета и те, кто еще не определился с желаемым уровнем образования на момент проведения опроса, имеют менее развернутые суждения, либо вовсе не имеют таковых (см. рис. 3.7 и 3.8).

Рисунок 3.7

Планируемые образовательные стратегии и наличие планов на 7-10 лет вперед, %

Анализ планируемых и реализуемых стратегий с желаемым уровнем образования в горизонте дальнего планирования свидетельствует о том, что в независимости от реализуемых шагов после школы желаемым различными группами учащейся молодежи является получение именно высшего образования (см. диаграмма 9). Из тех 17,3% респондентов, которые после окончания одиннадцатого класса поступили на обучение в техникумы, колледжи, 87,5% ориентированы на получение диплома о высшем образовании.

Осуществляя свой первый, быть может, самый важный

⁸⁶ Базу 100% расчета для рис. 3.7 — 3.9 составляют все участники исследования.

Рисунок 3.8

Реализуемые образовательные стратегии и наличие планов на 7-10 лет вперед, %

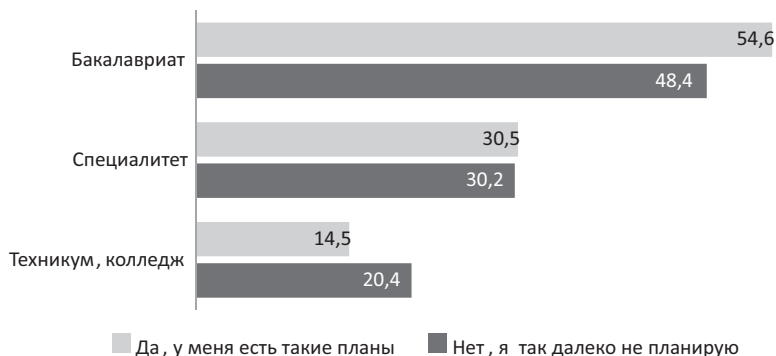
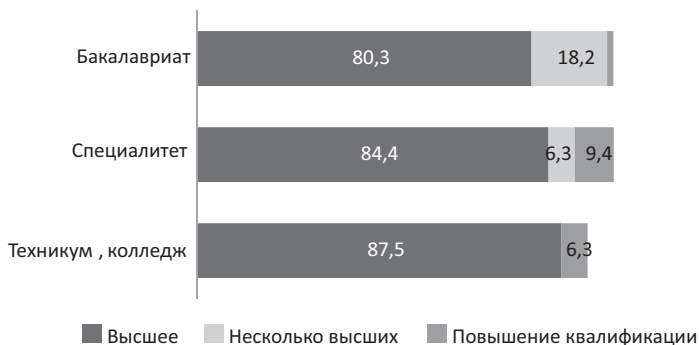

Рисунок 3.9

С каким образованием видят себя через 7-10 лет, %

выбор, современные выпускники школ понимают, что программы СПО (и тем более НПО) не поощряются и не поддерживаются сегодняшними моделями трудоустройства. Такие программы выбираются, с одной стороны, как стратегия «обхода» традиционной сегодня модели поступления в высшие учебные заведения, когда после окончания среднего специального учебного заведения сохраняется возможность быть зачисленным в ВУЗы. С другой стороны, как стратегия приобретения скорейшей финансовой независи-

мости от родителей, если полученная в НПО/СПО специальность позволит трудоустроиться на рынке. Более того, эти стратегии не взаимно исключают друг друга, а скорее работают в сочетании.

К выводам

Предварительный анализ результатов показывает, что в большинстве своем выпускники собираются продолжать обучение (либо совмещать учебу с работой). Решение чаще принимается в старших классах. Сопоставительный анализ результатов позволяет судить о том, что желание продолжать обучение осознанно: желание быть компетентным работником и получить хорошее образование совпадает как в структуре жизненных целей респондентов, так и в мотивах продолжать учебу дальше. Мотивация запускается в сочетании как «внешних», так и «внутренних» факторов под опосредованным воздействием окружающей среды.

Ценность образования сохраняет высокие позиции в структуре жизненных целей респондентов. Распределение ответов об основных мотивах продолжения обучения иллюстрирует двойственную природу ценности образования сегодня: переплетение её терминального и инструментального характера. С одной стороны, 95,7% респондентов планируют продолжать обучение, чтобы получить работу, соответствующую их интересам и склонностям (72,5% отметили этот мотив как «очень важный», и еще 23,2% — как «важный»). С другой стороны, молодёжь достаточно рано сталкивается с осознанием необходимости обеспечения материального достатка в будущем и пониманием, что получение образования служит одним из инструментов для достижения данной цели. Учащиеся согласны, что продолжать обучение необходимо, чтобы найти хорошо оплачиваемую работу — 94,2% (74,7% отметили этот мотив как «очень важный», и еще 19,5% — как «важный»). Инструментальность ценности образования во многом обусловлена и определена транслируемыми в социальном окружении (родителями, учителями, сверстниками и др.) установками о необходимости получения диплома о высшем образовании. Изменение характера ценности образования и

основных мотивов, побуждающих к продолжению образовательной деятельности, в первую очередь свидетельствует о том, что молодое поколение успешно проходит этап социализации, впитывая и ретранслируя полученные извне суждения, ценности и установки.

Есть молодежь, которая принимает образовательные и профессиональные модели своего социального окружения, их образовательные стратегии поддерживаются, и выпускники устремляются к дальнейшей реализации. Есть и другая группа, которая, вероятно, выбирает свой путь вопреки существующему опыту родителей, также поддерживается своим социальным окружением, ориентирована на достижение более высокого уровня образования и стремится осуществить свои планы. При планировании образовательных стратегий молодежь скорее учитывает контекст образовательного и профессионального опыта своих родителей, но не всегда стремится следовать ему, ориентируется на выстраивание собственных стратегий. А быть может, это сами родители, принимая во внимание особенности своего пути, советуют детям избрать иной.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что в условиях массовизации высшего образования большая часть учащейся в выпускных классах школы молодежи мотивирована на повышение своего уровня образования и на получение диплома об образовании высшем, но мотивирована в разной степени и различными факторами. В этом и наблюдается проявление мотивационной природы человека⁸⁷, когда из личного опыта прохождения образовательной и профессиональной траектории возникает понимание, чего не хватает для её успешной реализации и как этого достичь. Наши респонденты, осуществив свой первый выбор в образовательной стратегии, пока еще не обладают богатым опытом в области будущей профессии и дальнейшего трудоустройства. По мере накопления ими знаний и соответствующих компетенций, формирования представлений о сферах образования и работы их мотивация и факторы, ее запускающие, будут претерпевать из-

⁸⁷ *Coleman, James C.* Personality dynamics and effective behavior. Scott, Foresman and Company, Chicago, 1960. P. 123.

менения, а обстоятельства социальной среды вносить свои коррективы в реализацию образовательных и профессиональных стратегий. Тем не менее, относительно высокий уровень общей мотивации к образованию, успешная реализация планируемых образовательных стратегий на данном этапе прохождения жизненного пути дает исследователям возможность предположить, что и далее молодежь будет всеми силами добиваться достижения своих целей.

МОЛОДЕЖЬ И ПРОФЕССИИ⁸⁸

4.1. Изучение привлекательности профессий. Из истории вопроса

Изучение новых смыслов в образовательных стратегиях современной молодежи может быть плодотворным, если есть возможность проведения сравнения с прошлым состоянием явления. В этом отношении длительные социологические замеры привлекательности профессий в оценках выпускников средних школ, которые ведутся на протяжении всего времени существования проекта, предоставляют богатейший материал для выявления нового в образовательных, профессиональных, и — шире жизненных стратегиях современного поколения.

Проблематика оценок привлекательности профессии у выпускников средних школ является составной и непременной частью всех опросов, проводимых на протяжении 50 лет в рамках исследовательского проекта, инициированного социологами Сибирского отделения АН СССР во главе с профессором В. Шубкиным в 1960-е годы прошлого столетия. Разработанная методология изучения привлекательности профессий⁸⁹ в рамках проекта, посвященного социальным проблемам молодежи Сибирского региона, легла в основу повторных опросов, которые проводились в последующие годы в различных регионах страны. Продолжают вестись они и сегодня с различными интервалами коллективом Отдела социологии образования РАН⁹⁰. Наиболее полно получаемые, начиная с 1963 года, данные были

⁸⁸ В разработке статистических материалов участвовал И. Пименов

⁸⁹ Шубкин В.Н. Социологические опыты. М., 1970; Константиновский Д.Л., Шубкин В.Н. Молодежь и образование. М., 1977; Шубкин В.Н., Чередниченко Г.А. Ценностные ориентации в структуре профессионального самоопределения старшеклассников. М., 1994 и др.

⁹⁰ Когда наступает время выбора (Устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений). Коллективная монография. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001; Чередниченко Г.А. Молодежь России (опыт социологического исследования). СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. С. 58-72.

проанализированы и обобщены Д.Л. Константиновским⁹¹, а также сотрудниками руководимого им коллектива в ряде индивидуальных и коллективных публикаций. В предлагаемой работе рассмотрение динамики оценок привлекательности профессий ведется на базе материалов последнего опроса 2013 года с привлечением данных предыдущих опросов.

Сравнительный анализ требует и предполагает сохранять и воспроизводить основные принятые методические принципы исследования привлекательности профессий. С одной стороны, это позволяет отслеживать динамику оценок, выявлять постоянство и сдвиги в отношении к профессиям у разных поколений молодежи, находящейся в точке бифуркации жизненных стартов. С другой стороны, эта же приверженность разработанной ранее методике влечет за собой целый ряд ограничений, которые мы осознаем и стараемся учитывать при интерпретации новых данных.

Для того чтобы картина взаимоотношения современной молодежи с миром профессий стала более объемной, мы привлекаем также опросы по престижу профессий, проводимые другими исследовательскими центрами, учитывая при этом относительную корректность такого сравнительного анализа.

О терминах

Хрестоматийное определение гласит, что профессия — это вид деятельности, который приобретается в результате систематического образования и является основным источником существования. В соответствии с теорией культурного капитала П. Бурдьё, профессия может быть отнесена к инкорпорированному типу культурного капитала, то есть к капиталу, приобретаемому только путем определенных усилий и затрат времени, и неотделимому от его носителя

⁹¹ *Константиновский Д.Л.* Динамика привлекательности профессий и социальные изменения /Профессиональное самоопределение выпускников общеобразовательных школ. М., 1996; *Константиновский Д.Л.* Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. М., 2000; *Константиновский Д.Л.* Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960 годы — начало 2000-х). М., 2008.

(то есть она не может быть передана, подарена или продана без ее носителя). Таким образом, за наименованием каждой профессии стоит тот или иной социо-культурный тип профессионала, его образ жизни, определенная иерархия ценностных ориентаций, его социальный статус. П. Бурдые писал: «Словарь профессий есть законченная форма социального нейтралитета, которая стирает внутренние различия социального пространства в единой по форме трактовке любой позиции как профессии ценой непрерывного изменения основания для их определения (звание, природа деятельности и т.п.). Когда в англосаксонских странах врачей называют профессионалами, то выхватывается тот факт, что эти агенты определены по их профессии, и это как бы главный их атрибут; и напротив, например, прицепщики вагонов очень слабо определены по этому основанию, их описывают просто как занимающих определенный трудовой пост, а в отношении университетских профессоров определение построено одновременно как для прицепщиков вагонов — по задачам их деятельности, и как для врачей — через звание»⁹².

Учащаяся молодежь — старшеклассники

Особенность наших исследований привлекательности профессий связана с тем, что мы обращается к специфической молодежной аудитории — к выпускникам средних школ, находящимся на жизненном старте. Социологов интересует личностное определение тех занятий, которым выпускники средних школ, находясь в прожективной ситуации, симпатизируют в большей или меньшей степени, какие профессии не пользуются интересом, а также критерии, по которым выпускники определяют привлекательность того или иного вида деятельности.

Вопрос о привлекательности отличается от вопроса о планах или о выборе профессии тем, что он предполагает более абстрагированный, обобщенный, взгляд на мир профессий, оценки привлекательности не привязываются к реальным

⁹² Бурдые П. Социология социального пространства и «генезис классов» / Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 47.

выборам. Как отмечал В. Шубкин, «при формировании ценностных ориентаций (а в основе различий привлекательности лежит разница в системах ценностей жизни) существует примат целостной «субъективной» оценки ситуации перед объективным расчленением на компоненты, выделением функциональных и причинно-следственных связей»⁹³. Тем более, что школьники, находясь в проективной ситуации, «вряд ли могут оценить действительный статус профессии и обусловленную им структуру социальных взаимодействий»⁹⁴.

Если мы называем исследуемое явление привлекательностью того или иного рода деятельности, то это означает, что мы уделяем больше внимания персонифицированному характеру выставляемой оценки, что нас интересует не профессия как таковая (что являлось бы предметом социологии профессий), сколько представления выпускников общеобразовательных учебных заведений о ней, а в этих представлениях — наши (социологов) представления о ценностных, социальных приоритетах самих выпускников.

Привлекательность профессии

Согласно сложившейся исследовательской традиции под привлекательностью профессий мы понимаем «отношение к профессиям, базирующееся на системе ценностных ориентаций индивида, которые формируются под воздействием социальной среды»⁹⁵.

Предлагая для оценки не само наименование сферы деятельности (например, медицина), а наименование ее носителя (врач), мы получаем информацию о том, какие социально-профессиональные типы, представляющие эти сферы деятельности, поощряются и одобряются, какие оцениваются негативно. Выстраивая шкалы оценок привлекательности профессий, мы получаем косвенную, опосредованную, а вместе с тем, быть может, более достоверную

⁹³ Шубкин В.Н. Социологические опыты. Указ.соч. С. 160.

⁹⁴ Бессуднов А.Р. Социально-профессиональный статус в современной России // Мир России, 2009. №2.

⁹⁵ Константиновский Д.Л. Динамика привлекательности профессий и социальные изменения. Указ.соч. С.12-14.

информацию о профессиональных предпочтениях и отторжениях, и, соответственно, о социальных и культурных тяготениях выпускников средних школ. Используемое нами понятие привлекательности близко по смыслу употребляемому в социологии термину «престиж профессии», который польский исследователь престижа Г. Доманьский определяет следующим образом: «Престиж (он же репутация, уважение, почтение, почет, авторитет, реноме, достоинство) делит людей на более или менее значимых по аналогии с тем, как люди различают доходность, уровень образования или власти, с той только разницей, что престиж — в отличие от объективных показателей, относится к феномену сознания»⁹⁶. Отметим, что трудности восприятия респондентами термина престиж убедили Г. Доманьского в том, что «в Польше лучше спрашивать не о престиже, а об уважении к тем или иным профессиям. По этим же причинам в англосаксонских странах термин «престиж» заменяется термином «social standing» или «статус»⁹⁷. Основоположники нашего мегапроекта также исходили из того, что понятие престижа, так как его трактуют чаще всего, т.е. как социальный феномен, еще не близко молодежи — подросткам, которые выходят из средних школ. Это стало одной из причин того, что при обращении к респондентам мы стали использовать термин «привлекательность».

Если рассуждать в духе концепции культурного капитала П. Бурдьё, то можно сказать, что престиж профессии — это ее символический капитал, это не только деньги, не только квалификация, и не только власть (как экономическая, должностная, так и власть эксперта), взятые в отдельности, это — и то, и другое, и третье, но он означает еще и нечто иное — почет и уважение к профессии, которая осознается как общественно значимая и, безусловно, необходимая для поддержания и безопасности жизни общества и его отдельных членов, и которая требует

⁹⁶ Domanski H. *Prestiz*. Wrocław: Fundacja na rzecz nauki polskiej. 1999. P. 5.

⁹⁷ Доманьски Г. Изменения в социальной структуре и системе ценностей / Ценности и развитие. Являются ли ценности препятствием для реформ ЕС? Варшава: Институт исследований рыночной экономики, 2004. (Пер. Е. Вознесенской, рукопись)

особых, сложных, трудоемких, специальных компетенций, знаний и навыков. Это предопределяет раритет профессии в том смысле, что вход в профессию носит селективный характер. Престиж — этот символический капитал профессий, ее абсолютный вес и авторитет в обществе, который остается за вычетом, например, доходности, это — харизма профессии.

Нельзя не отметить, что оба понятия — как привлекательность, так и престиж — как в 60-ые годы, так и сегодня, сохраняют определенную терминологическую неопределенность. На многозначность термина и трудности его операционализации указывали на начальных этапах исследования престижа и советские социологи, когда, говоря о его составляющих, писали: «Это и творческий характер труда, и хороший заработок, и возможность роста, легкость работы и ограниченный срок профессиональной подготовки и т.д., и т.п.»⁹⁸. «Вряд ли можно надеяться — отмечал В. Шубкин — установить конкретные, строго дифференцированные мотивы, которыми руководствуются люди, рассматривая привлекательность той или иной профессии»⁹⁹. И сегодня комментарии к получаемым шкалам оценок престижа той или иной профессии основываются во многом на социологической интуиции исследователя. Тем не менее, попытки операционализации этих понятий продолжают предприниматься, и, стремясь преодолеть эту неопределенность, исследователи престижа расчленяют эту категорию на отдельные, составляющие ее компоненты, такие как социально-профессиональный статус, доходность, характер занятости, близость к власти и т.п.

4.2. Что такое привлекательность по мнению современных школьников

Расшифровке термина привлекательность, способствующей уточнению того, какой смысл вкладывают в понятие привлекательности сами опрошиваемые, в анкете 2013 года (непосредственно после предложенных для оценки привле-

⁹⁸ Водзинская В.В., Сагаченко Г.И., Ядов В.А. В поисках научных методов регулирования процессов // «Вопросы философии». 1966. № 6. С. 163.

⁹⁹ Шубкин В.Н. Социологические опыты. Указ. соч. С. 160.

кательности 29 профессий), был задан вопрос в закрытой форме: «Что важно для Вас, когда Вы оцениваете ту или иную профессию?», и было предложено оценить значимость каждого из девяти критериев привлекательности профессии по четырем показателям от «очень важно» до «не важно» (см. табл. 4.2.1).

Таблица 4.2.1
«Что важно для Вас, когда Вы оцениваете ту или иную профессию», % *

Варианты ответов:	Очень важно	Важно	Менее важно	Не важно
Приносит хороший доход	61,8	33,7	3,2	0,8
С такой профессией всегда можно найти работу	44,5	37,9	13,6	3,2
Позволяет стать независимым	44,5	36,6	15,0	2,9
На нее есть спрос в любой стране	42,9	36,4	15,4	4,0
Нужна людям	40,1	43,2	12,6	3,2
Пользуется признанием, уважением в обществе	32,4	47,9	16,3	2,8
Носит высококвалифицированный характер (умственный, интеллектуальный труд)	29,6	50,6	17,0	1,8
Дает в руки рычаги власти, управления, руководства	17,8	39,6	35,6	6,0
Ее легче получить	5,8	26,4	47,9	18,9

*Примечание: без учета тех, кто затруднился ответить

«Очень важно». Если проранжировать критерии привлекательности по показателю «очень важно» (табл. 4.2.1), то первый взгляд на то, как распределились ответы, дает однозначную картину. Безусловные приоритеты (высочайшие и высокие доли ответов «очень важно») остаются за такими критериями как «Приносит хороший доход»; «С такой профессией всегда можно найти работу»; «Позволяет стать

независимым»; а также «На нее есть спрос в любой стране» (см. рис. 4.2.1, 4.2.2, 4.2.3, 4.2.4).

Рисунок 4.2.1

Рисунок 4.2.2

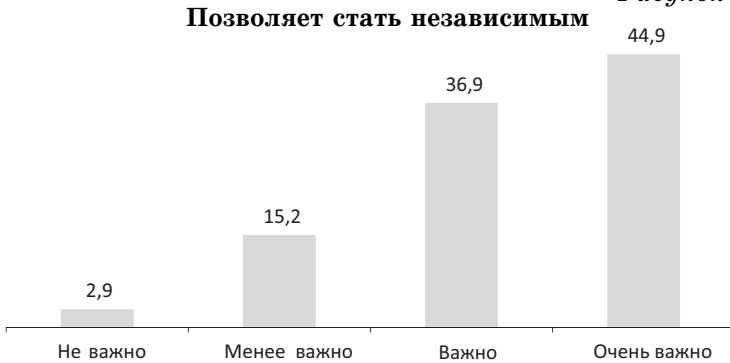

Рисунок 4.2.3

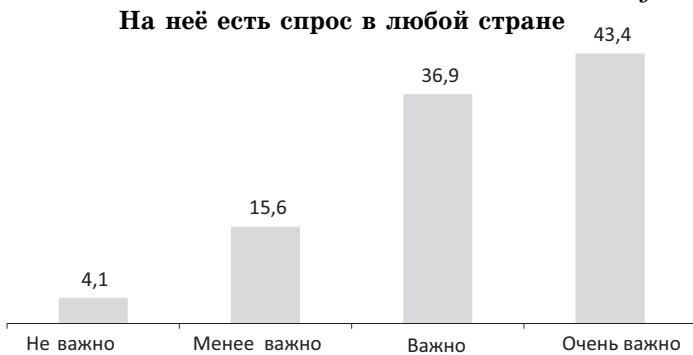
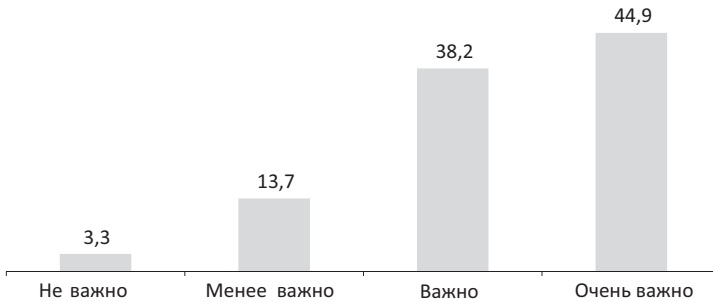

Рисунок 4.2.4

С такой профессией всегда можно найти работу

Абсолютная убедительность такого распределения подкрепляется тем, что убывание от «очень важно» до «не важно» носит в данных случаях строго последовательный характер. То есть по этим показателям, оценка «очень важно» доминирует и превосходит «важно», особенно в отношении дохода. Тем более она превосходит оценки «менее важно» и «не важно».

Столь же последовательно от «очень важно» до «не важно» распределяются оценки характеристики «На нее есть спрос в любой стране» (см. рис. 4.2.3), хотя разрыв в полярных оценках («очень важно» — «не важно») здесь менее значителен, чем при оценке доходов, что само по себе говорит о некотором снижении значимости этой характеристики. На этапе окончания средней школы, лишь приступая к конкретизации своих выборов, молодые люди еще не размышляют о возможностях трудоустройства в международном масштабе.

«Менее важно». Между тем, строго нисходящая последовательность оценок от «очень важно» до «не важно» нарушается, когда мы переходим к рассмотрению других характеристик привлекательности. В характеристике «Ее легче получить» (см. рис. 4.2.5) приоритетной становится оценка «менее важно» (48,4%), которая превосходит по величине как «очень важно» (5,9%), так и «важно» (26,6%). Такое распределение оценок, безусловно, подтверждает малозначимость данной характеристики, свидетельствуя, что привлекательность профессии во мнениях молодых не зависит от

Рисунок 4.2.5

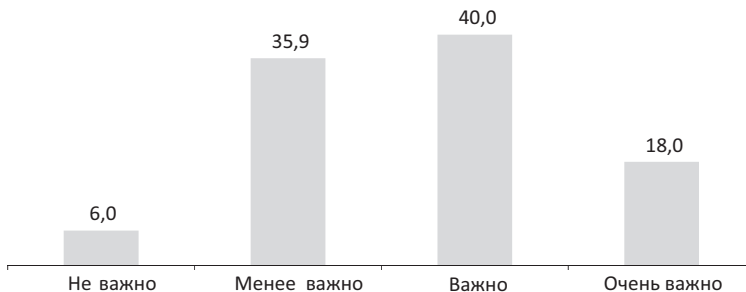

легкости ее приобретения, что молодежь не боится трудностей и не ищет легких путей. В любом случае оно указывает на то, что потребительский подход к определению привлекательности профессии отнюдь не является приоритетным, несмотря на то, что в целом прагматика доминирует.

Относительно незначимыми для привлекательности оказываются властные функции в профессии («Дает в руки власть, функции управления и руководства»: 18,0% — очень важно; 40,0% — важно, но 35,9% — менее важно (см. рис. 4.2.6), хотя, как показало исследование планов и их реализации выпускниками школ в 2013 году, большой процент опрошенных и хотели, и учатся «менеджменту и управлению персоналом». Представляется, что высокая доля ответов «менее важно» (35,9%), конкурирующая с «важно» (40,0%) в отношении властных функций

Рисунок 4.2.6

Дает в руки рычаги власти, управления

профессии как критерию ее привлекательности, отражает отсутствие устойчивого мнения, несет в себе значимую степень неопределенности. Ясно, что «менеджмент, управление персоналом», как профессия, а точнее, вид деятельности, к которому тяготеют нынешние выпускники, скорее «разогрет» широким предложением со стороны рынка образовательных услуг, сами же молодые имеют о ней достаточно смутное представление, во всяком случае, не соотносят напрямую смысл менеджмента с властными, управленческими функциями.

***Ранжирование качеств привлекательности
по показателю «важно»***

*«Bonne renommée vaut mieux que la ceinture dorée»
Хорошая репутация лучше (стоит дороже) золотого пояса
(французская пословица)*

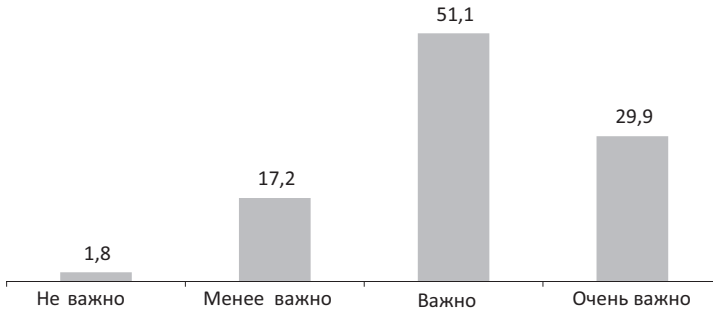
«Важно». Особого внимания заслуживает специфическая конфигурация ответов в отношении качеств, которые — в отличие от первого блока прагматически-практических толкований привлекательности — соотносятся более с общегуманистическими ценностями. Таковы характеристики «Пользуется признанием, уважением в обществе», «Носит высококвалифицированный характер (умственный, интеллектуальный труд)», «Нужна людям». И здесь картина усложняется: оценка «важно», на которую приходится наибольшие доли ответов, самым очевидным образом выходит на первый план, в значительно более выраженной степени, чем в отношении, скажем, властных характеристик профессии.

Высококвалифицированный труд как составляющий элемент привлекательности, безусловно, важен (51,1% — «важно»), но отстает от первого блока характеристик, имеющих абсолютную значимость (всего 30% ответов «очень важно», см. рис. 4.2.7). То есть эта характеристика, при ее безусловной значимости, не является абсолютным требованием, уступая первостепенной необходимости трудоустройства и заработка, обеспечивающего независимое существование. В результате требования, предъявляемые к характеру труда, оттесняются на второй план: труд может

быть необязательно высококвалифицированным, гораздо важнее, чтобы он обеспечивал достаточный доход. Такая иерархия оценок привлекательности профессии может косвенно свидетельствовать и о смысловых сдвигах в отношении высшего образования, и диплома, его удостоверяющего. От диплома сегодня уже не ждут гарантированного доступа к высококвалифицированному, умственному труду, образование и диплом воспринимаются, скорее, как обеспечение конституционного права на нефизический труд.

Рисунок 4.2.7

**Носит высококвалифицированный характер
(умственный, интеллектуальный труд)**

Лидирует оценка «важно» и в распределении ответов по таким критериям, как «Пользуется уважением, признанием в обществе» (48,2%, см. рис. 4.2.8), а также — в менее выраженной степени — «Профессия нужна людям» (43,6%, см. рис. 4.2.9). Все это указывает на высокую значимость таких ценностных характеристик привлекательности профессии, как ее моральный авторитет, престиж, необходимость людям, сложность труда. Если согласиться с относительной автономностью выстраиваемой по этим критериям шкалы, то можно сказать, что высоко привлекательными профессиями считаются наиболее ценимые в моральном и общечеловеческом плане.

В целом полученные данные можно трактовать таким образом, что параллельно сосуществуют две равноположенные модели понимания или смыслов привлекательности. Первая — прагматичная, отражающая очевидные, наиваж-

нейшие жизненные потребности; вторая — более скрытая, неявная, личностная, и возможно, даже равная по значимости первой, но не в современных обстоятельствах, когда «не до жиру, быть бы живу». В первой модели заработка, спрос на рынке труда, гарантии трудоустройства сохраняют ведущие позиции в определении привлекательности («очень важно»), они носят безусловный, никем не оспариваемый, формально-обязательный, даже нормативный характер. Во второй, не столь явной модели, такие свойства привлекательности профессии, как важность, необходимость профессии обществу, другим людям (лидируют ответы «важно») — представляют собой отнюдь не менее ценную, но часто — непопулярную или мало доступную роскошь.

Полученные данные свидетельствуют — и никакие другие исследования этого не опровергают — что сегодня, безусловно, привлекательность профессии в первую очередь

Рисунок 4.2.8

Пользуется признанием, уважением в обществе

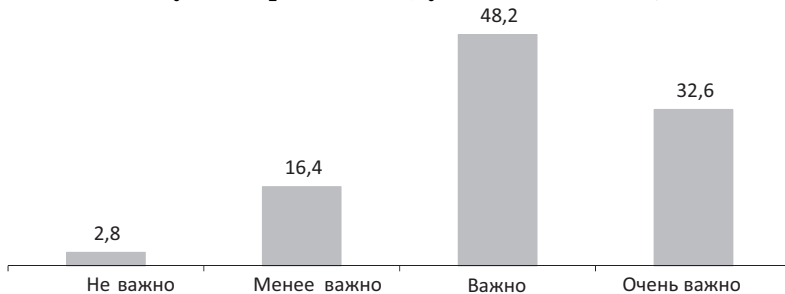
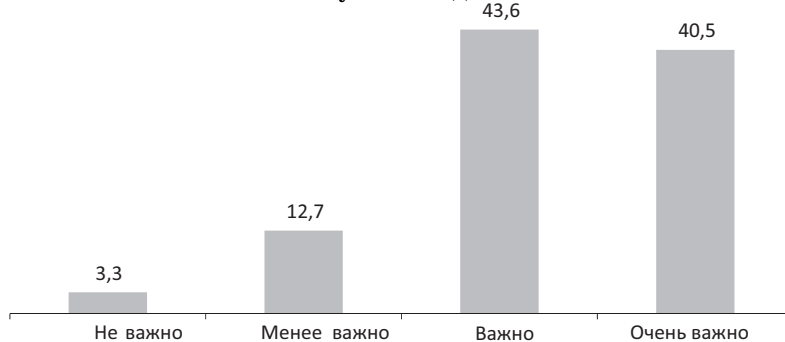

Рисунок 4.2.9

Нужна людям

определяется такими прагматически ориентированными характеристиками как высокий спрос на рынке труда, обеспечение материальной самостоятельности. Одновременно обще-гуманистические составляющие привлекательности профессии, несколько отступая на второй план, отнюдь не теряют своей значимости. Интеллигентность, высококвалифицированный труд, престиж, служение обществу как характеристики, входящие в понятие привлекательности профессии, примыкают к характеристикам первого ряда, образуя самостоятельную ценностную шкалу оценок привлекательности, не конкурирующую, а соподчиненную ведущим характеристикам. Таков контекст!

4.3. О привлекательности профессий в динамике лет

Как было уже сказано, в рамках описываемого мега-проекта вопрос о привлекательности задавался каждый раз при всяком последующем опросе старшеклассников. Вопрос ставился в следующей форме: «Как Вы относитесь к перечисленным ниже профессиям?». Предлагалось оценить привлекательность всех перечисленных в списке профессий по 10-бальной шкале: самые привлекательные с точки зрения респондента профессии получают самые высокие оценки — 10, 9, 8 баллов, профессии средней привлекательности — 7,6, 5 баллов, самые непривлекательные — 3, 2, 1 балла, если респондент совсем ничего не знает о профессии, он ставит ноль.

Опрашивая выпускников на предмет оценки ими привлекательности тех или иных профессий, после проведения соответствующих процедур ранжирования полученных оценок, на выходе мы получаем иерархические шкалы средних оценок от самых привлекательных до самых непривлекательных профессий.

Проводимые с различными интервалами (1963-1983-1994-1998-2004-2013 гг.) исследования привлекательности профессий среди выпускников средних школ Новосибирской области позволили установить, что на всем протяжении исследуемого периода сохранялась единая общая конфигурация шкал привлекательности профессий. В сводной таблице (см. Приложение I, табл. А), с учетом

всех ограничений методического и технического характера, представлены те профессии, оценки привлекательности которых удалось провести через все (или почти все) опросы, повторяющиеся в течение 50 лет. Таблица, возможно, трудна для восприятия, она приводится лишь для того, чтобы в самом общем виде показать, что рейтинги оценок привлекательности, независимо от года проведения опроса, имеют общую структуру. И если невозможно провести строгое сопоставление имеющихся данных, то установить внешнюю схожесть шкал вполне возможно.

Так, из таблицы А следует, что блок высшей привлекательности состоит из профессий, которые имеют высокий образовательный ценз, предполагают наличие специальных компетенций, пользуются спросом на рынке труда, являясь актуальными для каждого данного отрезка времени, открывают возможности для продвижения, жизненного успеха.

Блок профессий средней привлекательности — смешанная группа видов занятий, где если встречаются профессии, требующие высшего образования, то с компонентой рутинного труда, если профессии умственного труда, то среднего уровня квалификации, а если рабочие профессии, то квалифицированные.

Блок низкой привлекательности отводится рабочим профессиям средней и низкой квалификации, наименее квалифицированным видам физического труда, сферы обслуживания, и, в особенности, сельского хозяйства.

Наряду со схожестью иерархических шкал, в динамике лет были выявлены содержательные различия каждой из трех больших групп профессий, опосредованные имевшими место глобальными переменами в социальной жизни России: экономическими, политическими, демографическими изменениями в стране, в том числе, в социальном расслоении населения. Фиксируемые на фоне этих трансформаций сдвиги в ценностных ориентациях молодых, в их профессиональных предпочтениях были всесторонне проанализированы Д. Константиновским¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Константиновский Д.Л. Динамика привлекательности профессий и социальные изменения /Профессиональное самоопределение выпускников общеобразовательных школ М., 1996; Константиновский Д.Л. Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. М., 2000; Кон-

Так, в 60-ые годы рейтинги привлекательности фиксировали традиционные советские представления о привлекательности (как респондентов, так, впрочем, и самих социологов): высоки рейтинги инженерных профессий, уважительно отношение к интеллигентным гуманитарным профессиям, котируются ученые, научные работники (более «физики», чем «лирики»).

Рейтинг привлекательности профессий у выпускников 80-х годов выражал смесь, состоящую из очень разных компонентов. Как показал Д. Константиновский, политика перехода к всеобщему среднему образованию в тот период вела к массовизации, к социальной пестроте состава учащихся средних школ. Это отразилось на распределении оценок привлекательности: перестала быть очевидной гегемония высококвалифицированного труда, путь к которому лежит лишь через высшее образование, повышается привлекательность профессий, не требующих высшего образования, но обещающих хороший заработок.

Опрос 1994 года проводился в политической и экономической новой ситуации, когда возник ряд новых или переименованных традиционных видов деятельности, вписавшихся в рыночные отношения и оттянувших на себя симпатии не только молодежи. Основные тенденции этого периода: привлекательность многих занятий специалистов высокой квалификации снижается, одновременно возрастает привлекательность ранее совершенно низко оцениваемых профессий сферы обслуживания. Нарастают потребительские ориентации — материальные характеристики профессии все более определяют степень ее привлекательности, выстраивается ведущий блок привлекательных топ-профессий, которые сохраняют высокий рейтинг на протяжении всех последующих лет: бизнесмен, юрист, экономист.

Включение в опрос 1998 года, помимо выпускников средних школ, учащихся ССУЗов и ПУ дало возможность вскрыть новые для исследователей демаркационные линии социального размежевания в виде различий в рейтингах привлекательности профессий этих групп учащихся, осо-

стантиновский Д.Л. Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960 годы — начало 2000-х). М., 2008.

бенно выпускников ПУ, выходцев по преимуществу из рабочей среды.

Двухтысячные годы (опрос 2004 года) не приносят значимых изменений в распределении профессиональных предпочтений выпускников средних школ. Можно говорить о том, что укрепляются лидерские позиции высококвалифицированных, интеллигентных видов деятельности, остается неизменным нижний по привлекательности блок занятий физического неквалифицированного труда.

4.4.Оценки привлекательности профессий по опросу 2013 года

Шкала оценок привлекательности профессий последнего опроса 2013 года, которая в силу технических ограничений отличается серьезным сокращением числа предложенных для оценки профессий (в целом 29 профессии, см. табл. 4.4.1), также не нарушила традиционной глобальной иерархии привлекательности, представляя собой типичное для всех лет распределение средних оценок. Подчеркнем, что мы имеем дело с усредненными показателями, границы между выделенными группами (блоками) профессий носят крайне условный характер, интерес представляет, главным образом, общий принцип расположения профессий на шкале привлекательности, и в меньшей степени — относительное положение соседних профессий.

Как и в предыдущих опросах, верх иерархии привлекательности профессий, получивших высшие позиции (от 6 баллов и выше, 1-5 ранги) продолжают занимать профессии, ставшие в массовом молодежном сознании «культовыми» (бизнесмен, банковский работник, юрист) и преимущественно профессии высокой квалификации.

Впервые в список профессий был введен статус госслужащего, который занял место среди лидирующих профессий (6,5 баллов). Экономист и врач, безусловно, примыкают к высшему блоку топ — профессий. Следует обратить внимание на тот факт, что в этой части шкалы все виды деятельности относятся к профессиям, предусматривающим наличие высшего образования, за исключением бизнесмена, деятельность которого гораздо менее строго очерчена

Таблица 4.4.1

**Средние оценки привлекательности профессий, 2013,
по десятибалльной шкале**

Ранги	Профессия	Оценка в баллах
1	Бизнесмен	7,8
2	Банковский работник	6,5
3	Юрист	6,5
4	Госслужащий	6,5
5	Врач	6,0
6	Журналист	5,9
7	Инженер	5,9
8	Программист	5,8
9	Экономист	5,8
10	Офицер	5,8
11	Летчик	5,5
12	Полицейский	5,5
13	Дизайнер, стилист	5,5
14	Бухгалтер	5,4
15	Научный работник, ученый	5,3
16	Преподаватель вуза	5,0
17	Секретарь — референт, администратор офиса	5,0
18	Машинист поезда	3,9
19	Медсестра	3,9
20	Автомеханик	3,7
21	Продавец	3,5
22	Радиотехник	3,5
23	Учитель средней школы	3,5
24	Шофер	3,4
25	Агроном	3,3
26	Маляр, штукатур, строитель	3,3
27	Токарь	2,9
28	Фермер	2,8
29	Тракторист	2,3

с точки зрения профессионализма. Группа профессий, обладающих выше средней и средней степенью привлекательности (от 5,9 до 5,0 баллов, 6-17 ранги), может быть поделена на две подгруппы: верхняя подгруппа продолжает логику предыдущей группы с преобладанием профессий высококвалифицированного труда, которые, однако, чередуются с профессиями среднего уровня, включающими элементы рутинного труда (нижняя подгруппа), и здесь полицейский соседствует с дизайнером-стилистом, а преподаватель вуза — с секретарем-референтом.

Далее следуют профессии ниже средней привлекательности (от 3,9 до 3,0 баллов, 18-26 ранги), которые существенно соотносятся скорее с идущим ниже блоком менее привлекательных профессий: здесь уже очевидно отсутствие высшего образования, превалируют виды деятельности квалифицированного физического труда. Здесь сосредоточены преимущественно профессиональные группы, которые отличаются смешанным (умственным и физическим) характером труда: техники, офисные работники, медсестры, продавцы. К этому блоку принадлежит и профессия учителя средней школы, которая, несмотря на высокий образовательный ценз, на шкале занимает место между радиотехником и шофером, являя собой специфическое и крайне нелицеприятное для нашего общества исключение.

Как видим, самый низ шкалы (вокруг 3,0 баллов и ниже, 27-29 ранги) заполняют профессии рабочих промышленности, строительства и сельского хозяйства.

Таким образом, выстроив профессии по ранжиру, мы получаем традиционную конфигурацию шкалы, в основных своих чертах повторяющую распределение профессий по степени их привлекательности, характерное для всех опросов предшествующих лет.

Что касается содержательной, смысловой новизны шкалы привлекательности, полученной в 2013 году, то она может быть обнаружена лишь при ее сопоставлении со шкалой предпоследнего опроса 2004 года (см. табл. 4.4.2). Как видно, наиболее заметной особенностью шкалы привлекательности, полученной в 2013 году, оказались тотально сниженные по сравнению с 2004 годом выставяемые баллы, начиная с самых высоких и кончая самыми низ-

кими. Если позволительно говорить о среднем арифметическом баллов для совокупности оценок всех профессий, то, согласно расчетам, в 2004 г. его величина составляла 5,31 балла, а к 2013 году она снизилась до 4,8 баллов.

Таблица 4.4.2

**Динамика средних оценок привлекательности профессий
2004-2013 гг. по десятибалльной шкале.
Оценки ранжированы по 2013 году**

Профессия	Год обследования		Динамика 2004–2013
	2004	2013	
Бизнесмен	8,31	7,8	-0,51
Банковский работник	8,24	6,5	-1,74
Юрист	7,71	6,5	-1,21
Бухгалтер	6,56	5,4	-1,16
Врач	5,95	6,0	0,05
Журналист	6,56	5,9	-0,66
Инженер	6,24	5,9	-0,34
Офицер, военный	5,45	5,8	0,35
Программист	7,05	5,8	-1,25
Экономист	6,94	5,8	-1,14
Дизайнер	7,09	5,5	-1,59
Полицейский	4,97	5,5	0,53
Научный работник	6,31	5,3	-1,01
Преподаватель вуза	5,43	5,0	-0,43
Секретарь-референт	5,9	5,0	-0,9
Машинист на транспорте	3,73	3,9	0,17
Медсестра	3,7	3,9	0,2
Автомеханик	4,46	3,7	-0,76
Продавец	4,26	3,5	-0,76
Радиотехник	3,99	3,5	-0,49
Учитель средней школы	3,45	3,5	0,05
Шофёр	3,86	3,4	-0,46
Агроном	3,67	3,3	-0,37
Фермер	2,85	2,8	-0,05
Тракторист	2,4	2,3	-0,1

Лишь несколько профессий к 2013 году сохранили свои позиции в баллах (привлекательность «не ушла в минус»). Это врач, офицер, военный, машинист на транспорте, медсестра. Сохранил свою, по крайней мере, не снизил, позицию и учитель средней школы.

При этом следует подчеркнуть, что общее понижение средних оценок в баллах на шкале привлекательности 2013 года в большинстве случаев не влечет за собой сдвигов в ранжирах профессии по сравнению со шкалой предыдущего 2004 года опроса.

Таким образом, можно предположить, что смысловые сдвиги, произошедшие в период между 2004 и 2013 годами, выражаются в общем спаде энтузиазма в оценках привлекательности. Шкала 2013 года фиксирует тенденцию снижения интереса к профессиям как таковым, нарастание индифферентности в отношении к профессиям всех уровней привлекательности. Возможно, это отражает более существенные сдвиги в системе ценностей молодежи, смещение ее интересов к иным, чем профессиональная активность, сферам жизнедеятельности, или к иным занятиям, которые не отражены в предлагаемых для оценки профессиях. Представляется, что современный контекст делает все менее актуальным прежде наполненный романтическим пафосом вопрос «кем быть». Есть все основания предположить, что важным общественным событием последнего периода, актуализировавшим такую специфическую реакцию со стороны молодых в виде общего спада энтузиазма в оценках привлекательности профессий, явились не только многозначные проявления и результаты финансово-экономического кризиса 2008 года, но также изменения в ценностных ориентациях и мотивационных структурах современной молодежи более глобального характера.

4.5. К вопросу о социальных факторах, дифференцирующих оценки привлекательности

На протяжении всех лет повторно проводившиеся обследования позволили установить наличие устойчивых во времени факторов, определяющих различия глобальных иерархий, которые, не нарушая их общей направленности,

делают эти иерархии менее монолитными. Фиксировались различия в оценках привлекательности профессий между юношами и девушками; между получающими среднее образование в дневных средних школах, в ПУ и техникумах; между выходцами из семей, обладающих разным доходом, социально-профессиональным статусом, проживающих в больших, средних, малых городах и селах.

Фактор местожительства

Как было установлено предыдущими опросами, значение местожительства как фактора, дифференцирующего оценки привлекательности профессий, с годами все более снижается. Так, опрос 2013 года показал, что в целом шкалы привлекательности мало чем отличаются у выпускников школ, живущих в Новосибирске, средних городах, малых городах, рабочих посёлках и сёлах.

Сохраняются лишь некоторые, стабильные во времени различительные закономерности. Так, опрос 2013 года, как и все предыдущие опросы, показал, что в отношении большинства профессий (включая и топ-профессии бизнесмена, банковского работника, врача, экономиста, юриста, и не говоря уже о малоквалифицированных видах деятельности, профессиях сельского хозяйства) средние оценки новосибирцев оказываются чуть ниже оценок жителей всех других типов поселений (а чаще разница стирается вообще). Соответственно, оценки, даваемые выпускниками во всех других типах поселений, оказываются несколько (крайне незначительно) выше новосибирских. Показательно, что относительно значимые расхождения наблюдаются лишь в оценках двух профессий: программиста и агронома. Программист (новосибирцы — 6,15 баллов, селяне — 5,56 баллов) на сегодняшний день в большей степени остается «городской» профессией. Агроном (новосибирцы — 2,87; селяне — 3,72 баллов), несмотря на минимальные симпатии обеих групп, все же жителями села оценивается значимо выше горожан, демонстрируя, тем самым, сохранение некоей «родовой» привязанности к сельскохозяйственным видам деятельности (табл. В в Приложении I).

Если проследить динамику оценок от 2004 к 2013 году, то тенденции к минимизации различий в оценках привлекательности среди жителей различных типов поселений становятся все более очевидными. Если в 2004 году оценки ряда профессий между двумя полярными группами — новосибирцами и жителями сел — различались достаточно значительно, то к 2013 году эти различия сокращаются (см. табл. 4.5.1).

Таблица 4.5.1

Динамика оценок привлекательности в зависимости типа поселения респондента, средние баллы, 2004, 2013

Профессия	Тип поселения							
	Новосибирск		Средний город		Малый город		Посёлок, село	
	2004	2013	2004	2013	2004	2013	2004	2013
Врач	5,35	5,90	6,42	6,74	5,85	6,08	6,62	5,94
Машинист поезда	3,23	3,66	4,62	4,77	3,36	4,01	4,10	4,29
Медсестра	3,22	3,77	3,99	4,33	3,61	3,96	4,33	3,84
Милиционер	3,93	5,18	4,69	6,09	4,05	5,63	5,54	5,93
Офицер	5,00	5,44	6,11	6,43	5,11	6,21	5,93	6,06

Правда, уменьшение разрыва в оценках между городской и сельской молодежью касается только нескольких профессий, а именно тех, которым в период между последними двумя опросами удалось сохранить уровень своей привлекательности. Так, в 2004 году величина разрыва в оценках врача между Новосибирском и селом составляла 1,27 балла (в пользу сельчан), а в 2013 году разрыв сократился до 0,4 баллов; в оценках медсестры: в 2004 году — 1,11 балла, а в 2013 году — 0,7 балла (также в пользу сельчан).

В целом же, как свидетельствуют полученные данные, продолжается тенденция ко все большему сближению оценок привлекательности профессий различными континген-

тами учащихся общеобразовательных учебных заведений, независимо от местоположения школы, которую заканчивает респондент. Это является не только результатом усвоения школьниками ценностных установок, имманентных системе образования и средней школе, в частности, но и следствием глобализационных процессов распространения информации: растет унификация представлений о престижности профессий как эффект глобализации.

Фактор материального положения семьи

Выявление связи между уровнем финансовой обеспеченности родительской семьи респондента и тем, как он оценивает ту или иную профессию, приводит к выводу, что симпатии респондентов из семей, имеющих разный уровень материальной обеспеченности, лишь незначительно отличаются друг от друга, не нарушая общей последовательности рангов.

Согласно данным таблицы 4.5.2, по результатам 2013 года, которые могут в принципе быть распространены и на данные предпоследнего опроса 2004 года (см. табл. С в Приложении I), обнаруживается тенденция, хотя и не имеющая строгой последовательности: дети из успешных в материальном отношении семей более других расположе-

Таблица 4.5.2

Оценки привлекательности профессий в зависимости от дохода семьи, средние баллы, 2013

Доход/Профессия	«Денег хватает на самое необходимое»	«Можем ни в чем себе не отказывать»
Агроном	4,43	3,08
Бизнесмен	7,13	8,14
Врач	6,04	6,0
Медсестра	4,22	3,85
Маляр	3,63	2,88
Научный работник	5,83	5,33
Программист	5,76	5,52
Продавец	3,83	3,22
Секретарь-референт	4,72	4,19

ны в пользу профессий высокой квалификации, представляющих экономическую (бизнесмен, банковский работник, экономист, а также юрист и госслужащий) и креативную, творческую (дизайнер-стилист, журналист) сферы деятельности. Относительно высокую оценку привлекательности сохраняют в обеспеченных семьях профессии научного работника и программиста. Бизнесмен — эта топ-профессия, которая лидирует по привлекательности, независимо от уровня обеспеченности семьи, все же самой высокой привлекательностью пользуется среди тех, кто «может ни в чем себе не оказывать» (8,14 балла), а самой низкой (оставаясь лидирующей) — среди тех, у кого «денег хватает на самое необходимое» (7,13 баллов).

Рабочим же профессиям (маляр, машинист, продавец, токарь и т.п.), профессиям сельскохозяйственного труда (агроном, фермер), а также профессиям высококвалифицированного труда, но с компонентой рутинного труда и не сулящим высоких доходов (учитель средней школы, инженер, бухгалтер и т.п.), «зажиточные» группы выразительнее других в привлекательности отказывают. Так, например, при том, что в целом респонденты из семей, занимающих разные позиции на лестнице доходов, довольно однозначно оценили привлекательность медсестры, однако самые низкие оценки дают выходцы из семей с наиболее высоким доходом (3,83 баллов против 4,22 баллов по оценкам тех, у кого «денег хватает только на необходимое»).

Гендерный фактор

Гендерный фактор, остается, пожалуй, едва ли не единственным фактором, который продолжает проявлять себя достаточно выразительно (см. табл. 4.5.3), не нарушая, однако, единого для всех рейтинга профессий высокой, средней и низкой привлекательности.

В первую очередь различия по полу выражаются в том, что стабильно, из поколения в поколение, девушки в целом выше, чем юноши, оценивают большинство профессий высококвалифицированного труда, требующих высшего образования. Ценность высшего образования в формировании

Таблица 4.5.3

Оценки привлекательности профессий в зависимости от пола, средние баллы, 2013

NN	Профессия	Оценка в баллах	
		Юноши	Девушки
1	Бизнесмен	7,64	7,97
2	Банковский работник	5,99	6,87
3	Юрист	5,77	7,08
4	Госслужащий	6,02	6,86
5	Врач	5,44	6,52
6	Журналист	4,77	6,84
7	Инженер	6,41	5,43
8	Программист	6,15	5,53
9	Экономист	5,15	6,39
10	Офицер	6,16	5,47
11	Летчик	6,03	5,09
12	Полицейский	5,19	5,69
13	Дизайнер, стилист	4,07	6,67
14	Бухгалтер	4,65	6,03
15	Научный работник, ученый	5,22	5,42
16	Преподаватель вуза	4,38	5,55
17	Секретарь–референт, администратор офиса	4,40	5,43
18	Машинист поезда	4,57	3,45
19	Медсестра	3,22	4,40
20	Автомеханик	3,7	
21	Продавец	3,26	3,64
22	Радиотехник	4,22	2,90
23	Учитель	2,93	3,88
24	Шофер	4,00	2,84
25	Агроном	3,33	3,22
26	Маляр, штукатур, строитель	3,59	3,00
27	Токарь	3,40	2,59
28	Фермер	3,06	2,55
29	Тракторист	2,53	2,03

привлекательного образа той или иной профессии для девушек, безусловно, более значима.

Особенно высоко (существенно выше юношей) современные девушки оценивают профессии в гуманитарных сферах деятельности (юрист), в медицине (врач), профессии с творческой компонентой (журналист, дизайнер), а также профессии экономической сферы деятельности (банковский работник, бухгалтер). Квалифицированный труд среднего уровня, относящийся к сфере обслуживания, также, судя по оценкам привлекательности, сохраняет «женский» характер (например, парикмахер-визажист, медсестра, модельер). В целом девушкам ближе и педагогическая деятельность: и преподаватель вуза, и учитель средней школы ими оцениваются выше, чем юношами.

Что касается последних, то «мужские» виды деятельности, которые в целом, традиционно более близки юношам, чем девушкам, на шкале привлекательности располагаются не выше середины, а в основном, в нижней половине списка привлекательности. Это, как правило, относится к рабочим, но квалифицированным, видам деятельности с физической компонентой (машинист, шофер), к техническим профессиям среднего уровня (автомеханик, радиотехник), а также к высококвалифицированным техническим профессиям (инженер, летчик).

Фактор социального происхождения: родители и дети

В целом мы можем сказать, что шкалы оценок привлекательности, получаемые при опросах выпускников школ, принципиально не отличаются от рейтингов престижности профессий, которые, например, получают при опросах взрослого населения (без разбивки на возрастные когорты) социологические центры, такие как ВЦИОМ, Левада-центр, ФОМ. Исследователи приходят к выводу, что статусный порядок в России схож со статусным порядком в европейских странах, а расхождения незначительны. «С завидным постоянством — пишет А. Бессуднов — эти шкалы также показывают, что профессии умственного труда располагаются выше профессий физического труда,

а профессии, которые предполагают и умственный, и физический труд оказываются в середине»¹⁰¹. Независимо от методики проводимых опросов все исследовательские центры сходятся на том, что «наиболее престижными сегодня признаются юристы, экономисты, врачи. В десятку самых престижных профессий также входят банкиры, государственные служащие, менеджеры, предприниматели, программисты, нефтяники. Далее следуют рабочие профессии, учителя, военнослужащие, инженеры, и так далее»¹⁰².

Соответственно, исследователи на основе изучения глобальных иерархий престижа, приходят к выводу, что «различия в методических подходах к изучению престижа не особо ограничивают возможности сравнения, поскольку глобальные иерархии в своей конфигурации почти не зависят от социального слоя, возраста, пола, местожительства и мало меняются с течением времени. Такая стабильность во времени и схожесть шкал склоняет к предположению, что проблематика престижа профессий себя практически исчерпала»¹⁰³.

Сходство шкал оценок привлекательности (или престижа) профессий у «взрослых» и «детей» подтверждает, что семья, родители являются той базовой, ближайшей социальной средой, теми основными субъектами, которые определяют не только сам выбор профессии, реализацию этого выбора, но и ее привлекательность как основу выбора. Во многом оценки привлекательности профессий, которые выставляет поколение детей, есть эманация того, как оценивается престиж, привлекательность профессий поколением взрослых (условно называемых нами «родителями»). В конечном счете, все характеристики, которые мы принимаем во внимание при изучении факторов, дифференцирующих оценки привлекательности 16-17-летнего выпускника средней школы, носят аскриптивный характер, т.е.

¹⁰¹ См. *Бессуднов А.Р.* Социально-профессиональный статус в современной России. Указ. соч. С. 101,112. Автор приходит к выводу, что статусный порядок в России схож со статусным порядком в европейских странах, а расхождения незначительны.

¹⁰² Исследование ВЦИОМ: Рейтинг престижных и доходных профессий среди россиян в 2012 году [online]. Дата обращения 15.09.2013. URL:<<http://gtmarket.ru/news/2012/10/01/5014>>.

¹⁰³ *Domanski H.* Prestiz. Op. cit. P. 82-83.

обусловлены социальными характеристиками, присущими выпускнику от рождения и данные ему семьей (исходная классовая принадлежность, социальное положение родителей, исходное местожительства, пол). Безусловно, сближают представления родителей и детей и те предпочтения, которые формируются молодежной средой, и которые дети привносят в семью, а также более общие факторы влияния на тех и других.

Тем не менее, в школьном возрасте, на этапе завершения среднего образования влияние семьи остается всеобъемлющим, при этом, чем шире социальные связи родительской семьи, чем выше ее профессиональный и образовательный статус, культурный капитал, тем обширнее и разнообразнее та информация, которую семья имеет возможность передавать своим детям о различных профессиональных позициях, воздействуя на их вкусы и формируя предпочтения в мире профессий. Об этом важном обстоятельстве, о так называемом горячем знании («hot knowledge») писал Стивен Болл (*Stephen Ball*), исследуя механизмы выбора профессии детьми-выходцами из разных социальных слоев. Дети родителей, принадлежащих к среднему классу и самым естественным образом, и в силу обширных социальных сетей семьи (дружеские контакты, знакомые, родственники родителей, которые занимают продвинутое профессиональные позиции, а также их дети, которые учатся в особых, привлекательных учебных заведениях), имеют возможность непосредственно «подглядывать» условия деятельности, условия труда, узнавать конкретные виды деятельности и профессиональные формы, которые кроются за такими обобщенными терминами как «юрист», «экономист», «архитектор», «врач». Они знают, какие специальности входят в эти обобщенные названия, и каких усилий требует их приобретение, знают не понаслышке о трудностях, препятствиях (со слов родителей, знакомых или коллег отца по работе), из чего конкретно состоит работа или карьера в данной профессии. Что касается выходцев из рабочей среды, которые не имеют столь непосредственного доступа в мир профессий среднего класса, то они такой информацией не располагают, обладая лишь достаточно смутными представлениями о характере профессий, которые их

привлекают (узнавая их в основном через СМИ, рекламу и т.п.); столь же неопределенны представления детей из рабочей среды о путях доступа к ним¹⁰⁴. Между тем, социальные различия в доступности и объеме «hot knowledge», которые во многом определяют образовательные и профессиональные стратегии выпускников, собственно выбор профессии, а также, и в основном, пути реализации этого выбора, на уровне оценок привлекательности различных профессий значимой роли не играют. Можно сказать, что во многом единые для всех профессиональные предпочтения выступают консолидирующим фактором в условиях социальной разрозненности.

По данным, полученным при опросе 2013 года, некоторую разницу можно увидеть в том, что дети, чьи родители занимают высокие социальные позиции, ставят рабочим специальностям оценки немного более низкие, тогда как дети из менее успешных семей к таким занятиям относятся чуть более лояльно. Например, маляр, штукатур, строитель оцениваются максимально низко выходцами из семей руководителей разного уровня (менее 3-х баллов), а детьми из семей специалистов, а также из рабочих семей, несколько выше (чуть более 3-х баллов). Однако никаких существенных закономерностей выявить не удастся. Так, например, врача оценивают одинаково и те, и другие, и третьи, то же относительно и бизнесмена, и токаря.

Можно сказать, что наблюдаемое единодушие в определении привлекательных профессий, при том, что реальные образовательно-профессиональные траектории остаются во многом сословно детерминированными, может свидетельствовать о наличии для выходцев из малоресурсных слоев существенных разрывов между привлекательным, желаемым и возможным.

Говоря о внешней схожести рейтингов привлекательности профессий, нельзя не отметить и определенное содержательное, смысловое различие в позициях «родителей» и «детей». Так, по упомянутым опросам Левада-центра,

¹⁰⁴ *Stephen Ball*. *Classes strategies and the educational market. The middle classe and social advantage/ Routledge Farmer, London, 2003.* [online]. Дата обращения 14.08.2014. URL: <<http://www.youtube.com/watch?v=81LxlNlujBM>>.

на оценки престижа повлиял кризис 2008 года, который, подорвал доверие к частному сектору, и, соответственно, его представителям, и несколько повысил привлекательность бюджетной сферы и, в частности, рабочих профессий. В этом смысле, в отличие от «родителей», отреагировавших на изменения рыночной конъюнктуры, наши «дети» такой оперативности не обнаружили, их ответ на финансово-экономический кризис выразился, если можно так сказать, в общем отстранении от темы привлекательности профессий в целом.

К выводам

Проведенный анализ показал, что высшее образование, открывая путь к высококвалифицированным видам деятельности, умственному труду, есть неспоримая и всеобщая составляющая высокого престижа профессии: верхние ступени иерархической лестницы привлекательности всегда занимали и продолжают занимать специальности с высоким образовательным цензом, подтверждая, что позиции интеллигентных профессий остаются очень сильными. Если исходить из того, что сопричастность таким видам профессиональной деятельности включается в набор признаков, характеризующих принадлежность к среднему классу, то возможно предположить, что симпатии выпускников средних школ, безусловно и устойчиво, тяготеют именно к этому сословию. Особняком в этом лидирующем блоке выглядит позиция бизнесмена, который также может быть отнесен к среднему классу: несмотря на то, что критерии его профессионализма не имеют четких признаков, финансовая, экономическая составляющие этой деятельности остаются вожделенными, суля материальное благосостояние и независимость от государственного патернализма. Одновременно опрос 2013 года, подтверждая результаты предыдущих исследований, фиксирует размежевание лидирующих профессий по степени их привлекательности. Существенно больше привлекают те традиционные виды высококвалифицированного умственного труда, которые успешно вписались в контекст рыночной экономики, тогда как профессии, слабо инкорпорированные в новую тру-

довую, рыночную культуру, сохраняющие «бюджетный» характер, потеряли в привлекательности. Свидетельством тому служат, например, низкая привлекательность научной сферы деятельности, педагогических профессий, далеко отстающих от лидирующего блока.

Содержание блока профессий среднего уровня привлекательности указывает на то, что развивается и другая тенденция. Она заключается в том, что по мере формирования новых потребностей и структуры рынка труда, растет разнообразие таких занятий, которые в представлениях молодых могут обеспечивать основные их запросы (во всех смыслах — и с точки зрения материальной, и с точки зрения творческой компоненты, например, специальности среднего уровня в сфере компьютерных технологий и информационных услуг, сфере культурных услуг). Эти профессии относятся к новым (или обновленным) видам деятельности, в основном, во внебюджетной сфере, которые в силу их новизны на отечественном рынке труда гораздо менее четко очерчены с точки зрения профессионализма (установленный объем специфических знаний с обязательной их сертификацией). В связи с этим трансформируется смысл образовательных стратегий: если и требуется диплом о высшем образовании, то не столько для того, чтобы подтвердить наличие определенного количества и качества специальных знаний по определенной профессии, сколько для подтверждения легитимности держателя диплома как «специалиста», получившего опыт интеллектуальной, культурной коммуникационной деятельности в течение лет, проведенных в стенах учебного заведения. Такая мотивация влечет и снижение интереса к профессиям как таковым.

Стабильно устойчивая низкая привлекательность рабочих и сельскохозяйственных видов деятельности свидетельствует, что сама по себе безусловная значимость и никем не оспариваемая необходимость такого труда для жизнеобеспечения как индивида, так и общества в целом, — качество, недостаточное для обеспечения его привлекательности. Можно говорить о социальном снобизме современной молодежи (и не только молодежи, а современных обществ в целом), а можно говорить о том, что в этом упорном

неприятии заложены предпосылки для последовательного вымывания таких видов деятельности, которые строятся на тяжелом, рутинном, физическом, неквалифицированном труде. Молодое поколение в своих предпочтениях продолжает настаивать на профессиях экономистов и юристов, на квалифицированном, умственном труде, подтверждая, тем самым, ориентацию на модернизацию и интеллектуализацию, как единственно возможные гаранты общественного прогресса.

Анализ полученных в 2013 году данных и сравнение их с данными предыдущих опросов показал, что если рейтинг (по рангам) привлекательности профессий стабильно сохраняется, то нарастают настроения индифферентности в отношении оценок профессий как таковых, что выразилось в глобально сниженных оценках (по баллам) привлекательности всех профессий. Нет резкого падения привлекательности «перегретых» на рынке труда профессий, но нет и роста привлекательности видов деятельности, связанных с бюджетной сферой, что характеризует сдвиги в отношении престижа профессий у взрослого населения, отреагировавшего на кризис 2008 года. Различия между тем, как видит мир профессий молодое поколение и поколение родителей, определяются, в основном, тем, что если родительское поколение уже совершило свои выборы, так или иначе реализовало свои предпочтения и более великодушно в отношении непрестижных видов деятельности, то молодежь находится в прожективной ситуации, что делает ее более осмотрительной и осторожной

Зафиксированный исследованием вывод о росте индифферентности в оценках привлекательности профессий в рамках предложенного списка имеет многозначную интерпретацию. Есть основания говорить о том, что сниженные баллы, характеризующие оценки привлекательности всех профессий, зафиксированные исследованием 2013 года, есть ответ молодого поколения на новые риски сформированные кризисом 2008 года, еще более усилившие неопределенность и непредсказуемость профессионального — и не только — будущего современной молодежи. Одновременно можно говорить и о том, что современные тенденции развития мира предлагают столь широкий спектр моделей

самоутверждения и самореализации, (соблазнительных, быстрых, хотя, возможно, и тупиковых в дальнейшем развитии жизненных траекторий), всевозможных способов существования, видов занятий, заполняющих жизнь и лежащих вне сфер строгой профессионализации, что более насущным, чем вопрос «кем быть» становится вопрос «что делать?»

Необходимо учитывать и тот факт, что новые поколения входят в жизнь в радикально меняющемся мире профессий, в контексте развития IT-культуры, этом мощном институте профессионализации, который сегодня успешно соперничает с влиянием не только родительской семьи, но и ведущих образовательно-воспитательных институтов. Все разновидности такого рода специалистов (IT-специалист, программист-тестировщик, UX-специалист, интернет-маркетолог, интернет-аналитик, и пр.) объединяет одно — принадлежность к миру высоких технологий, интернет-культуре, программированию, то есть к миру, который наши традиционные списки профессий не отражают, ограничившись лишь профессией программиста, которая устойчиво входит в первую десятку. Можно говорить о том, что принципиально устаревают сам список профессии, он не схватывает новых смыслов профессиональных предпочтений и образовательных стратегий современной молодежи, оканчивающей средние школы. Явно складывается мир новых специальностей и новых критериев привлекательности, но они остаются на обочине наших опросов, обремененных необходимостью сравнительного анализа. Собственно говоря, все эти утверждения, вытекающие из нашего исследования, свидетельствуют о появлении новых смыслов в жизненных (образовательных, профессиональных) стратегиях молодежи, вступающей в жизнь в принципиально изменившемся мире, изучение которых требует разработки новых научных подходов, новых исследовательских методик.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Таблица А

Динамические ряды средних оценок привлекательности профессий (оценки в баллах, ранжированы по опросу 2004 года)

Профессия	Год обследования					
	1963	1983	1994	1998	2004	2013
Бизнесмен	–	–	8,43	8,3	8,31	7,8
Банковский работник	–	–	8,39	8,09	8,24	6,5
Юрист	–	7,35	8,92	8,65	7,71	6,5
Программист			7,3	7,46	7,05	5,8
Врач	7,11	7,16	7,18	6,19	5,95	6,0
Журналист	–	6,31	6,56	6,46	6,56	5,9
Бухгалтер	2,38	3,65	6,51	5,95	6,56	5,4
Инженер	–	–	5,75	5,98	6,24	5,9
Офицер, военный	–	7,45	5,94	5,59	5,45	5,8
Экономист	–	4,69	7,51	6,87	6,94	5,8
Дизайнер	–	–	–	–		5,5
Полицейский	–	7,25	4,98	4,92	4,97	5,5
Научный работник	–	–	–	–	6,31	5,3
Преподаватель вуза	6,89	6,27	6,49	5,87	5,43	5,0
Секретарь–референт	–	–	7,33	7,13	5,9	5,0
Машинист на транспорте	4,06	5,05	3,6	3,23	3,73	3,9
Медсестра	–	5,24	3,99	3,84	3,7	3,9
Автомеханик	–	–	4,7	4,27	4,46	3,7
Продавец	2,62	4,88	5,42	4,62	4,26	3,5
Радиотехник	7,57	6,2	4,9	4,25	3,99	3,5
Учитель	6,23	5,83	5,32	4,22	3,45	3,5
Шофёр	5,55	6,6	5,35	4,37	3,86	3,4
Агроном	4,35	5,08	4,16	3,58	3,67	3,3
Маляр, штукатур	3,78	3,54	–	2,96	2,98	3,3
Фермер	–	–	6,09	–	2,85	2,8
Тракторист	4,26	4,36	2,98	2,36	2,4	2,3
Доярка	–	–	2,6	2,1	1,95	–

Окончание табл. А

Профессия	Год обследования					
	1963	1983	1994	1998	2004	2013
Канторский служащий	–	3,15	–	4,14	4,39	–
Металлург	–	5,09	3,54	3,23	3,98	–
Монтажник–строитель	–	–	3,41	3,5	4,01	–
Наладчик	–	–	3,74	3,51	3,49	–
Оператор ЭВМ	–	–	–	–	6,38	–
Официант	–	3,38	4,01	3,87	3,87	–
Переводчик	–	–	8,09	7,8	7,19	–
Повар	–	4,86	4,55	4,25	4,43	–
Рабочий					3,15	
Электрик			4,05	3,61	3,45	

Таблица В

Оценки привлекательности в зависимости от типа поселения респондента, средние баллы, 2013

NN	Род занятий	Новосибирск	Поселок, село
1	Бизнесмен	7,70	8,13
2	Банковский работник	6,13	7,31
3	Юрист	6,48	7,20
4	Госслужащий	6,37	6,76
5	Врач	5,9	5,94
6	Журналист	6,0	5,98
7	Инженер	5,72	5,95
8	Программист	5,56	6,15
9	Экономист	5,81	5,94
10	Офицер.	5,44	6,0
11	Легчик	5,43	5,47
12	Полицейский	5,18	5,93
13	Дизайнер, стилист	5,42	5,59
14	Бухгалтер	5,12	5,71
15	Научный работник, ученый	5,07	5,44
16	Преподаватель вуза	4,74	5,15

Окончание табл. В

NN	Род занятий	Новосибирск	Поселок, село
17	Секретарь–референт, администратор офиса	4,67	5,49
18	Машинист поезда	3,66	4,29
19	Медсестра	3,77	3,84
20	Автомеханик	3,46	3,80
21	Продавец	3,37	3,46
22	Радиотехник	3,47	3,48
23	Учитель	3,12	3,80
24	Шофер	3,14	3,91
25	Агроном	2,87	3,72
26	Маляр, штукатур, строитель	3,07	3,75
27	Токарь	2,81	3,21
28	Фермер	2,67	2,96
29	Тракторист	2,20	2,51

Таблица С

Оценки привлекательности профессий в зависимости от дохода семьи, 2004

Профессия/ Доход	Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
Агроном	4,47	3,61	3,61	3,59	2,73
Бизнесмен	8,51	7,99	8,23	8,61	9,12
Врач	6,42	5,88	6,09	5,56	3,81
Медсестра	4,65	3,81	3,74	3,26	2,31
Маляр	3,63	2,93	3,01	2,72	2,13
Монтажник-строитель	4,19	3,67	4,08	4,07	2,50
Научный работник	7,25	5,74	6,48	5,75	5,38
Программист	7,24	7,17	7,10	6,94	4,81
Продавец	4,98	4,22	4,26	4,19	2,69
Секретарь-референт	6,50	6,33	5,85	5,71	4,38
Социолог	6,40	6,26	5,93	5,85	4,19

ПРИЛОЖЕНИЕ II

В Приложении II предлагаются дополнительные материалы к вышеизложенному в главе 4. В графическом виде представлена динамика оценок привлекательности ряда «ключевых» профессий выпускниками средних школ разных поколений — по опросам 1963, 1983, 1994, 1989, 2004, 2013 гг. Рисунки сопровождаются авторскими комментариями.

Динамика и характер изменений в оценках выпускников средних школ разных поколений

Ограничимся рассмотрением динамики оценок привлекательности тех основных профессий, которые сохраняли свои наименования и присутствовали во всех списках, а также нескольких новых наименований, введенных в последние опросы (1998, 2004 и 2013 гг.). Среди них профессии, представляющие сегодня все ступени иерархической шкалы привлекательности: профессии высококвалифицированного умственного труда; профессии или виды деятельности среднего уровня квалификации, а также квалифицированного и низко квалифицированного физического труда.

При интерпретации динамики оценок привлекательности в баллах, мы учитываем также и ранги профессий, иерархично выстроенные в соответствии со средними оценками профессий. Особенно учет рангов важен при интерпретации шкалы оценок привлекательности, полученной в 2013 году, которая характеризуется общим понижением средних оценок в баллах всех профессий, что в большинстве случаев не влечет за собой изменения ранга оценки профессии на этой шкале.

Профессии, требующие высокой квалификации

К представителям профессий, которые в англосаксонской традиции называют *professionals*, а согласно французской классификации *professions liberales*, как правило, относятся такие профессионалы как врач, юрист, инженер, архитектор, которые представляются как образцы настоящих, «полных» профессий, как особые виды высококвалифицированной деятельности, отличающейся от всех остальных тем, что их приобретение дает, по выражению П. Бурдьё, звание: «Получение профессии, дающей звание (*titre*), все более тесно связано с обладанием диплома определенного типа. Здесь связь между типом диплома и вознаграждением за труд очень тесная (заметим, что это положение

в нашей ситуации не столь очевидно — Е.В.) в отличие от того, что можно наблюдать в случае профессий, не имеющих звания, когда агенты, выполняющие ту же работу, могут иметь самые разные дипломы»¹⁰⁵. Таким образом, главное отличие этих профессий — обязательное и специализированное высшее образование, удостоверенное дипломом, наличие которого открывает доступ в поле данной профессиональной деятельности. Кроме того, сам генезис этих профессий строится на власти эксперта и, соответственно, на праве самостоятельно организованной практики, в том числе частной. Сразу отметим, что и на общероссийских, и на международных шкалах престижа профессий именно этот блок неизменно занимает лидирующие места.

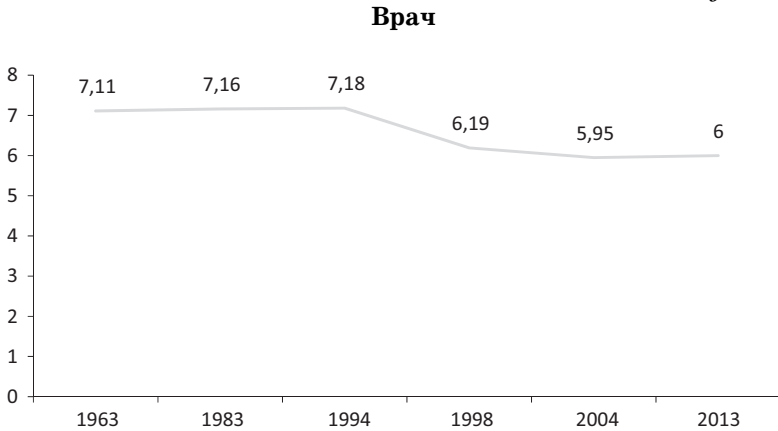
***Врач — высококвалифицированная
профессия здравоохранения***

Классическим образцом такого рода *profession liberale*, дающей звание, является профессия врача (см. рис. II.1). По результатам новосибирского опроса 1963 г., врачи (7,11 баллов) замыкали первую престижную десятку профессий. Пик их привлекательности пришелся на 1994 год, в последующие периоды оценки привлекательности этой профессии последовательно соскальзывали вниз, хотя не очень заметно: в 1983 г. оценка врача держалась на 5 месте. В 1998 г. врач был оценен в 6,19, в 2004 г. — в 5,95 баллов. Так профессия врача ушла из группы самых привлекательных, сохраняя, правда, стабильную позицию в верхней половине шкалы привлекательности.

Если сравнить эти результаты с данными зарубежных опросов населения, то мы увидим, что во всех странах профессия врача устойчиво лидирует, и хотя, например, по польским данным, она также со временем несколько теряет в престижности, однако стабильно сохраняет третье место на шкале престижа (92 балла в 1958 году по 100-бальной шкале и 86 баллов — в 1996 г).

Сохраняет свой престиж эта профессия и по данным российских опросов ВЦИОМа, проводимых по общенациональной выборке среди населения в целом: врач оценивается высоко, он лидирует, занимая второе место в первой десятке топ-профессий. Показательно, что одновременно, по данным же ВЦИОМа, по доходности врач занимает более скромное место, означая, что в отношении такой общественно значимой профессии врача, связь

¹⁰⁵ Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов» / Социология социального пространства. Указ. соч. С. 48.

между престижностью и доходностью не так очевидна, как представляется¹⁰⁶.

Важное отличие шкал престижа, представляемых школьниками и взрослым населением в целом, состоит в том, что «взрослые», как отмечалось выше, оценивают привлекательность профессий, практически реализовав свой профессиональный выбор, и в этом смысле они более свободны и щедры в оценках других профессий, тем более таких, которые безусловны с точки зрения их гуманистической, общественной значимости. Так, по данным опроса Левады-Центра 2012 года, отвечая на вопрос «Представителей каких профессий вы более всего уважаете?», респонденты на первое место поставили врача¹⁰⁷. По сведениям ФОМ, каждый третий, у кого есть дочь или внучка, хочет, чтобы она стала врачом. И каждый восьмой, у кого есть сын или внук, — тоже. В обеих этих группах медик — специальность № 1¹⁰⁸.

¹⁰⁶ «Представителей каких профессий Вы более всего уважаете, а каких менее всего?» Общественное мнение — 2012. М.: Левада-Центр, 2012. [online]. Дата обращения 15.07.2013. URL: <<http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie>>.

¹⁰⁷ Главные профессии по мнению жителей России. Общественное мнение — 2013. М.: Левада-Центр, 2013. [online]. Дата обращения 04.07.2014. URL: <<http://www.levada.ru/04-07-2013/glavnye-professii-ro-mneniyu-zhitelei-rossii>>.

¹⁰⁸ Работа и дом. О профессиях популярных и нужных. ФОМнибус — репрезентативный опрос населения от 18 лет и старше, 2012 [online]. Дата обращения 13.07.2013. URL: <<http://fom.ru/Rabota-i-dom/10942>>.

С чем можно связать сниженную привлекательность врача по оценкам наших выпускников средних школ? Возможно, в глазах молодежи ограничителем (но одновременно и определенным гарантом) привлекательности этой профессии может выступать ее труднодоступность, связанная со сложностью и объемом необходимых компетенций, получением специального, особого диплома врача как пропуска, обеспечивающего вхождение в поле врачебной деятельности. То есть такого рода высокопрофессиональный диплом, подтверждающий звание врача, именно в силу своей селективности не имеет особенно широкого хождения в поле профессиональной деятельности. Приобретение этой профессии связано с получением сложного, затратного и продолжительного по времени медицинского образования. Кроме того, профессия относится к тем видам деятельности, которые предполагают наличие особых склонностей, призвания, что само по себе в определенной степени предопределяет ее селективный характер.

В целом же, на фоне возникновения и распространения более доходных видов деятельности, не требующих вдобавок столь затратного (не только в денежном выражении) обучения, эти высококвалифицированные интеллигентные профессии существенно «проиграли» в привлекательности. Неслучайно падение (относительное) привлекательности врача особенно выразительно зафиксировано последними по времени опросами, когда в список профессий был введен ряд новых наименований.

Тем не менее, динамика оценок показывает, что при постоянном снижении привлекательности профессии врача у молодёжи, ее рейтинг все же держится в рамках профессий выше средней привлекательности, и можно утверждать, что он никогда не опустится ниже. Неслучайно по последним данным 2013 года снижение оценки привлекательности врача затормозилось, и эта профессия имеет тенденцию к повышению своего рейтинга, являясь одной из немногих профессий, не снизивших за период 2004-2013 гг. свой имидж. Срабатывает именно экспертная власть профессионала, харизма профессии, безусловность ее значимости для жизнедеятельности человека и общества в целом. Престиж этой традиционной профессии — это тот остаток, который сохраняется после вычета всем известного нынешнего положения врачей, критического отношения со стороны населения к системе здравоохранения в ее нынешнем виде, к коррупции в медицинском образовании, так и недоверия к новой для нас частной практике медиков.

Не менее характерная динамика наблюдается в отношении другой профессии здравоохранения — профессии среднего уровня квалификации — медсестры. Ни в один из опросов она не под-

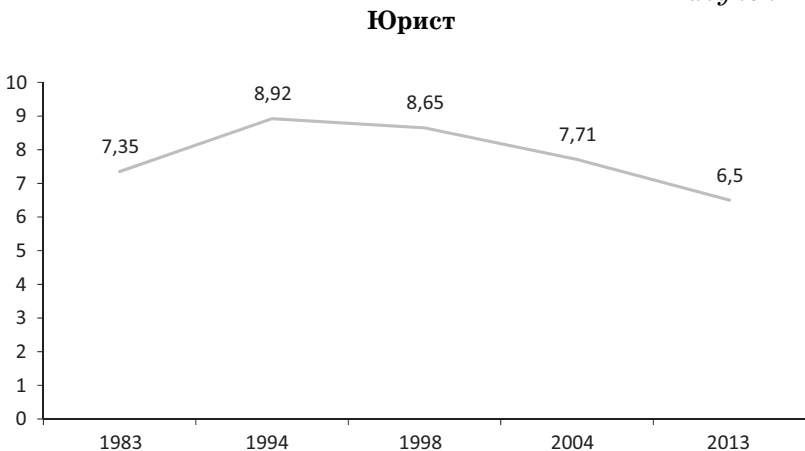
нималась, естественно, до уровня врача, однако в промежутке между 2004 и 2013 гг. снижение привлекательности прекратилось, оценка ее стабилизировалась, что можно сказать далеко не обо всех профессиях.

Правовая сфера деятельности: юрист

В блоке интеллигентных профессий высококвалифицированного труда наиболее высокую оценку получает юрист (см. рис. II.2). По уровню привлекательности юрист выпадает из группы родственных ему professionals, скорее он смыкается с блоком «супер» привлекательных видов деятельности, которые были представлены в 1994 г. триадой «юрист-бизнесмен-банковский работник»; в 1998 г. — группой «юрист — программист — бизнесмен — банковский работник»; в 2004 г. и в 2013 гг. блоком «бизнесмен — банковский работник — юрист».

Судя по близости позиций юриста и бизнесмена, можно предположить, что в представлении молодых образ юриста, скорее всего, ассоциируется с финансовой состоятельностью. То, что отличает эти два вида деятельности друг от друга, видимо, и есть то, что делает их постоянно конкурирующими друг с другом на шкале привлекательности: разграничение между этими позициями проходит на уровне их профессионализма, строго детерминированного в случае юриста (им можно стать только при наличии диплома о соответствующем образовании), и гораздо более размытой — у бизнесмена. Очевидна также высокая

Рисунок II.2

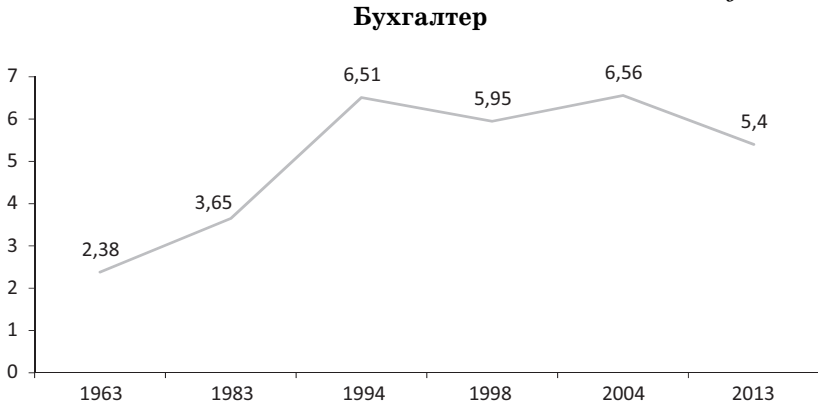
востребованность профессии на рынке труда в связи с общим ростом и усложнением правовых аспектов современной жизни в целом, связанными с развитием частного сектора, предпринимательства в широком смысле этого слова, и соответственно, с разгосударствлением. Между тем на протяжении последних лет привлекательность этого вида деятельности снижается, и в 2013 году она получает всего 6,5 баллов. Хотя это снижение не выводит профессию за пределы верхней половины шкалы, несмотря на столь распространенные утверждения о перепроизводстве юристов. Представляется, что такое упорство молодых неслучайно. Важную роль в формировании привлекательного имиджа профессии играет относительная доступность получения юридического образования, как и в случае экономического, психологического или других малозатратных видов образования, на предоставление которых успешно перепрофилировались многие профессиональные учебные заведения разного уровня. Кроме того, и это особенно важно подчеркнуть, устойчивая привлекательность этой профессии свидетельствует о преоцущении молодым поколением поступательного развития общества, правовая сторона жизни которого должна и будет только шириться, и спрос на юристов в таком случае будет только расти.

***Финансово-экономическая сфера деятельности: экономист,
бухгалтер, бизнесмен***

В силу разнообразного использования экономического образования, между экономистом и бухгалтером существует определенная преемственность, и динамика повышения привлекательности профессии бухгалтера и практического приложения этого образования у них совпадают. Рост привлекательности профессии бухгалтера, этой профессии умственного труда среднего уровня квалификации — эффект его востребованности в контексте рыночной экономики, по мере развития негосударственного сектора, частного предпринимательства, мелкого, среднего и крупного бизнеса, когда при образовании юридического лица любого калибра, позиция бухгалтера становится безусловно необходимой (см. рис. II.3).

Одновременно высока доступность экономического образования (что значимо для наших выпускников, хотя они в этом могут и не признаваться): оно может быть получено во множестве учебных заведений разного уровня, как высшего, так и среднего специального, и даже начального профессионального. Образование недорогое и малозатратное, на которое перепрофилировались многие учебные заведения, филиалы, ССУзы и даже

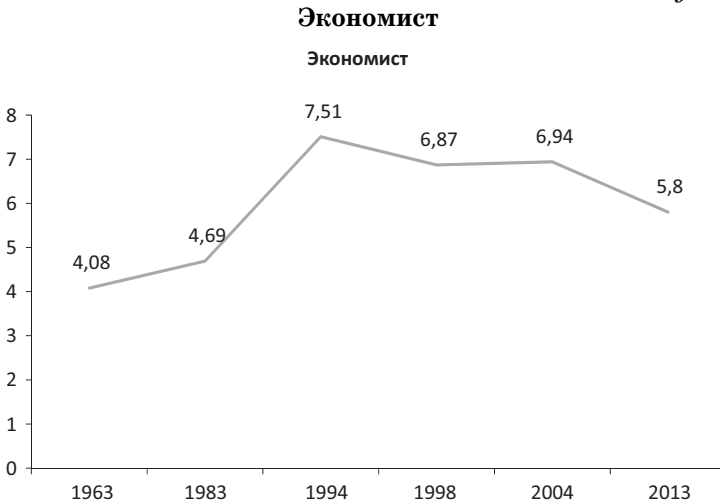
Рисунок II.3

ПУ. Безусловно, бухгалтер с престижным дипломом высшего образования и бухгалтер, получивший эту специальность в ССУЗе, должны иметь разный уровень привлекательности, что и следовало бы учесть при составлении списков профессий в дальнейшем. К 2013 году оценка привлекательности этого вида деятельности снизилась, но не настолько, чтобы говорить о значимом падении. Как и в отношении юриста, сохраняется коллективное ощущение необходимости этой профессии в обществе, ориентированном — хотя бы в молодежном его секторе — на развитие и модернизацию.

Анализ динамики привлекательности профессии экономиста (см. рис. II.4) затруднен в силу того, что в разных списках разных лет его наименования менялись вслед за содержательными изменениями этого вида деятельности, что само по себе показательно, ибо указывает на то, что имя профессии имеет немаловажное воздействие на имидж профессии, особенно в глазах молодых.

Как видим, на шкале 1963 года позиция «экономист, плановик» занимала весьма скромное место (4,08) баллов, несмотря на то, что в принципе она предполагает наличие специального образования, удостоверенного дипломом. В обследовании 1983 года профессия выступает под наименованием «ученый-экономист» и в качестве таковой серьезно отстает (5,46 баллов) от других разновидностей ученых (физиков, медиков, геологов и даже историков). В списке 1994 г. ученый-экономист превращается в «научного работника — экономиста», и привлекательность этой позиции резко взлетает — профессия попадает в первую десятку престижных профессий (7,46 баллов), при том, что остальные специальности научных работников на шкале привлекательно-

сти этого года оказываются существенно ниже. Это дает основания предположить, что в формуле «научный работник — экономист» особую привлекательность получила именно вторая часть наименования. Подтверждением тому служит тот факт, что, начиная с опроса 1998 года, когда экономист становится просто «экономистом», оценка его привлекательности сохраняет стабильно высокий рейтинг, однако в список топ-профессии он уже не попадает, хотя налицо его высокий образовательный ценз и достаточно высокая доступность в получении экономического образования. Экономист — понятие растяжимое и здесь может быть огромное количество специализаций. Как отмечает А. Бессуднов, в России большинство экономистов занимают позиции менеджеров низшего и среднего звена, то есть это такие занятия, которые в силу реального содержания деятельности, быстрого насыщения ими рынка труда, не представляют сегодня особенно заманчивых перспектив. Конечно, за исключением тех экономистов, которые выходят из стен ведущих, элитарных вузов страны и дальнего зарубежья и перед которыми открываются широкие карьерные перспективы.

Особенно выразительно падение привлекательности экономиста совершается на протяжении последнего десятилетия, к 2013 году он набирает всего 5,8 баллов. Такое же понижение отмечают и уже упомянутые опросы Левада-Центра. Такое распространенное мнение, бытующее в обществе, говорит о том, что произошло перепроизводство этих специалистов. То же самое

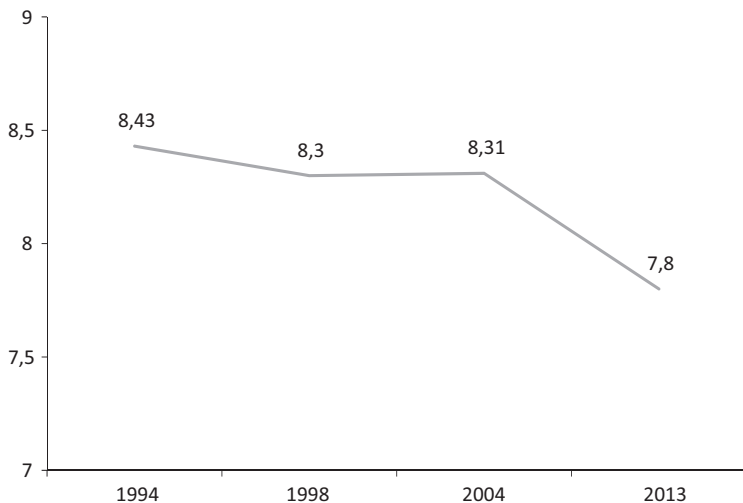
относится и к юристам. Между тем, как показывают опросы, эти профессии продолжают привлекать молодых, что становится поводом упрекать их (и шире — их родителей) в неспособности реально и оперативно оценивать складывающуюся ситуацию на рынке вакансий, в отсутствии стратегической интуиции.

Особого рассмотрения требует привлекательность профессии бизнесмена — этой фигуры, которая, с первого момента, когда в 1994 году она была включена в список профессий, предлагаемых для оценки, сразу же заняла вершину шкалы привлекательности (8,36 баллов) и по сей день сохраняет, с учетом всех трансформаций, культовый характер в глазах учащейся молодежи, и не только молодежи (см. рис. II.5).

С тех пор, как в 1994 г. этот вид деятельности был включен в список профессий, предлагаемых для оценки их привлекательности, фигура бизнесмена как собирательный образ успешного предпринимателя не сходит с вершины шкалы привлекательности профессий. Строго говоря, бизнесмен (или деловой человек, или коммерсант, или предприниматель) не имеет четко выраженных критериев, позволяющих причислить его к профессии в классическом ее понимании. В 1998 г. бизнесмен на третьем месте (7,49 баллов) после юриста и программиста. В 2004 г. он вновь на первом месте (8,31), вслед за ним следуют тот же юрист и банковский работник. Любопытно, что на высокий престиж

Рисунок II.5

Бизнесмен

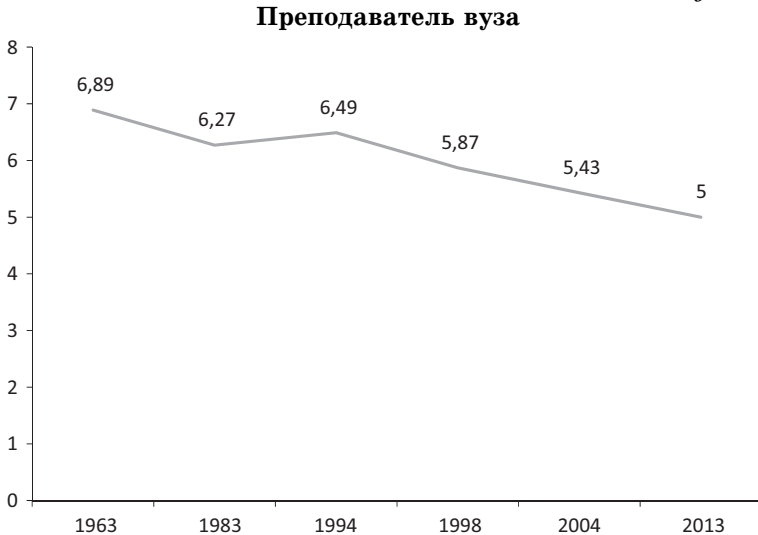

бизнесмена не влияют широко бытующие негативные характеристики бизнеса как такового, его коррумпированность, связываемые с ним хищения, обман, разворовывание государственных средств, преступность и т.п. Весь этот негатив (который чаще отмечают старшие поколения) перекрывается представлениями о бизнесмене как воплощении не только «красивой жизни», богатства, могущества, успешности, неограниченных возможностей потребления, но и — независимости, смелости, умения рисковать, трудолюбия и творческого подхода к делу, этих атрибутов эксклюзивности, без которых высокий престиж в глазах молодых обойтись не может. В представлении молодых достижение первого блока характеристик возможно с помощью второго блока качеств, которые вполне доступны, поскольку зависят от воли и инициативности самого человека, тем более что здесь на пути к успеху отсутствуют такие ограничители, сопутствующие professionals, как длительное, систематическое высшее образование и диплом в качестве пропуска на вход в данное поле деятельности.

***Педагогические профессии: преподаватель вуза,
учитель средней школы***

Как показывают исследования престижа профессий, безусловная связь привлекательности с высшим образованием, которого требуют профессии высококвалифицированного умственного труда, однако эта характеристика не является исчерпывающей при определении уровня привлекательности. Отношение учащейся молодежи к преподавательскому труду, с которым она находится по роду своей учебной деятельности в тесном контакте, намного более противоречиво (см. рис. II.6).

Особенно, если вместо определения специальности профессии (по типу преподаватель — историк, преподаватель-математик и т.п.) дается лишь наименование статуса выполняемой деятельности — «преподаватель вуза» или «учитель средней школы». Привлекательность «преподавателя вуза», на протяжении всех лет опросов сохраняет свою относительную привлекательность, занимая ведущую позицию в верхней половине шкалы, однако, никогда эта профессия не попадала в ведущую десятку, за исключением, пожалуй, первого опроса 1963 года (6,9 баллов). В дальнейшем от опроса к опросу средние оценки привлекательности постоянно, хотя и крайне постепенно, снижаются. И эта тенденция, как видим, продолжается и по сей день. С полной уверенностью можно сказать, что такое негативное отношение распространяется не только на преподавательскую, но и науч-

ную деятельность: в 2004 году «научный работник» получил 6,31 балл, в 2013 году его рейтинг снизился до 5,3 балла.

Такое отношение к профессии среди выпускников средних школ серьезно отличается от престижа этой профессии среди «взрослого» населения, как в России, так и за рубежом. В Польше, например, преподаватель университета стоит на вершине шкалы престижа. Как отмечает польский социолог Г. Доманьский, «это означает, что более всего мы [поляки — Е.В.] ценим знания и, вероятно, ум, сопутствующие науке в сочетании с интеллектом и широтой взглядов. Высшая позиция университетского преподавателя и — шире — людей науки, неизменно фиксируется всеми опросами, начиная с 1958 года, когда, собственно, и начались исследования престижа профессий, и такой результат не должен никого удивлять. Из него следует, что польское общество продолжает более всего уважать позиции, выполнение которых связано с высшим образованием и требует специфических профессиональных квалификаций, что является характерными признаками интеллигентных профессий»¹⁰⁹. Исследователь отмечает при этом, что доходность университетского преподавателя оценивается существенно ниже, чем его престиж, подтверждая то, что престиж является независимым параметром общественного признания.

¹⁰⁹ Domanski H. Prestiz. Op. cit. P.85

В российском контексте, как показало исследование Левада-центра, достаточно высоко оценивают преподавателя вуза молодые успешные россияне — срабатывает эффект, когда уже состоявшиеся в профессиональном и финансовом отношении люди могут выразить свой пиетет к безусловно достойным и во всех отношениях благородным занятиям, хотя и не приносящим в массе своей ощутимого материального вознаграждения. Еще более высоким престижем пользуется у «успешной» молодежи профессия ученого. Согласно результатам данного исследования, «в нашей науке работают «самые умные и талантливые» и «самые порядочные и совестливые» люди страны. Показатели по обеим этим позициям рекордные — соответственно 32% и 20% от общего числа опрошенных. Очень эффективно и соотношение уважение/неуважение — 44% к 1%¹¹⁰.

Между тем, реальное социально-экономическое положение этой профессии в российском обществе не вдохновляет родителей на то, чтобы склонять к ней своих детей. По данным ФОМ, «лишь каждый пятидесятый из тех, у кого есть дети или внуки, желает, чтобы они занялись научными изысканиями».¹¹¹

Тем не менее, несмотря на то, что привлекательность профессии преподавателя вуза среди российской молодежи далеко не самая высокая, все же она сохраняет определенную харизму, хотя положение ее в целом можно назвать критическим. Поскольку большинство выпускников средних школ ориентируется на получение высшего образования, эта профессия им, как будущим абитуриентам, должна быть небезразлична. Однако это интерес сугубо негативного свойства, и до уважения к интеллигентным профессиям, каким отличается, скажем, польское общество, им еще далеко.

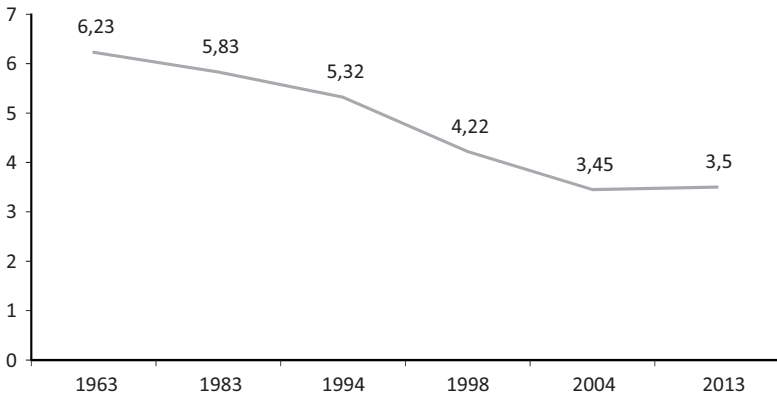
Привлекательность другой педагогической профессии — учителя средней школы, этой деятельности умственного труда среднего уровня квалификации, снижается от поколения к поколению. Пик привлекательности профессии учителя приходится на 1960-ые годы (6,23 балла). Но уже к 2004 году учитель средней школы занимает 43 ранг из 50-ти (3,45 баллов). Как видно на рис. II.7, за последнее десятилетие привлекательность этого

¹¹⁰ Представителей каких профессий Вы более всего уважаете, а каких менее всего?

Общественное мнение — 2012. М.: Левада-Центр, 2012. [online]. Дата обращения 15.07.2013. URL: <<http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie>>.

¹¹¹ Работа и дом. О профессиях популярных и нужных. ФОМнибус — репрезентативный опрос населения от 18 лет и старше, 2012. [online]. Дата обращения 13.07.2013. URL: <<http://fom.ru/Rabota-i-dom/10942>>.

Учитель средней школы

вида деятельности опустилась из группы профессий, обладающих средней привлекательностью, в группу наименее привлекательных, и не только потому, что сегодня стали особенно очевидны неудовлетворительные условия учительского труда.

Кризис профессии имеет и более глубинные причины, которые не могут быть решены только повышением доходов учителя. Эти причины связаны с формированием и расширением сферы информационных технологий, которые создают мощный, альтернативный источник информации, передачи новых знаний, социализации. Скорее всего дело в том, что для современных поколений учащейся молодежи, как полноценных потребителей этих новых источников информации, изменяется роль и место традиционной фигуры учителя, как монопольного держателя и источника знаний, тем более, новых. Безусловно, такое положение профессии учителя на шкале привлекательности связано с особенностью нашей выборки. В исследованиях ВЦИОМ, где опрашивается всё население России, а не только молодёжь, профессии учителя, равно, как и врача, получали достаточно высокие оценки. Что касается выпускников общеобразовательных учреждений, то можно предположить, что они не могут достаточно отстраненно оценить общественную значимость профессии учителя в силу «синдрома усталости», возникающего по причине слишком тесного соприкосновения с учительскими профессиями в течение всех лет учебы. Одновременно, столь низкая привлекательность профессии свидетельствует и о глубоком структурном

кризисе системы образования, и о кризисе, который переживает нынешнее поколение учительства в его традиционной форме. Одновременно, судя по данным 2013 года, падение привлекательности учителя, в представлениях молодых, по крайней мере затормозилось. Безусловно, это связано и с тем, что государство приняло ряд программ, направленных на улучшение положения учителя.

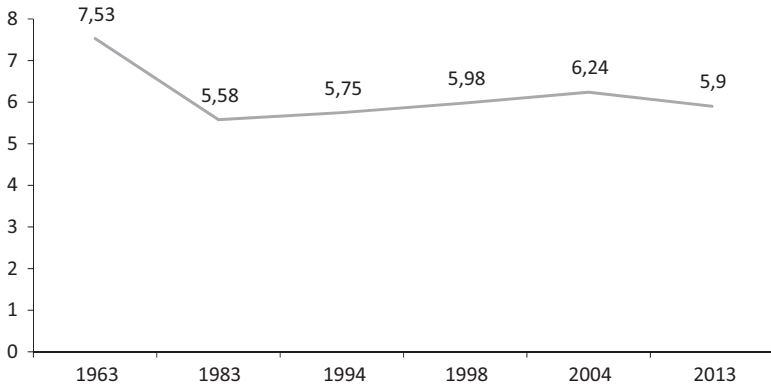
Технические профессии: инженер, радиотехник

Еще одна престижная в мире профессия инженера в нашей стране претерпела драматические трансформации: мощный инженерно-технический корпус 60-х годов постепенно терял признаки своей групповой идентификации и свои позиции на шкале привлекательности (см. рис. II.8).

Между тем, и в 60-ые годы престиж этой профессии не был безусловно высоким, и ее образ был несколько идеализирован. Так, по данным опроса 1963 г. оценка привлекательности инженера находилась в прямой зависимости от отрасли, которую он представлял: если «инженер-радиотехник» набирал 7,53 балла, действительно входя в десятку топ-профессий, то привлекательность «инженера-пищевика» в это же время составила всего 3,96 баллов. К 1983 г. постепенно все разновидности профессии инженера теряют свои высокие позиции, самую высокую оценку сохраняет инженер-геолог — 5,85 баллов. По причине неуклонного падения привлекательности инженерных профессий, в списке 1998 г. все они были сведены к агрегированному наименованию «инженер» (без указания отрасли), в результате оценка привлекательности если не возросла, то и не понизилась: в 1994 г. — 5,79 баллов, в 1998 г. 5,98 баллов. Профессия даже обнаружила некоторую тенденцию к повышению своей привлекательности: к 2004 г. средняя оценка профессии инженера поднялась до 6,24 баллов. Исходя из таких результатов, можно говорить о том, что этой высококвалифицированной профессии, как и профессии врача, удастся удерживать свои позиции в верхней половине шкалы привлекательности, сохраняя свою харизму.

Инженерное сообщество испытывает наибольшие трудности в восстановлении своего социального имиджа: срывает эффект перепроизводства этих специалистов в советские времена, процессы перестройки профессиональной группы на рыночные рельсы здесь менее выразительны, по сравнению с юристами или архитекторами. Наиболее очевидными для школьников и их родителей, а тем более для детей из инженерных семей, сегодня является невостребованность этой профессии на рынке

Инженер

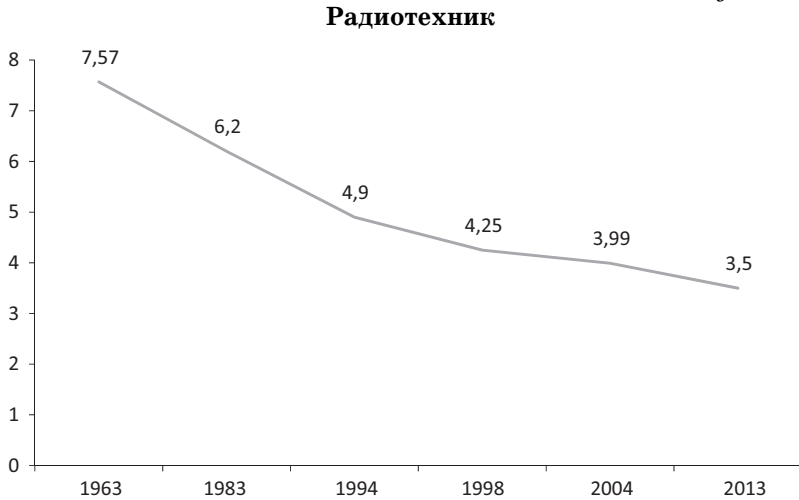

труда по ее прямому предназначению, низкий уровень доходов тех, кто остается в профессии, массовая миграция инженеров в другие, никак не связанные с работой по специальности сферы деятельности. Профессия инженера, сохраняющая тесные коннотации с промышленной сферой, слабо ассоциируется с частной, предпринимательской практикой, в отличие от тех же врачей, юристов или архитекторов.

Другая техническая профессия среднего уровня квалификации — профессия радиотехника — претерпевает не менее драматическое понижение своей привлекательности в глазах сменяющих друг друга поколений выпускников средних школ (см. рис. II.9).

Важно отметить, что в 1963 г. профессия радиотехника находилась на третьем месте от вершины шкалы привлекательности, то есть радиотехник, будучи работником среднего уровня квалификации, не уступал в привлекательности инженеру. Заметим кстати, что вершину привлекательности в том, первом опросе 1963 года занимал летчик, и потому идея об абсолютном приоритете профессий с высшим образованием, характерном для этой эпохи, требует более нюансированной трактовки. Хотя остальные десять мест в верхней части списка в опросе 1963 года заняли, действительно, всевозможные инженеры и всевозможные научные работники.

Последовательное снижение привлекательности профессии радиотехника связано, скорее всего, с тем, что этот специалист

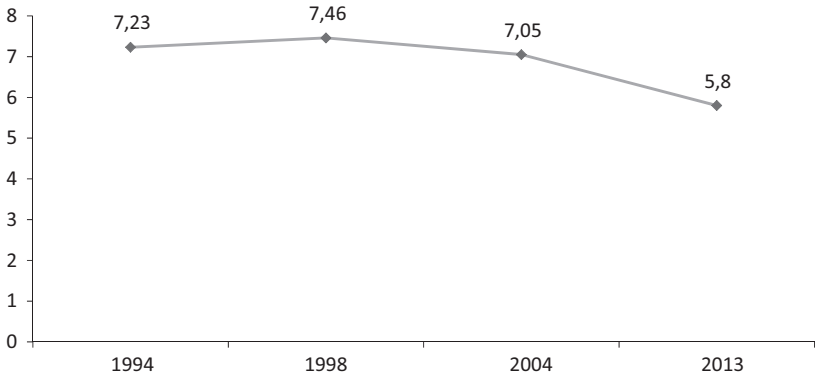

среднего уровня квалификации так или иначе остается связан с традиционными техническими видами деятельности, промышленным производством, которое для современной молодежи неуспешно теряет в привлекательности, тем более среди наших опрощенных, т.е. той ее части, которая в подавляющем большинстве ориентирована на получение высшего образования. В контексте формирования IT-культуры эта специальность уходит в прошлое вместе с индустриально-промышленной парадигмой развития общества. Снижение привлекательности профессии радиотехника без высшего образования обязано во многом невысокому образовательному цензу этого занятия, тогда как высшее образование ведущим фактором высокой привлекательности любого вида деятельности стало и остается высшее образование.

В целом обнаруживается следующая закономерность: те профессии, которые остались в массовом сознании связанными с индустриальным трудом, промышленным производством, сохраняющими признаки государственной, бюджетной сферы деятельности, в привлекательности теряют.

Профессии информатики: программист

Программист, эта новая для нашего традиционного списка профессии, которая впервые была введена в 1994 году, сразу получила высокую оценку (7,23 балла). Привлекательность этого вида деятельности остается высокой и в дальнейшем (1998 —

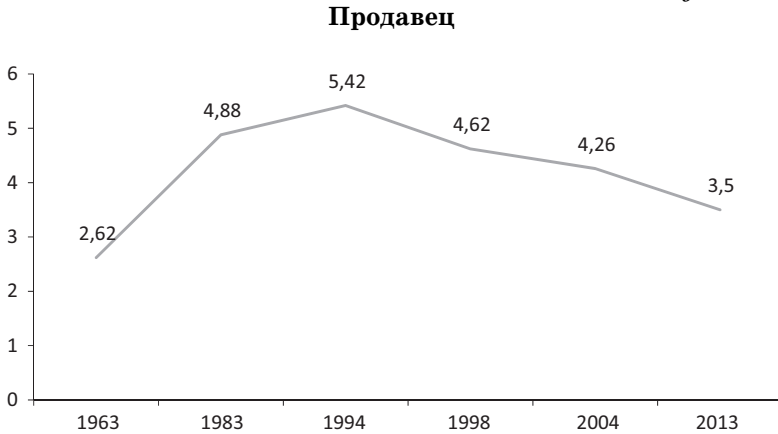
Программист

7,46), и в 2004 году она держалась еще на уровне первой десятки топ-профессий (7,05 баллов). Между тем, несмотря на то, что фигура программиста воплощает в себе сегодня формирующееся общество нового типа, она ни разу не поднялась на самую вершину шкалы, а к 2013 году в контексте всеобщего снижения баллов, набрала всего 5,8 баллов, хотя ее ранг остался прежним, т.е. она продолжает входить в десятку самых привлекательных занятий. Есть предположение, что вся тематика профессий, связанных с высокими технологиями, которые развиваются чрезвычайно быстрыми темпами, требует гораздо более детальной разработки, чем то обобщенное наименование, которое представлено в нынешнем списке профессий. Именно в этом секторе видов деятельности, как представляется, лежат основные узлы притяжения современной молодежи, что должно стать предметом отдельного анализа. Пока же можно сказать, что фактором, ограничивающим уровень привлекательности профессии программиста, является неочевидно высокий образовательный ценз для этого вида деятельности: диплом о высшем образовании необязателен.

Традиционные профессии сервиса

Одновременно с институционализацией частного сектора, когда торговля приобрела черты предпринимательской деятельности, профессия продавца, несмотря на невысокий образовательный ценз, совершила серьезную эволюцию от никак не

Рисунок II.11

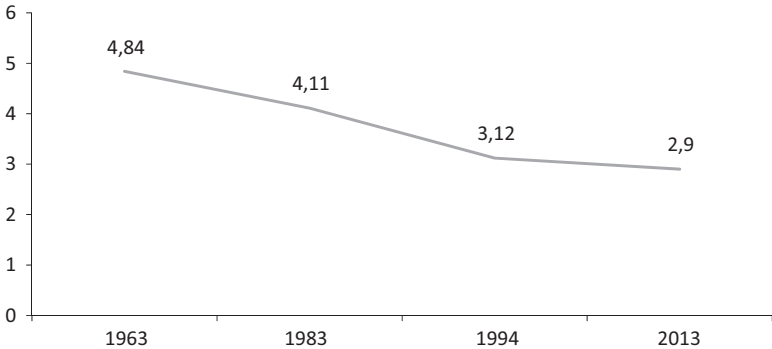

котирующегося «работника прилавка» в 1963 г. к профессии, входящей в блок высокопривлекательных профессий к 1983 г., когда «сработал» в существенной мере и тотальный товарный дефицит (см. рис. II.11). Рост привлекательности профессии продолжался до 1994 года, а затем стал медленно снижаться, не опускаясь, однако, до того низкого положения малопривлекательных занятий, которое профессия занимала в 1963 году, однако уже плотно к нему приближаясь (3,5 баллов в 2013 году). Можно было бы говорить о том, что те виды деятельности, которые не предполагают высшего образования, в последнее время резко теряют в привлекательности, если бы, как показывают данные 2013 года, снижение привлекательности не коснулось практически всех профессий, включая профессии умственного труда высокой квалификации.

Рабочие профессии

Привлекательность рабочих профессии среди выпускников средних школ во все времена не была высокой (см. рис. II.12), и уже в 1963 году — в эпоху безусловной идеологической гегемонии рабочего класса — эти виды деятельности занимают далеко не самую вершину шкалы привлекательности. Так, в списке 1963 года, в котором было представлено множество разновидностей рабочих профессий, самый высокий рейтинг получает рабочий — химик, занявший лишь 23 ранг (5,92 баллов). По данным опроса 1983 года было зафиксирован скачок привлекательности

Токарь

некоторых видов рабочих профессий, особенно непромышленных специальностей, однако этот скачок, который был связан со специфической ситуацией того периода¹¹², не удержался во времени. Теряют в привлекательности как рабочие профессии, связанные с промышленным трудом, так и непромышленные рабочие профессии, которые могли быть применены в сфере обслуживания или в индивидуальной трудовой деятельности, что мы видим, например, по динамике оценок привлекательности шофера (1963 г. — 5,5 баллов, 1983 г. — 6,6 баллов, а в последние годы идет неуклонное снижение оценок до 3,4 баллов в 2013 году).

Если раньше опросы фиксировали несколько более высокие оценки привлекательности рабочих профессий, то скорее из-за в целом ограниченного поля профессиональных выборов. Как только стал интенсивно развиваться сектор услуг, сфера обслуживания, т.е. непромышленная сфера, стал складываться рынок занятий, связанных с компьютерными технологиями, так привлекательность рабочих профессий стала еще более снижаться. Безусловно и то, что развитие этих секторов напрямую связано с повышением общего уровня образования населения в целом, молодых поколений, в частности.

По опросам «взрослых», на протяжении последнего периода рейтинг рабочих профессий возрастает, что является следствием усиления внимания государства к рабочим профессиям в силу

¹¹² См. Константиновский Д.Л. Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. Указ. соч. С. 113.

заявленного их дефицита. Как показал ВЦИОМ, уже по данным 2009 года престиж рабочего несколько поднялся и по доходности, и, похоже, по престижности: «Если верить нашим гражданам на слово, то они буквально души не чают в рабочих. По опросу Левада-центра 40% сограждан их уважают (один из наилучших результатов среди всех профессиональных категорий), а доля не уважающих близка к нулю (вообще самый лучший результат). Не говоря уже о том, что, по мнению 18% опрошенных, в производственную сферу идут «самые умные, талантливые и способные» (для шоу-бизнеса, к примеру, этот показатель достиг всего 8%, а для религиозных организаций — 7%). Вдобавок 13% россиян считают, что там концентрируются также и «самые честные, совестливые и порядочные» (шоу-бизнес по этой позиции не набрал и 2%, а священнослужители, хотя и обошли наших производителей, но ненамного — у них 16%)»¹¹³. По данным фонда «Общественное мнение» больше половины опрошенных считают именно рабочие профессии самыми нужными нашей стране: «Поскольку общественные симпатии и потребности вроде как совпали, ничто не мешает вообразить, будто самое распространенное в России пожелание собственным детям или внукам — выбрать рабочую специальность. Однако меньше четверти из тех, у кого есть сыновья или внуки, рекомендовали бы им рабочие или хотя бы смежные с ними профессии (включая и специальности водителей, поваров или продавцов), и меньше одной десятой дали бы такой совет своим дочерям или внучкам»¹¹⁴. Наблюдаемое повышение рейтинга рабочих профессий по оценкам «взрослого» населения — это во многом то же свободное одобрение безусловно нужных и уважаемых профессий, которые «не угрожают» лично респонденту, уже сделавшему свои выборы, скорее всего далекие от рабочих позиций.

Что касается рабочих профессий в оценках молодежи, то результаты нашего предыдущего качественного исследования молодых промышленных рабочих России, в частности, показали, что престиж рабочих позиций может быть поднят только наряду с технологической модернизацией производства, с внедрением высоких технологий, что повлечет за собой изменения условий труда, изменения самой сущности рабочего труда и наименований рабочих занятий, повысит компоненту интеллектуального

¹¹³ Главные профессии по мнению Россиян. Левада-Центр. [online]. Дата обращения 04.07.2014 URL: <<http://www.levada.ru/04-07-2013/glavnye-professii-po-mneniyu-zhitelei-rossii>>.

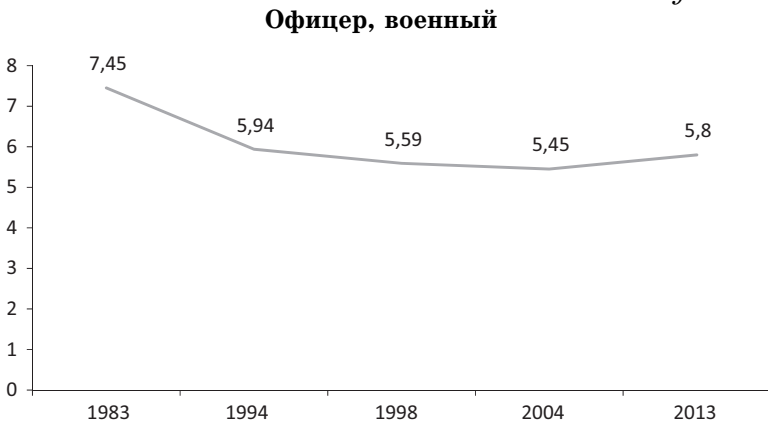
¹¹⁴ Работа и дом. О профессиях популярных и нужных. ФОМнибус. [online]. Дата обращения 23.10.2013. URL: <<http://fom.ru/Rabota-i-dom/10942>>.

труда в этих видах деятельности¹¹⁵. То есть фактически рабочая профессия перестанет быть рабочей в прежнем традиционном ее понимании.

Военные профессии

Можно предположить, что динамика привлекательности профессии военного, офицера отражает тенденции, характерные для целой группы профессий, относящихся к военно-силовым сферам деятельности. Резкое падение оценок привлекательности этих видов деятельности в период 1983-1994 гг., за которым следует стабилизация ее на уровне среднепривлекательной, похоже, отражает преодоление крайностей и достижение умеренно-усредненных оценок привлекательности этого блока занятий. В принципе по мере формирования гражданского общества на демократических принципах, престиж военных профессий, и именно офицерства

Рисунок II.13

должен был бы восстановиться не только в специфической социальной среде, но в обществе в целом. На общей шкале привлекательности 2013 года мы видим устойчивое срединное положение профессий военного, полицейского, летчика. Эти сферы деятельности государственной службы в целом укрепляют свой рейтинг после кризиса 2008 года. Рост привлекательности работников военно-силовых ведомств после существенного падения ее в 1980-90-е годы

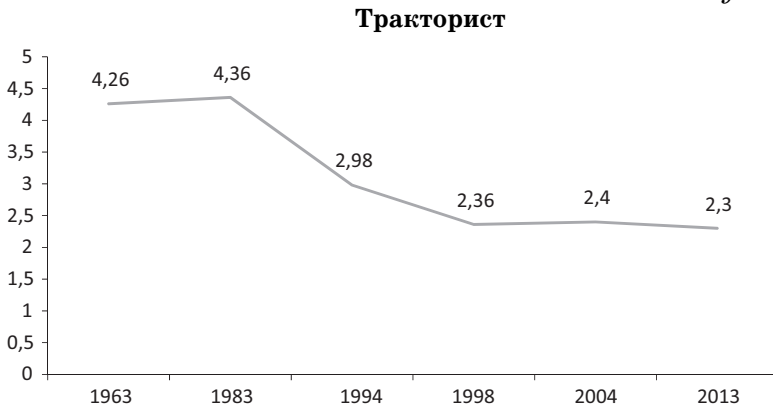
¹¹⁵ См.: Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Рабочая молодежь России: количественное и качественное измерение. М.: ЦСИ, 2013.

соотносится с общим относительным спадом привлекательности интеллигентных занятий, который мы наблюдали в те же десятилетия. Как видно по динамике привлекательности позитивный имидж этих профессий восстанавливается, отражая не только и не столько общие настроения в стране в целом, но и — растущие риски трудоустройства, которые служба в армии (срочная, и тем более — по контракту) позволяет разрешить, удовлетворяя самые насущные жизненные потребности¹¹⁶.

Сельскохозяйственные виды деятельности

Занятия, связанные с сельским хозяйством, наряду с рабочими профессиями, традиционно занимают нижние ступени шкалы привлекательности. Как показывает динамика оценок профессии тракториста, ее привлекательность в глазах современной молодежи приближается к нулевой (см. рис. II.14).

Рисунок II.14

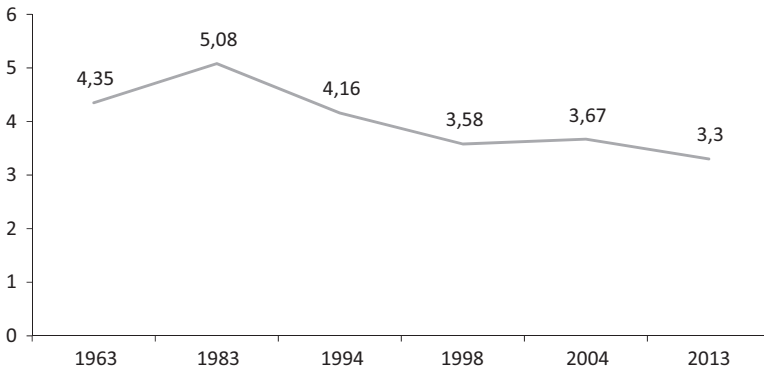

Тем не менее, данные последних двух опросов, зафиксировавшие тенденцию к стабилизации его непривлекательности, позволяют предположить, что и в дальнейшем ситуация не будет ухудшаться, однако вряд ли серьезно улучшится.

Здесь не «срабатывает» и высшее образование, которого, например, требует профессии агронома, ее привлекательность с годами продолжает снижаться (см. рис. II.15).

¹¹⁶ Вознесенская Е.Д. Молодые рабочие: из села в город //Социологический журнал. 2013. №3. С. 82.

Агроном

Стабильное, выявляемое годами, негативное восприятие мира сельского труда в сознании сменяющих друг друга поколений молодежи — залог бедственного положения сельскохозяйственного сектора в нашей стране. Условия сельского труда вступают в резкое противоречие с теми требованиями, которые современная молодежь предъявляет к будущей профессии — приемлемая оплата труда, творческая работа, комфортные условия труда и т.п. Пока не оправдывается и расчет на формирование экологического типа сознания, когда ценности, связанные с природой, землей, натуральным продуктом, чистым воздухом и т.п. начинают набирать очки, а вместе с ними и сельскохозяйственный труд. Пока не оправдал свою привлекательность и статус фермера. Эта профессия была введена в список в 1998 году, она получила 4,19 баллов, что позволило комментаторам увидеть признаки возрождения престижа сельскохозяйственного труда в его новых, прогрессивных формах. Однако к 2004 году привлекательность фермера существенно понизилась до 2,85 баллов, отражая трудности положения фермерства как формы хозяйствования в современных условиях.

РАЗДЕЛ III
ОТ ОЖИДАНИЙ К РЕАЛЬНОСТИ

ОКОНЧАНИЕ ШКОЛЫ, НАМЕРЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ: ЧТО ХОТЕЛИ — ЧТО ПОЛУЧИЛИ

5.1. Школа: старшекласники/выпускники

Материалы исследования показывают, что изменения, происходившие в течение 50-летнего периода, когда производились обследования, значительно изменяли картину социальной дифференциации молодежи. В сфере образования, как мы увидим, это сказалось весьма ярко. Вольно или невольно, она оказалась вовлеченной в процессы социального отбора, эффекты которого проявлялись в ней явственно. Начинается он с возраста, которому соответствуют ясли и детские сады, и получает развитие в подростковом, когда ребенком призвана заниматься школа. Результаты на этом этапе отбора видны по составу выпускников дневных средних (полных) школ — той части молодежи, которая смогла достичь этого решающего рубежа в российской образовательной системе и тем самым открыла для себя доступ к достижению статусов, требующих высокого уровня образования.

Рис. 5. 1.1 представляет социальный состав выпускников средних (полных) школ с 1963 года и по 2013-й, с интервалами, начиная с 1983 года, длительностью в среднем в 10 лет¹¹⁷.

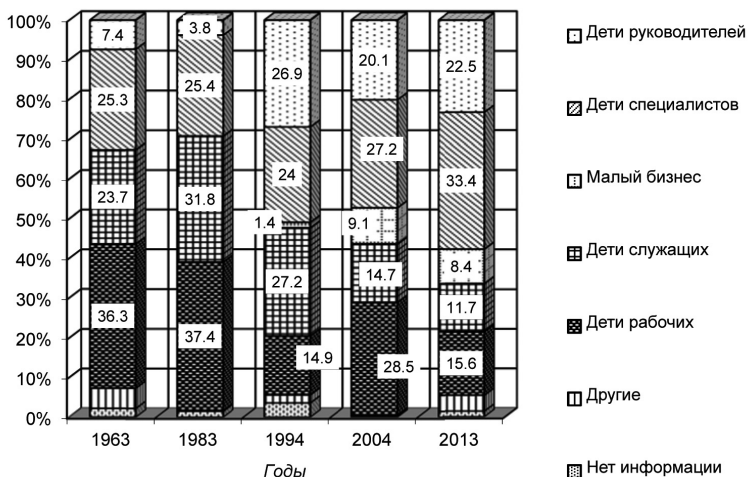
Как показано на рисунке, дети руководителей в Новосибирской области начала 1960-х годов составляли менее 1/10 всех выпускников дневных средних школ области. Дети специалистов — около 1/4. В сумме — примерно треть выпуска из школ. При этом дети — выходцы из семей рабочих и крестьян составляли более 1/3 школьного выпуска; дети служащих — немногим менее¹¹⁸.

¹¹⁷ Отклонения во временных интервалах между группами данных объясняются тем, что на возможности исследовательского коллектива провести обследование и анализ влияли внешние факторы.

¹¹⁸ Социальный состав выпускников школ анализировался по агрегированным группам, где статус определялся положением родителей выпускников по отношению к власти и собственности, характеру труда родителей и уровню их образования. Рассматривались: дети руководителей высокого, среднего и низкого рангов — региональных, партийных, производственных и др.; дети специалистов — лиц высококвалифицированного

Рисунок 5.1.1

Динамика социального состава выпускников средних (полных) школ. Новосибирская область

умственного труда, имеющих высшее образование, не занимающих руководящие должности; дети служащих — работников преимущественно умственного труда, не выполняющих управленческих функций, имеющих среднее образование, общее или специальное; дети рабочих и крестьян — лиц преимущественно физического труда, не требующего высокого уровня образования и не связанного с управлением. Такой вид группировки имеет традицию как в российском обществе, так и в российской социологии.

Приведем примеры, поясняющие, как производилась кодировка информации, получаемой в результате обследований. Из числа работающих на промышленном предприятии к группе руководителей относились директор, главный инженер, начальник цеха; к группе специалистов — инженеры, работающие в конструкторских бюро и в цехах; к группе служащих — бухгалтер, учетчик, кладовщик; к группе рабочих — токарь, штамповщик и пр. В больнице: руководители — директор, главный врач, заведующие отделениями; специалисты — врачи разных профилей; служащие — медицинские сестры, санитарки, курьеры; рабочие — водитель санитарной машины, уборщица.

Отнесение школьника к той или иной группе означает, что оба или по крайней мере один из родителей обладают указанными признаками. При этом определяющим принималось социальное положение того из родителей, чей социальный статус выше (например, для семьи, где отец — преподаватель вуза, а мать — лаборант со средним специальным образованием, информация о ребенке кодировалась как о выходе из семьи специалистов). Понятны ограничения, связанные с таким подходом; вместе с тем, он позволяет провести необходимый анализ.

В начале 1980-х годов социальный состав выпускников средних школ стал несколько иным, поскольку производились целенаправленные акции по социальному управлению, когда среднее образование пытались сделать всеобщим. Доля детей руководителей уменьшилась вдвое. В большей степени представлены выходцы из семей служащих (этот показатель увеличился на треть): ясно, из каких слоев черпалось пополнение при массовизации образования.

К середине 90-х годов произошли изменения очень значительные и по количественным показателям, и по социальному содержанию. В 1994 году группа детей руководителей превысила 1/4 всего числа выпускников средних школ области. Относительное увеличение доли детей руководителей таково: она выросла в 7 раз по сравнению с началом 1980-х годов, в 3,5 раза — относительно начала 60-х. Дети руководителей потеснили детей из других групп, при этом доля детей рабочих и крестьян уменьшилась в 2,5 раза¹¹⁹. Это означает, что дети руководителей продолжали учиться в школах и оканчивать их, в то время как другие из школ уходили.

Для проверки этого результата были произведены расчеты на дополнительных выборках, представляющих различные компоненты основной выборки. Величины показателей состава школьного выпуска при расчетах по ним оказались практически такими же, что и по основной выборке. Была сделана также проверка на материалах локальных обследований, проведенных в одних и тех же школах. Результаты, рассчитанные по школам, в которых обследование производилось в 1963 и 1983 или в 1983 и 1994 годах, показали тот же эффект, что и выборки, притом в поселениях, различных по уровню урбанизации¹²⁰.

Произошел ли такой скачок из-за изменений в социальной структуре общества — только из-за них или, может

¹¹⁹ Прошу читателя обратить внимание на то, что речь идет об относительных величинах, а не абсолютных. Численности родителей — специалистов, руководителей, рабочих и других — изменялись, также изменялись численности их детей, но эти изменения здесь не рассматриваются.

¹²⁰ *Константиновский Д.Л.* Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008. С. 94.

быть, преимущественно за счет них? То есть, возможно, столь резкое одновременное увеличение доли детей руководителей и уменьшение доли детей рабочих произошло потому, что многие родители из числа тех, кто вчера были рабочими, организовали свои предприятия и возглавляли их? Проверки этой гипотезы несколькими путями не подтвердили ее. Также была использована возможность сравнить состав учащихся со структурой населения, представленной в материалах Переписей¹²¹. И эта проверка подтвердила обоснованность сделанных выводов. Отчасти выявленные перемены отразили подвижки в социальной структуре общества; но в значительной степени, как свидетельствует анализ, они были связаны с углублением социальной дифференциации в образовательной сфере.

Было также проведено сравнение данных новосибирских исследований с информацией, полученной в Москве и Краснодаре¹²². Соотношение численностей детей руководителей и специалистов и детей служащих и рабочих оказалось, конечно, не одинаково в разных регионах, оно находится в диапазоне от 136% до 200%. Это связано с региональными особенностями, кроме того, на результатах расчетов сказались специфика реализации исследования в каждом из регионов. Вместе с тем, подтвердилось, что и в столице России, и в крупнейшем центре на востоке страны, и в краевом центре на юге наблюдалось в выпуске из средних (полных) школ преобладание детей из социальных групп, занимающих более высокое положение в социальной иерархии.

Дело в том, что к концу рассматриваемого периода сложилась новая ситуация в школьном образовании. Она была обоснована законодательно и отразилась в общественном мнении. В отличие от 1980-х годов, государство не только не настаивало на всеобщем среднем образовании, но и меры, которые были приняты для того, чтобы школы допускали к учебе в старших классах всех желающих, стали реальными лишь в результате воздействия общественности. В официальных документах укоренились термины: основ-

¹²¹ Там же. С. 95-100.

¹²² Там же. С. 101, 102.

ная школа; основное общее образование¹²³. Именно это, девятилетнее, образование стало массовым. Приводимые данные показывают, из каких семей те юноши и девушки, которые заканчивали среднюю (полную) школу и получали, следовательно, максимальные возможности выбора.

Базовые причины происшедшего чрезвычайно существенны. Вот некоторые черты того трудного для многих семей времени, объясняющие отток из школы детей рабочих и крестьян. В 1992 году треть населения страны имела доходы ниже прожиточного минимума, в 1993-м 31,5%, в 1994-м — 22,4%; примерно на этом же уровне положение сохранилось и в 1996 году¹²⁴. В числе бедного населения, по результатам выборочного обследования Госкомстата РФ, основная масса детей школьного возраста — от 7 до 15 лет — составляла в 1994 году более 20%¹²⁵. Не до учебы, когда нужно заботиться о выживании и помогать семье.

Перераспределение шансов на получение детьми полного общего среднего образования произошло, как свидетельствуют результаты исследования, в основном между рабочими и крестьянами, с одной стороны, и руководителями — с другой, в пользу последних. Подтвердивших свое право входить в дверь первыми. Дети рабочих и крестьян стали «отсеиваться» из школы на предыдущих ступенях обучения в значительно большей мере, чем прежде. А суммарная доля детей руководителей и специалистов в выпуске из средней школы возросла до 50%. Группа, прежде самая многочисленная, оказалась в меньшинстве, а самая малочисленная в прошлом получила более четверти объема выпуска.

Как видно, наблюдение происходящего в динамике показало не просто некоторые изменения социального состава. Перемены кардинальны, они, представляется, могут быть квалифицированы, по аналогии с физическими явлениями, как смена социальной поляризации молодежи, получающей аттестат зрелости в качестве мандата на дальнейшее

¹²³ Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «Об образовании» // Собрание законодательства РФ. N№ 3. Ст. 150. М.: изд-во «Юридическая литература» Администрации Президента РФ, 1996.

¹²⁴ Российский статистический ежегодник 1997. М. С. 188.

¹²⁵ Российский статистический ежегодник 1995. М. С. 89.

продвижение и готовящейся занять ведущие позиции в завтрашнем обществе. Или — как смена социальной ориентации деятельности школы.

Подобное положение сохранялось и в конце 1990-х годов. Одновременно появилась и стала расти доля детей из семей, владеющих малым бизнесом. При этом доля детей специалистов — родителей с высшим образованием, не занимающих руководящие должности — осталась почти неизменной.

Новые изменения, как видно по диаграмме, зафиксированы после 2000 года, к середине так называемых «нулевых» лет: дети рабочих и крестьян стали возвращаться в школу. Давление экономических факторов уменьшилось, прошедший кризис к этому времени был забыт, привлекательность образования восстановилась; немаловажно также, что школы стали значительно более заинтересованными в привлечении и удерживании у себя учащихся, потому что количество учащихся в школе стало определять величину ее финансирования государством. Таким образом, в эти годы вовлечение подростков в общее образование возросло. Доля детей рабочих в выпуске из школы превысила 1/4, что вызвало коррекцию доли детей других групп. Дети из семей, владеющих малым бизнесом, составили почти десятую часть выпуска.

Но потом пришел новый кризис. Он проявился в нашей стране весьма сильно и в самых различных сферах. Большая часть занятых в национальной экономике россиян испытала на себе его последствия. Так, рабочие были вынуждены корректировать свою жизненную стратегию (положение рабочих в те годы отражено в нашем исследовании¹²⁶). Это неизбежно сказалось на планах родителей относительно образования детей и собственно на намерениях самих подростков. Рисунок наглядно показывает: доля детей служащих продолжала сокращаться, а доля детей рабочих уменьшилась почти вдвое. Соотношение групп существенно изменилось.

Важной причиной изменений в соотношении групп выпускников стало также упомянутое выше восстановление

¹²⁶ Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX-XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСПиМ, 2014. С. 200-487.

привлекательности высшего образования в 2000-х. Дело в том, что росла значимость обладания вузовским дипломом для получения более или менее достойной позиции на рынке труда и построения успешной карьеры. Семьи специалистов раньше, чем другие, восприняли эту ситуацию на рынке труда (это видно уже по данным 2004 года) и яснее представляли ее себе; они мобилизовали свои ресурсы для того, чтобы сформировать будущее своих детей наиболее эффективно. Это «сильная» группа; она обладает существенными ресурсами, такими, как культурный капитал; в ней крепко укоренены, устойчивы к внешним изменениям традиции получения высшего образования, престиж квалифицированного труда. Доля детей специалистов выросла и потеснила доли других групп.

Так складывалось в прошедшую половину столетия в нашей стране распределение между различными социальными группами возможностей получения общего образования. Так фактически менялась, соответственно, роль школы, системы общего образования в целом в формировании социальной структуры, в осуществлении социального лифта.

Окончание школы является, конечно, лишь ступенью в образовательной карьере, не полностью определяющей как намерения относительно дальнейшей образовательной и профессиональной карьер, так и будущие реальные жизненные шаги выпускника; вместе с тем, она является ступенью решающей для будущего каждого юноши и каждой девушки¹²⁷.

Это, повторим, решающий рубеж в российской образовательной системе, который открывает доступ к достижению статусов, требующих высокого уровня образования; достигшие его получают максимальные возможности выбора, а получаемый ими аттестат зрелости служит мандатом на дальнейшее продвижение и занятие ведущих позиций в обществе. Намерения выпускников школ относительно дальнейшей образовательной и профессиональной карьер и их будущие реальные жизненные шаги будут рассмотрены в следующих разделах главы.

¹²⁷ Константиновский Д.Л., Вахштайн В.С., Куракин Д.Ю., Роцина Я.М. Доступность качественного общего образования: возможности и ограничения. М.: Логос, 2006.

5.2. Обстоятельства самоопределения

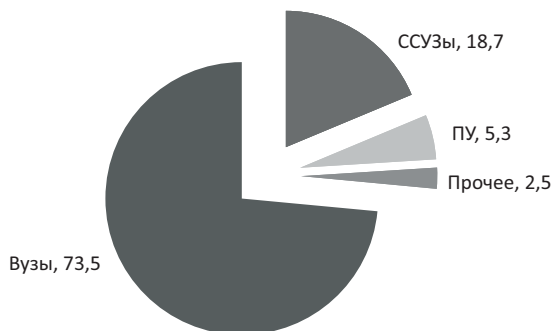
Прежде чем рассматривать намерения и жизненные шаги выпускников школ, необходимо остановиться на трех существенных обстоятельствах, которые в значительной степени определяют их намерения и шаги в последнее время. Частично эти обстоятельства наблюдались на протяжении всего периода проведения исследования, но главным образом они специфичны именно для последних лет наблюдений.

Большинство выпускников полной школы поступали в высшие учебные заведения — ВУЗы (см. рис. 5.2.1), около 20% начинали учебу в средних специальных учебных заведениях (ССУЗы). От 5% до 7% в разные годы приходили в учебные заведения, которые до принятия нового Закона об образовании относились к начальному профессиональному образованию (профессиональные училища — ПУ). Остальные поступали на различные профессиональные курсы или сразу выходили на рынок труда.

На дневных отделениях вузов большинство первокурсников составляли юноши и девушки, только что окончившие школу (см. рис. 5.2.2). Существенные доли мест занимали там окончившие полную школу ранее и средние специальные учебные заведения.

Рисунок 5.2.1

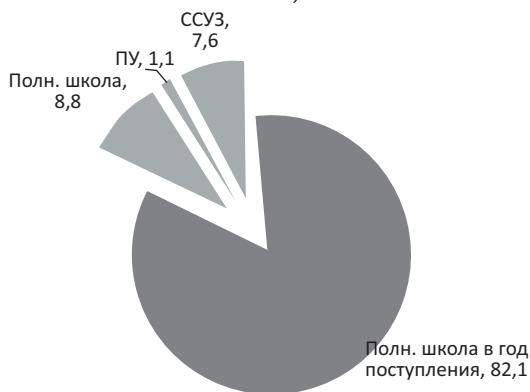
Распределение выпускников полной средней школы в 2010 г., %.

Источник: Федеральная служба государственной статистики.

Рисунок 5.2.2

Уровень образования принятых в вузы, дневные отделения, 2010 г., %

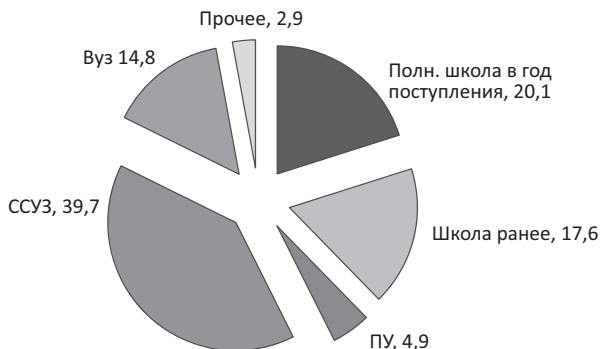

Источник: Федеральная служба государственной статистики.

На очно-заочных (вечерних) отделениях картина была иная (см. рис. 5.2.3), но и здесь мы обнаруживаем значительные доли выпускников полных школ как текущего года, так и предыдущих лет. Здесь же составляли практически 40% те, кто не сдавал ЕГЭ, а пришел в вуз после окончания основной школы через средние специальные учебные заведения.

Рисунок 5.2.3

Уровень образования принятых в вузы, вечерние отделения, 2010 г.

Источник: Федеральная служба государственной статистики.

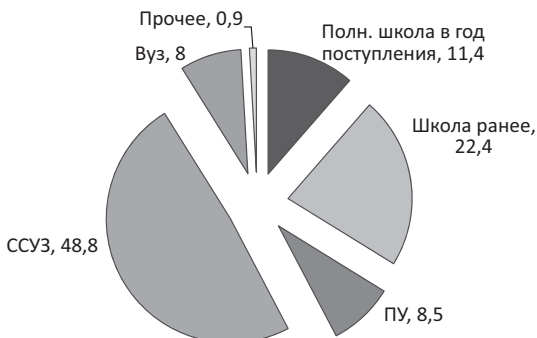
Заочные отделения вузов почти наполовину пополнялись юношами и девушками, которые приходили сюда через средние специальные учебные заведения, минуя старшие классы полной школы (см. рис. 5.2.4). Немало было здесь и выпускников школ.

Приведенная статистическая информация дает основание заключить, что *основные потоки молодежи* — те, кто ушел из школы в средние специальные заведения (после 9 класса или позднее), те, кто только что закончил полную среднюю школу, и те, кто закончил ее ранее, — *соединяются главным образом в стенах высших учебных заведений*. Таковы ведущие устремления молодежи. Неправы те эксперты, которые утверждают, что все выпускники школ стремятся в вузы (наши многолетние исследования опровергают это), неправы и те, кто настаивает, что все выпускники школ поступают в вузы (это опровергается государственной статистикой); но тренд именно таков. Это первое из важных обстоятельств, определяющих условия самоопределения молодежи. Оно, впрочем, действовало практически постоянно на протяжении всего периода проведения исследования; его влияние на социальное поведение молодежи порой ослабевало, а порой усиливалось, проявляясь по-разному на очном, очно-заочном (ранее называвшемся вечерним) и заочном отделениях вузов.

Другое важное обстоятельство стало чрезвычайно существенным в последнее десятилетие. Соотношение между

Рисунок 5.2.4

Уровень образования принятых в вузы, заочные отделения, 2010 г.

Источник: Федеральная служба государственной статистики.

выпуском из школ и приемом в вузы, определяющее конкурсную (по сути, конкурентную) ситуацию, выражающую себя в шансах на получение вузовского диплома, значительно изменялось за длительный период исследования¹²⁸. Причиной тому обычно оказывалось изменение численности выпускников школ (из-за перемен в демографической ситуации, а однажды — из-за сдвоенного выпуска в школах в связи с решением властей о сокращении длительности обучения). Наиболее яркими точками в этом динамическом ряду являются год начала исследования, когда прием на дневные отделения вузов был почти равен выпуску из дневных средних школ (соотношение выпуск к приему — 1,3 по СССР и 1,2 по РСФСР) и 1966 год, когда на места в вузах претендовали юноши и девушки одновременно из двух многочисленных школьных выпусков. При оценке конкурсной ситуации было верно и достаточно опираться на сравнение выпуска из дневных школ и приема на дневные отделения вузов, поскольку вечерние и заочные отделения, как и экстернат, были малы по численности относительно дневных отделений и места на них не пользовались значительным спросом среди выпускников школ.

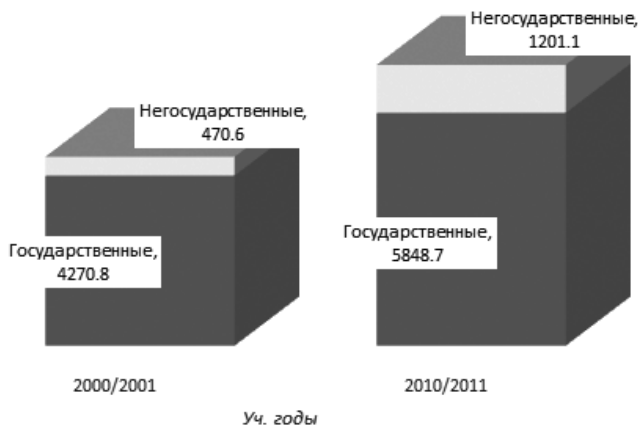
В последние десятилетия (с середины 1980-х годов и до начала 2000-х) численность выпускников школ росла вместе с ростом численности когорт 17-летних (спад наблюдался только в то время, когда население испытывало наибольшие трудности, см. об этом в предыдущем разделе). Повлияли также изменения в законодательстве, принятые под давлением общественности, которые расширили возможности обучения в старших классах. Важнейшую же роль в росте выпуска из школ, по-видимому, сыграли требования рынка труда, отрицательно реагирующего на работника, не прошедшего через достаточное число лет обучения. В последующем численность учащихся старших классов стала уменьшаться в связи со спадом демографической волны, а также из-за роста притягательности среднего специального образования как ступени к высшему без необходимости проходить через ЕГЭ.

¹²⁸ Константиновский Д.Л., указ. соч. С. 72-91.

Прием в вузы десятилетиями изменялся постепенно, он почти равномерно рос год от года. Коренные изменения произошли в 1990-е годы. Вузы получили значительную степень самостоятельности и смогли в большей мере удовлетворять спрос населения. Между тем спрос на свидетельства о получении высшего образования значительно вырос, поскольку именно они давали работнику возможность получать «премию за образование» и давали ему большую, чем обладателям образовательных свидетельств другого рода, защиту от безработицы¹²⁹. И вузы ответили на возрастание спроса соответствующим предложением. Прием на первые курсы стал стремительно нарастать. За десятилетие с 2000 по 2010 год численность студентов выросла в 1,5 раза (см. рис. 5.2.5).

Рисунок 5.2.5

Численность студентов вузов на начало учебного года, тыс. чел.

Источник: Образование в Российской Федерации: 2012.: стат. сб. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. С. 323.

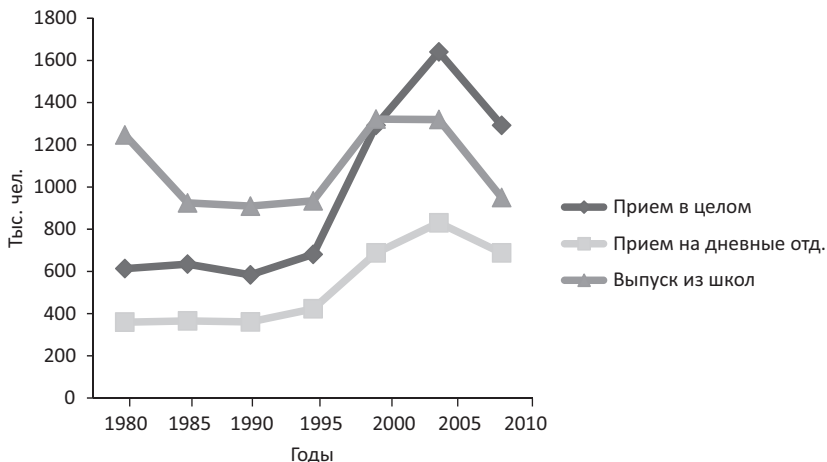
В результате соотношение между выпуском из школ и приемом в вузы оказалось весьма благоприятным для тех из числа оканчивающих одиннадцатые классы, кто желал

¹²⁹ Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (ред.) Заработная плата в России: эволюция и дифференциация. Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 364-382.

поступить в вузы (да и для всех имеющих такие намерения) (см. рис. 5.2.6). Прием в вузы уменьшился только в последние годы, когда резко сократилась (по причинам демографического характера) численность выпускников школ, при этом шансы стать первокурсником отнюдь не уменьшились.

Рисунок 5.2.6

Выпуск из полных школ и прием в вузы

Источники: Федеральная служба государственной статистики; URL: <http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_13&ttype=2&Field=All>; Образование в Российской Федерации: 2012.: стат. сб. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. С. 323.

Сработала простая зависимость: чем больше прием в вузы относительно выпуска из школ (или — меньше численность выпускников школ относительно приема в вузы) — тем ниже уровень конкуренции при поступлении в вузы; тем, соответственно, выше доступность поступления. Хотя и сегодня отнюдь не все выпускники школ поступают в вузы, однако *вероятность получения вузовских дипломов несомненно выросла.*

Притом — и это важная особенность последнего десятилетия — место дневных отделений в вузах изменилось коренным образом. Рис. 5.2.6 показывает, что прием на

дневные отделения, условно говоря, как бы «следит» за выпуском из школ, всегда предоставляя места примерно половине выпускников: только каждому второму (на самом деле — в идеале — первому по академическим успехам). А увеличение приема в вузы происходило не только (и не столько) за счет роста дневных отделений. При том, что происходил интенсивный рост приема на дневные отделения, прием на заочные догонял его и даже опережал. В итоге прием на заочные отделения, по существу, сравнялся с приемом на дневные (см. рис. 5.2.7).

Рисунок 5.2.7

Прием в вузы по отделениям, тыс. чел., 2010

Источники: Образование в Российской Федерации: 2012. Стат. сб. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. С. 330.

На самом деле (или — в содержательном смысле) эти данные отражают прежде всего не изменение, как было сказано выше, места дневных отделений в вузах. Смысл приводимой информации в ином. Коренным образом изменилось другое: отношение молодежи к факту окончания вуза. А оно изменилось не само по себе, не по прихоти молодых людей; это произошло из-за изменений на рынке труда. Действительно, он стал требовать в большом количестве работников с вузовским дипломом. Каких?

Здесь наступает необходимость обсуждения еще одного важного обстоятельства. Спрос (на получение вузовских дипломов) и предложение (со стороны вузов) получили следующую специфику.

Отчасти в народном хозяйстве сформировался *спрос на знания, квалификацию*, и на удовлетворение этого спроса направлены деятельность части школ, средних специальных учебных заведений (как бы они теперь ни назывались), вузов (или отдельных факультетов и отделений в них), усилия части родителей и энергия «продвинутых» молодых людей. Сформировался и *массовый спрос со стороны работодателей на более или менее социализированных молодых людей, основные компетенции которых — относительное умение или привычка учиться новому и навыки общения*; это стало рассматриваться как результат пребывания в вузе. Пребывания, в течение которого сам собой как бы происходит своего рода тренинг, и так или иначе указанные компетенции должны появиться у юношей и девушек. Эта потребность рынка труда быстро выросла прежде всего в результате взрывоподобного расширения сферы обслуживания (в широком смысле слова), ранее существовавшей в неразвитом состоянии и занимавшей мизерный сегмент национальной экономики, называвшейся тогда, в советское время, народным хозяйством.

Специальность, по которой шло (или должно было идти) обучение выпускника вуза, при этом не важна. Например, для работы продавцом одежды (именуемым менеджером торгового зала, консультантом или как-то иначе, но весьма звучно) вовсе не нужен специалист по ее конструированию, или дизайнер, или другой профессионал; требуется молодой человек с коммуникативными навыками, который будет внимателен к покупателю, не станет грубить ему и сможет быстро обучиться тому, что должен знать продавец. При приеме на работу важно предъявить свидетельство о прохождении упомянутого тренинга — наличие диплома.

А поскольку знания по специальности обучения не существенны, то и не важно, где пребывали несколько лет юноша или девушка: были они в престижном университете, куда поступить можно только в результате жесткого отбора, на дневном ли отделении, где постоянно прихо-

дилось овладевать знаниями, или на заочном отделении в филиале заштатного, мало кому известного института, куда принимали всех желающих за небольшую плату, а учебный процесс не требовал сколько-нибудь значительных усилий. Это только полярные из возможных вариантов; между ними — целый ряд разновидностей существующих сегодня институций, которые могут предоставить молодежи разные виды как образования, так и квази-образования. Дневное отделение одного вуза может оказаться дальше от гипотетической нормы высшего образования, чем заочное отделение — другого вуза, и т.д. При лавинообразном всего за несколько лет увеличении и дневных, и заочных отделений видоизменение картины высшего образования может принимать сколь угодно причудливый характер.

Обе разновидности спроса транслировались в семьи, где жадно ловили импульсы, исходящие от рынка труда, чтобы верно определиться. Сигналы от рынка труда неизбежно приходили с посторонними шумами, с искажениями. В семьях, стремясь оптимизировать образовательную траекторию детей, вынуждены соотносить эти сигналы со своими aspirationами. В зависимости от идеалов и ожиданий родителей и детей, их представлений о надлежащем относительно жизненной карьеры, от их компетентности в анализе ситуации в сфере образования, от возможностей семьи (в том числе, финансовых), ресурсов детей (выраженных, в частности, в показателях академических успехов), степени осознания специфики рынка труда — формировались представления о должном и вероятном в отношении будущего образования. При этом происходил выбор: квалификация или диплом? Так формировался спрос на образование (две разновидности спроса).

Далее семьи (родители и дети) передавали спрос системе образования. А та, как мы видели по статистическим данным, ответила соответствующим предложением. Так естественным образом создалась та ситуация в сфере образования, которую мы наблюдаем и которая вызывает столько дискуссий: в одних учебных заведениях (на одних факультетах, отделениях) происходят социализация и приращение человеческого капитала, а в/на других — со-

циализация (несколько иная) и производство свидетельств о пребывании, выполнение сигнальной функции.

Как происходит эта трансляция? Здесь нет загадочных, таинственных каналов передачи информации. Родители и дети не изучают работы Гимпельсона и Капелюшникова; по объявлениям о приеме на работу, по уровню жизни соседей (и не только) они получают представления о необходимости вузовского диплома для минимизации риска безработицы и максимизации уровня заработной платы. Подобное восприятие действительности происходит всегда и всюду. Когда при моделировании динамики личных планов выпускников школ на поступление в вузы и реального поступления (в совсем другие времена) оказалось, что расчеты по модели не вполне хорошо совпадают с данными эмпирического исследования, — удалось ввести коррекцию, которая учитывала, что при формировании решения о поступлении в вуз (пытаться или не пытаться) принимаются во внимание и опыт прошлых лет, и прогноз развития конкурсной ситуации¹³⁰; в результате модель стала гораздо лучше повторять реальность. Это не означало, что родители по ночам листали статистические справочники (да и едва были бы им полезны справочники, издававшиеся в те годы). Достаточно было того, что родители видели, бывая в школе: сколько учащихся в классах, предшествующих тому, в каком учатся их дети, и сколько в последующих.

Дифференциация спроса породила дифференциацию предложения. Что хотели — то и получайте. *Одни дают знания; другие — формальные свидетельства*, дают — вместе с ними — право на соискание работы соответствующего уровня. Бессмысленно, да и несправедливо, делить учебные заведения (и факультеты, и отделения) на «хорошие, белые, пушистые» и «плохие, неэффективные». Они выдают разную продукцию. Это все равно что решать, какой завод лучше — металлургический или, к примеру, автомобильный, мебельная фабрика или игрушек.

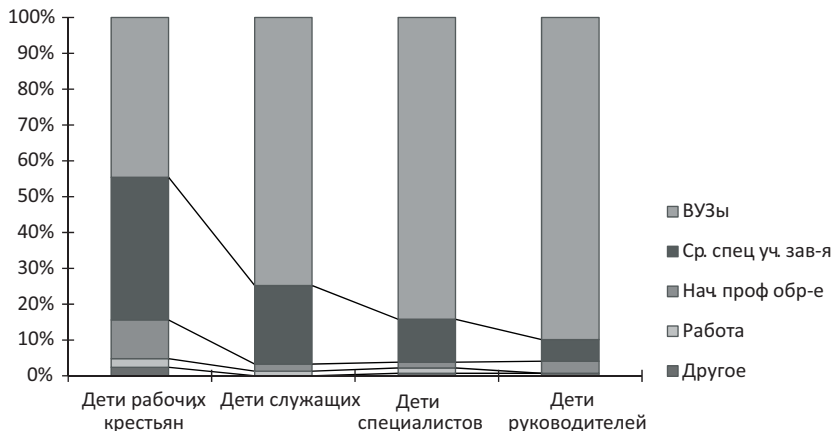
¹³⁰ Константиновский Д.Л., Шубкин В.Н. Молодежь и образование: Методические вопросы и опыт социального прогнозирования на материалах социологических обследований в Новосибирской области. М.: Наука, 1977. С. 96-143.

5.3. Планы

Типичное распределение намерений (личных планов) старшеклассников относительно будущей образовательной траектории в зависимости от социально-профессионального статуса родителей, фиксированное на протяжении предшествующего периода проведения исследования, показано на рис. 5.3.1. Чем выше статус семьи, тем больше доля планирующих поступить в вузы и меньше тех, кто видит себя студентом среднего специального учебного заведения или учащимся профессионального училища. И наоборот, чем ниже статус семьи, тем меньше ожидающих, что они поступят в вузы, и больше избирающих для себя среднее специальное, начальное профессиональное образование или выход на рынок труда. Показанное здесь распределение планов старшеклассников из разных социальных групп выявляет результаты оценки ими реальных собственных возможностей. Диаграмма соответствует 1994 году, когда требования рынка труда к образованию работников еще не выросли, а интенсивный рост приема в вузы не начал-

Рисунок 5.3.1

Структура личных планов старшеклассников школ (планировавшие в % к численности групп). Распределение по социально-профессиональному статусу родителей. Новосибирская область. 1994 г.

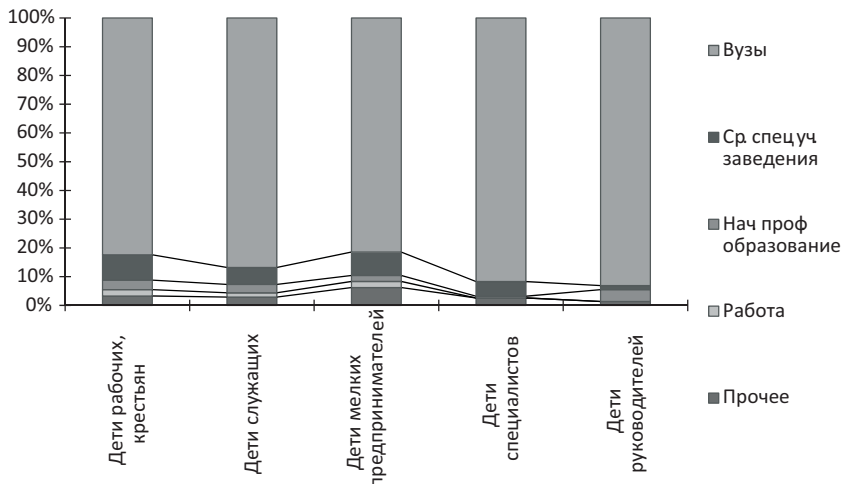

ся; сохранялось прежнее, привычное и для вузов, и для потенциальных абитуриентов положение, весьма обычная конкурсная ситуация, которая хоть и изменялась год от года, но в пределах, не менявших сколь-нибудь значительно «правил игры», касающихся условий поступления.

Но вот диаграмма для 2013 года (см. рис. 5.3.2). Что же случилось? Нет ни одной группы, где бы планировали поступить в вуз менее чем 80% старшеклассников. Нет той ступенчатой дифференциации, какая наблюдалась раньше. Нет вообще существенных различий между намерениями молодежи из разных групп. Конечно, дети рабочих и крестьян в большей мере планируют поступать в средние специальные учебные заведения, чем дети руководителей, есть и другие особенности в планах, но они едва ли могут быть названы принципиальными.

Рисунок 5.3.2

Структура личных планов старшеклассников школ (планировавшие в % к численности групп). Распределение по социально-профессиональному статусу родителей. Новосибирская область. 2013 г.

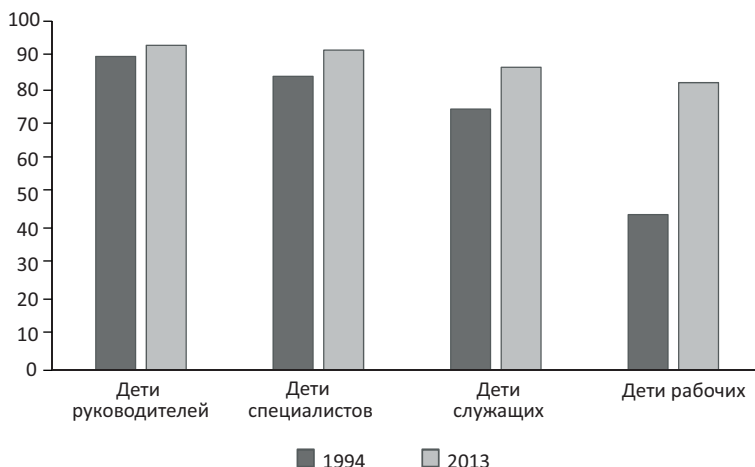
Остается вспомнить, что к этому времени в полную силу сказалось действие факторов, о которых шла речь в разделе 5.2. Рынок труда стал категорически предпочитать работников с вузовскими дипломами, и молодежь устремилась в вузы. В полную силу проявилась экспансия высшего обра-

зования, а численность выпускников, напротив, значительно уменьшилась вследствие специфики демографических процессов; в результате конкуренция между претендентами на места в вузах *потенциально* (подчеркнем это слово) в большой мере ослабла; соответственно, шансы каждого выпускника школы на поступление в вуз (казалось) значительно выросли. Настойчивое стремление старшеклассников получить вузовские дипломы и оптимистическая оценка ими ситуации поступления в вузы выразились на данном рисунке.

На рис. 5.3.3 сделано сравнение личных планов старшеклассников по главному направлению их стремлений — поступлению в вуз — для 1994 и 2013 годов. Видно, как прежняя четкая дифференциация сменилась тенденцией к выравниванию. Прирост доли планирующих поступить в вузы в 2013 году тем больше, чем значительнее было в прежние годы отставание от лидеров — детей руководителей.

Рисунок 5.3.3

**Доли планирующих поступить в вузы
(% от численности групп). Распределение
по социально-профессиональному статусу родителей.
Новосибирская область, 1994 и 2013 гг.**

5.4. Реальность

Методика исследования позволяет проследить, как в действительности стали складываться образовательные траектории тех юношей и девушек, которые рассказали о своих личных планах перед окончанием школы. Они были старшеклассниками, стали выпускниками. Они строили планы, основываясь на оценке ситуации; затем встретились с реальностью.

Рассмотрим, как связано реальное поведение выпускников школ с социально-профессиональным статусом родителей.

На рис. 5.4.1 показана структура жизненных шагов выпускников школ Новосибирской области в зависимости от социально-профессионального статуса родителей в 1994 г. Налицо явная дифференциация: чем выше статус родительской семьи, тем чаще дети поступали в вузы, и наоборот, чем ниже статус, тем вероятнее дети оказывались не только в вузах, но и в средних специальных учебных заведениях и профессиональных училищах.

В 2013 году (см. рис. 5.4.2) налицо явное (и ожидаемое) преобладание поступивших в вузы по сравнению с 1994 годом; однако наблюдаем сходную структуру жизненных шагов.

Рисунок 5.4.1

**Структура жизненных шагов выпускников школ.
Распределение по социально-профессиональному статусу
родителей. Новосибирская область. 1994 г.**

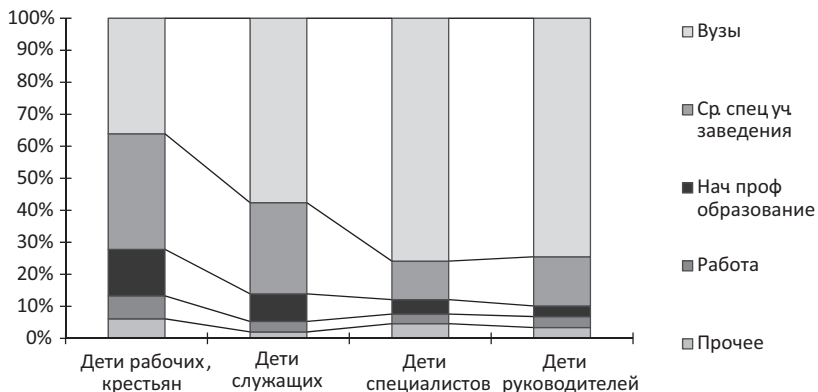
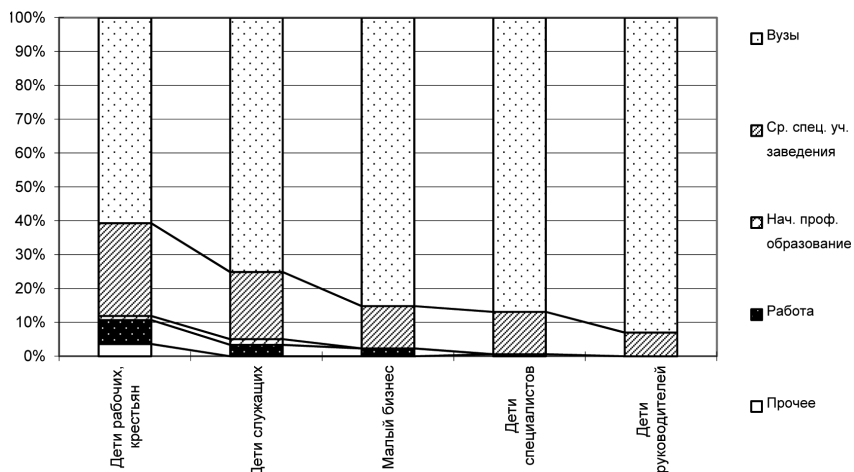

Рисунок 5.4.2

**Структура жизненных шагов выпускников школ.
Распределение по социально-профессиональному статусу
родителей. Новосибирская область. 2013 г.**

В табл. 5.4.1 приведены данные о степени реализации личных планов на поступление в вузы в зависимости от социально-профессионального статуса родителей. Как видно, только дети рабочих и крестьян осуществили свои намерения в меньшей мере, чем в 1994 году.

Таблица 5.4.1

**Степень реализации личных планов на поступление в вузы
в зависимости от социально-профессионального статуса
родителей (соотношение между численностями
реально поступивших и планировавших поступить в вузы, %).
Новосибирская область, 1994 и 2013 гг.**

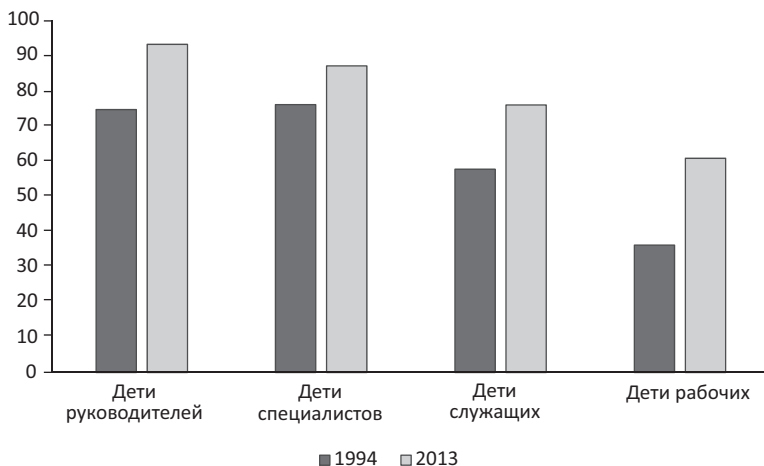
Годы	Дети руководителей	Дети специалистов	Дети служащих	Дети рабочих
1994	82,9	90,1	77,0	80,9
2013	99,9	94,8	87,3	73,7

Рис. 5.4.3 демонстрирует, что в 2013 году, по сравнению с 1994-м, все группы выпускников школ повысили частоту поступления в вузы. В группе детей руководителей «по-

ступаемость в вузы» близка к пределу. У детей рабочих и крестьян относительное увеличение доли поступивших больше, чем в других группах; однако вероятность осуществления намерений уменьшилась (см. табл. 5.4.1).

Рисунок 5.4.3

**Доли реально поступивших в вузы (% от численности групп).
Распределение по социально-профессиональному статусу
родителей. Новосибирская область, 1994 и 2013 гг.**

5.5. «Сильные» и «слабые»

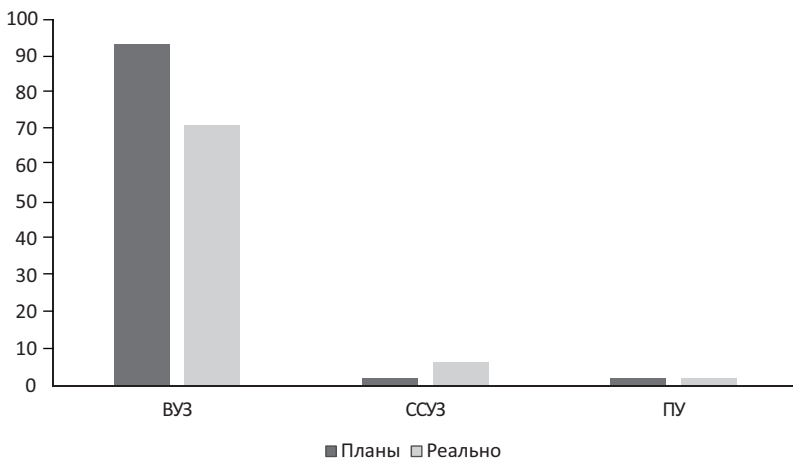
Традицией исследовательского проекта является изучение аспираций и первых шагов после школы для группы сравнительно успешной в освоении предоставляемых обществом потенциальных возможностей и группы-аутсайдера. Таким образом предпринимается изучение устремлений и начальных жизненных траекторий молодежи из групп, обладающих различными наборами и объемами ресурсов и, таким образом, находящихся в крайне различных стартовых условиях. Это помогает также уяснить, как складывались судьбы молодых людей из других групп, расположенных как бы на промежуточных позициях между этими двумя.

Вполне типичный пример «сильной» группы — дети руководителей из областного центра.

Большинство юношей и девушек этой группы в 2013 году, как и в предыдущие годы, планировало поступить и реально поступало в вузы (см. рис. 5.5.1). Степень реализации личных планов на поступление в вузы весьма высока: 3/4 планировавших стать студентами оказались в вузовских аудиториях (см. табл. 5.5.1). Вместе с тем, она меньше, чем степень реализации планов на поступление в вузы для всех детей руководителей (из всех групп, включая средние и малые города, поселки и села); прежде всего потому, что дети руководителей из областного центра ставили перед собой более высокую планку, чем другие: больше желавших попасть на дневные отделения и чаще — в более престижные вузы. Средние специальные учебные заведения оказались привлекательными только для чуть более 2% детей руководителей областного центра; реально поступили также мало, но все-таки в три раза больше: это те, кто прибегнул к так называемому запасному плану. Планировавших и поступивших в профессиональные училища — незначительная доля.

Рисунок 5.5.1

Доли планировавших и реально поступивших после окончания школы в профессиональные учебные заведения, проценты. Дети руководителей, областной центр. Новосибирск, 2013 г.

Иной характер — у личных планов и реальных первых шагов юношей и девушек, чьи родители являются рабочими, занятыми сельскохозяйственным трудом, и оканчивающих школы, расположенные в селах Новосибирской области (рис. 5.5.2). Здесь меньше доля планировавших поступить в вузы, значительно меньше и доля поступивших — она чуть превышает 1/3 в этой группе. Степень реализации этих планов у данной группы (см. табл. 5.5.1) меньше, чем у всех групп рабочих, включая жителей областного центра, малых и средних городов и поселков (см. табл. 5.4.1): городская молодежь обладает большим набором ресурсов. В средние специальные учебные заведения планировала поступить весьма значительная доля выпускников — каждый четвертый; в действительности там оказалось почти в полтора раза больше, то есть весьма много тех, кто туда не собирался, но вынужден был скорректировать свои намерения. Приводимые данные заставляют убедиться, что эта группа, в отличие от рассмотренной выше, является относительно «слабой». Планировавших и реально поступивших после окончания школы в профессиональные училища в нашей выборке не оказалось.

Рисунок 5.5.2

**Доли планировавших и реально поступивших после окончания школы в профессиональные учебные заведения, проценты.
Дети крестьян. Новосибирская область, 2013 г.**

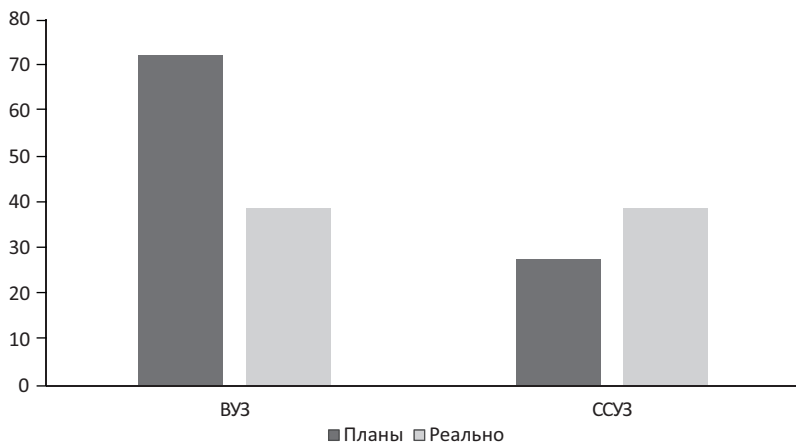

Таблица 5.5.1

Степень реализации личных планов на поступление в вузы в зависимости от социально-профессионального статуса родителей (соотношение между численностями реально поступивших и планировавших поступить в вузы, %). Новосибирская область, 2013 г.

Дети руководителей, обл. центр	76,2
Дети сельскохозяйственных рабочих	53,8

Данные, приведенные в этом разделе главы, подтверждают отмеченное в предыдущих разделах наличие значительной дифференциации, существующей в отечественной сфере образования. Изменения, произошедшие в этой сфере со временем (некоторые из них рассмотрены выше), не позволили изжить существующее неравенство или существенно сгладить наиболее значительные различия. Это согласуется со сделанным в других наших публикациях вывод, что перемены в одном социальном институте не могут привести к новой, с лучшими характеристиками ситуации; проблемы образования — это социетальные проблемы, связанные с развитием общества в целом.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Результаты многолетних исследований образовательных и профессиональных траекторий молодежи фиксировали, что в отношении доступа к образованию — реальных шансов, а также их осознания молодежью и на этой основе формирования образовательных стратегий — сельские юноши и девушки всегда отличались от своих городских сверстников более скромными амбициями и достижениями. Тем самым сельская молодежь представляет собой массовую малоресурсную группу, на примере которой можно рассмотреть, как в новых условиях дефицит социокультурных ресурсов сказывается в формировании образовательных стратегий и реальном выборе учебных заведений молодежью. Вместе с тем, изучение указанных феноменов на материалах социологического исследования выпускников средних школ 2013 г. предоставляет еще одну возможность. Оно позволяет поставить вопрос о том, происходят ли в воздействии фактора дефицитности социокультурных ресурсов на судьбы молодежи перемены, связанные с особенностями демографической ситуации этого периода? Как малочисленность возрастных когорт молодежи, оканчивающей в это время среднюю школу, и связанное с нею повышение потенциальных шансов доступа всех представителей данного молодого поколения к востребуемым учебным местам проявляется в стратегиях и поведении в сфере образования такой малоресурсной группы как сельская молодежь?

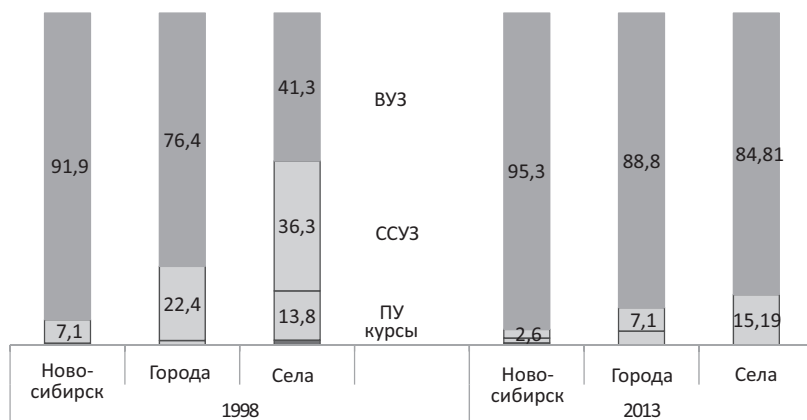
6.1. Образовательные стратегии до и после выпуска из средней школы

Новое и особенное в сегодняшней ситуации наиболее рельефно проявляется при анализе ситуации в динамике лет. Одним из существенных отличий в структуре образовательных ориентаций молодежи, как демонстрируют результаты предыдущего исследования 1998 г. (см. левую часть рис. 6.1.1), была поселенческая дифференциация. Тогда сохранялись «градуированные» шаг за шагом от

самых крупных к самым мелким поселениям различия в ориентациях молодежи на типы учебных заведений, выбираемых для продолжение учебы после окончания дневной средней школы. Оканчивавшие школы в крупнейшем городе (более одного млн. жителей) — Новосибирске в подавляющем большинстве (91,9%) стремились продолжить образование в вузах, очень малая часть (7,1%) планировала учебу в средних специальных учебных заведениях (ССУЗах) и единицы — в системе начального профессионального образования (НПО). Среди выпускников школ средних и малых городов Новосибирской области намеренных получить высшее образование было меньше, чем среди новосибирцев, но в целом довольно много — 76,4% юношей и девушек, а желающих поступить в ССУЗы — больше, чем в Новосибирске (22,4%), ориентирующихся на НПО было также очень немного. У сельской молодежи в сравнении с двумя предыдущими группами еще сильнее сокращается доля стремящихся в вузы и увеличивается доля планирующих получить образование в ССУЗах и системе НПО. Намерения сельских выпускников были весьма уравновешены: почти равновеликие потоки стремились, с одной стороны, в вузы (41,3%) и, с другой стороны — в ССУЗы (36,3%), а заметная часть (13,8%) планировала учиться в ПУ.

Рисунок 6.1.1

Ориентации на тип учебного заведения выпускников средних школ Новосибирской обл., 1998 и 2013 гг., %

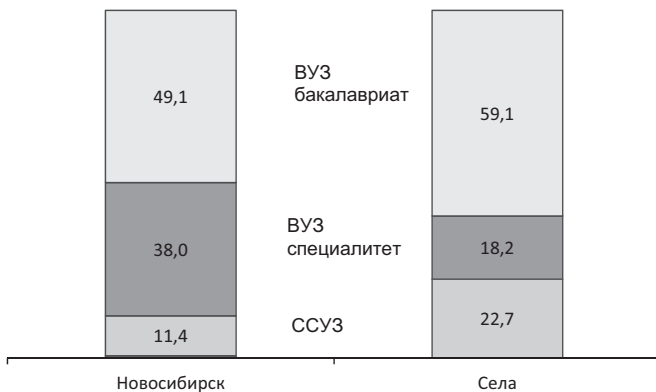
За пятнадцать лет произошла практически полная унификация ориентаций этой молодежи на тип выбираемого учебного заведения. Теперь преобладающая часть всех трех групп молодежи ориентируется на учебу в вузе (см. правую часть рис. 6.1.1): ее планируют среди выпускников школ Новосибирска 95,3%, городов области — 88,8% и сел — 84,8%. Соответственно планы на учебу в других типах учебных заведений ничтожны у молодежи Новосибирска, малы (7,1% ориентируются на ССУЗ) — у молодых жителей городов области заметны лишь у выпускников сел, среди которых 15% планируют поступать в ССУЗ.

В ходе реального выбора типов учебных заведений выпускниками средней школы поступающих в вузы оказывается несколько меньше, в сравнении с планировавшими поступление, и соответственно несколько больше тех, кто в действительности выбирает учебу в ССУЗе (см. рис. 6.1.2). Становятся студентами вузов 77,3% молодежи, окончившей школы в селах, и 87,1% — в Новосибирске, а учащимися ССУЗов соответственно 22,7% и 11,4% юношей и девушек. Реальные пути молодежи крупнейшего города и сел корректируются одинаково и соотношение получающих высшее и среднее профессиональное образование в обеих группах оказывается достаточно схожим. Можно отметить лишь очень небольшую «ущемленность» реального выбора сельских юношей и девушек: несколько большие шансы получения более низкого уровня — ССУЗовского — образования. Не стоит однозначно трактовать как некий проигрыш тот факт, что сельские выпускники чаще начинают обучение в вузах по учебным программам более короткого курса обучения — бакалавриата (59,1% селян против 49,1% новосибирцев) и существенно реже попадают на программы специалитета (соответственно 18,2% и 38,0%). Как будет показано ниже эти особенности решений тесно связаны со структурой избираемых специальностей подготовки.

Существенными характеристиками качества получаемого профессионального образования служат такие параметры как обучение в разных его формах (дневной — вечерней/заочной), на бюджетных или платных учебных местах, в государственных или негосударственных учебных заведениях.

Рисунок 6.1.2

Реальный выбор типа учебного заведения выпускников средних школ Новосибирска и сел области, 2013 г., %

Данные государственной статистики свидетельствуют, что на протяжении нулевых годов вплоть до самого последнего времени выпускники дневных средних школ составляют более 80% приема на дневные отделения государственных вузов¹³¹. Поэтому не удивительно, что подавляющая часть опрошенных выпускников как в Новосибирске (91,8%), так и в селах области (98,7%) планировали поступать в дневные учебные заведения. В реальности начали обучение на дневных отделениях еще больше выпускников школ Новосибирска (94,4%) и 97,0% окончивших сельские школы. Такие высокие показатели планировавших и реализовавших свои установки на дневное обучение обязаны благоприятной ситуации поступления в условиях низкого, а порой и отсутствующего конкурса при приеме в профессиональные учебные заведения в этот период (связанного с демографической волной спада численности соответствующих возрастных когорт).

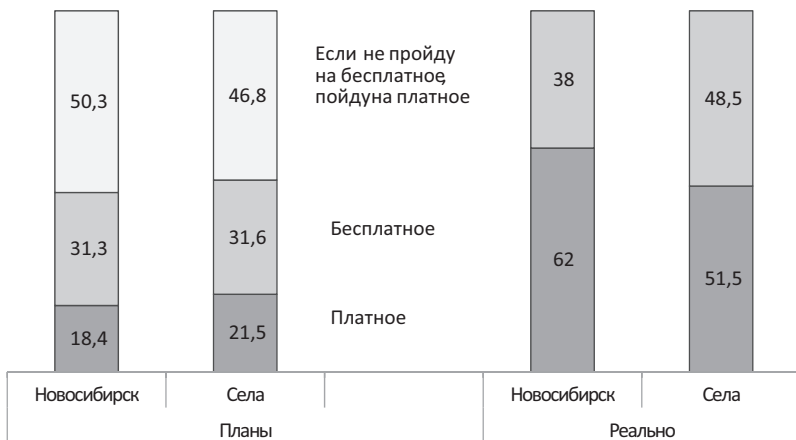
При поступлении наиболее искомymi являются бюджетные учебные места в государственных вузах и ССУЗах. Сельские юноши и девушки, видимо, опасаясь, что они менее конкурентоспособны, в сравнении с новосибирцами,

¹³¹ Первичные материалы Федерального агентства по статистике РФ.

в планах чаще ориентируются на платную учебу (21,5% против 18,4% — см. рис. 6.1.3). Вместе с тем, результаты поступления свидетельствуют, что они гораздо чаще добиваются более искомых — бюджетных учебных мест (48,5% против 38%). Можно предположить, что этот феномен связан с особенностями мотиваций молодых селян и других личностных факторов, к выявлению которых мы еще вернемся далее.

Рисунок 6.1.3

Выбор бюджетного или платного обучения в планах и в реальности выпускниками школ Новосибирска и сел области

Особенности демографической ситуации, выражающиеся в малочисленности контингентов молодежи, поступающей в вузы и ССУЗы, и их повышенных шансах на доступ к более привлекательным учебным местам, сказываются и на выборе между учебой в государственных и негосударственных учебных заведениях. Влияние этого общего для всей молодежи фактора, видимо, столь значительно, что как выпускники школ Новосибирска, так и сел области в своем преобладающем большинстве планируют и реально поступают в государственные учебные заведения. Ориентировались на них в своих образовательных стратегиях 87,3% молодых селян и 83,3% молодых новосибирцев (еще соответственно 9,9% и 13,1% отмечали компро-

миссное решение: «Если не поступлю в государственное учебное заведение, пойду в негосударственное»). Их реальный выбор оказался еще более успешным: поступили в государственные учебные заведения 92,3% выпускника из Новосибирска и 91,2% из сел области. Как видим, молодые сельские жители, объективно находящиеся в более ущемленных социально-культурных условиях в сравнении со своими сверстниками из крупного культурного центра — Новосибирска, демонстрируют равную с ними очень высокую конкурентоспособность!

Как было выявлено, преобладающей образовательной стратегией сельской молодежи теперь стала стратегия, уже долгие годы отмечающаяся у юношей и девушек больших городов — получение высшего образования. Между тем, для сегодняшних вузов (в отличие от прошлого) характерна большая дифференциация по качеству обучения. Официальной номинации уровней качества вузов нет. Тем не менее сегодня в научном и общественном дискурсе сложилась система обозначений вузов, которая несет на себе черты структурного упорядочивания. Так, на основе научных разработок предлагается выделять следующие основные типы университетов, институтов и их филиалов: массовые и коммерческие, полуэлитные, элитные¹³². Общественный дискурс выделяет престижные вузы, а также ведущие вузы, которые помещают на одном полюсе. На другом полюсе находятся наиболее слабые вузы, к которым относят большинство негосударственных вузов и наиболее слабые государственные вузы, а также большую часть филиалов. Есть много промежуточных позиций, где сосредоточены учебные заведения средней и низкой престижности, их еще называют «массовыми». Этими оценками, представлением о существующей шкале престижности вузов и связанными с нею различиями в качестве обучения и в степени их конкурентной доступности осознанно и латентно руководствуются выпускники средних школ при выстраивании своих образовательных стратегий. Для

¹³² Ключарёв Г. А. «Проблема мелюзги», образовательные неравенства и эффективность вузов как социально-экономические индикаторы // Вестник Института социологии. 2013. № 6. [online]. URL: <<http://www.vestnik.isras.ru/summary.html?jid=213>>.

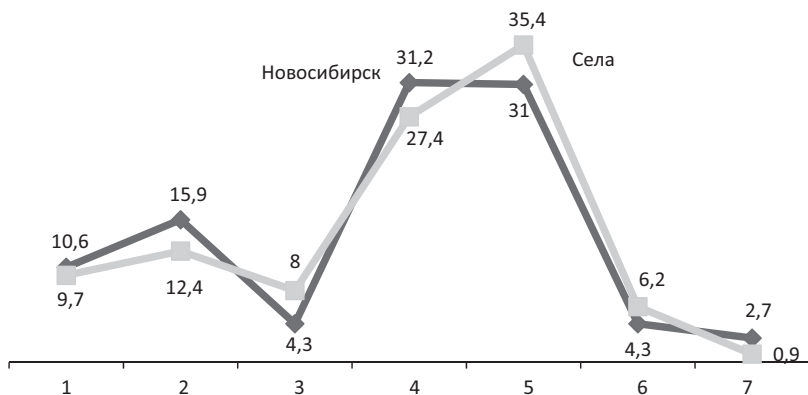
того, чтобы выяснить, хотя бы приблизительно, как эта структурная упорядоченность отражается в образовательных стратегиях молодежи, в операциональном плане был разработан на основе экспертных оценок (работников органов образования Новосибирска) ранг новосибирских вузов — от первого, высшего ранга до седьмого, низшего¹³³. По тем же семи позициям была закодирована информация и по вузам других городов, к которым обращалась очень небольшая часть опрошенных.

На рис. 6.1.4 приведены распределения по рангу вузов, отмеченных в планах опрошенных выпускников школ в селах и в Новосибирске. Респонденты могли в анкете указывать названия до трех вузов, в которые они собираются подавать документы для поступления. Все эти ответы учитывались в расчетах. Следует иметь в виду, что величина попавших в своем выборе в тот или иной ранг вузов зависит еще и от количества вузов, приписанных к тому или иному рангу. Так, наивысший первый ранг присвоен только одному, самому престижному Новосибирскому госу-

¹³³ Соответствующие ранги присвоены следующим вузам — 1: Новосибирский государственный университет; 2: Новосибирский государственный технический университет; 3: Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, Новосибирский институт торговли; 4: Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирская государственная консерватория, Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия, Новосибирский военный институт внутренних войск МВД России, Новосибирское высшее военное командное училище МО РФ; 5: Новосибирский государственный педагогический университет, Сибирская академия государственной службы, Сибирский институт управления, Новосибирский юридический институт (Филиал Томского государственного университета), Сибирский университет потребительской кооперации, Сибирский государственный университет телекоммуникаций, Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирский гуманитарный институт, Университет МЧС, Куйбышевский филиал Новосибирского государственного педагогического университета; 6: Новосибирская Государственная академия водного транспорта, Новосибирский государственный театральный институт, Сибирская государственная геодезическая академия; 7: Сибирская академия финансов и банковского дела, Сибирская академия управления массовыми коммуникациями, Филиал Санкт-Петербургской академии управления и экономики, Сибирский институт международных отношений и регионоведения, Сибирский независимый институт.

Рисунок 6.1.4

Планы на учебу в вузах выпускников школ Новосибирска и сел области: распределение по рангу вузов, в %

дарственному университету, второй ранг — также одному, следующему за ним по репутационной популярности Новосибирскому государственному техническому университету, а в следующие ранги попадает уже большее число вузов: в третий — два, в четвертый — 7, в пятый — 10, в шестой — 3, в седьмой — 5.

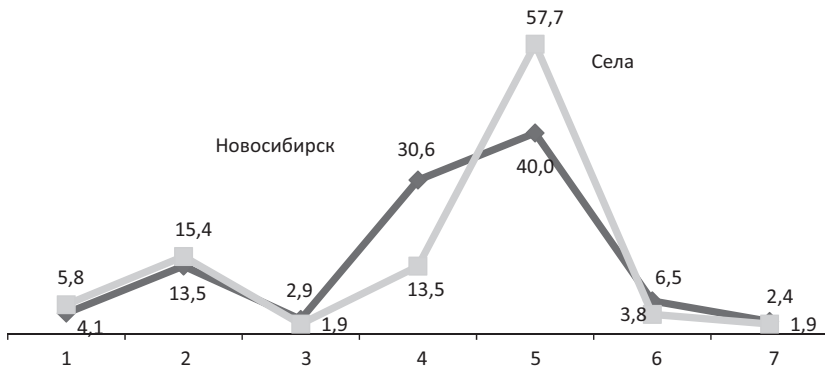
Существенной характеристикой планов на поступление в вуз является большая доля ориентирующихся на самые престижные учебные заведения и незначительная — на самые низко оцениваемые. Хотели бы учиться в целом в двух ведущих университетах (1-го и 2-го рангов) больше четверти старшеклассников Новосибирска и чуть меньше четверти сельских 11-классников, тогда как вузы 6-го и 7-го рангов привлекают всего 7% первых и 7,1% вторых. Безусловно, такие завышенные ожидания подпитываются информацией об относительно сниженных конкурсах даже в самых труднодоступных вузах, в связи с малочисленностью контингентов поступающих. Сельская молодежь, скромнее оценивающая свою конкурентоспособность, несколько сдержаннее в своих ориентациях на ранги вузов. Эта «сдержанность» проявляется ступенчато: по сравнению с новосибирцами при выборе вузов первых трех рангов она уступает по доле ориентирующихся на первые два, но обго-

няет по последнему в подгруппе — третьему; в подгруппе наиболее массовых отраслевых вузов четвертого и пятого рангов ориентации селян вновь ниже по начальному — четвертому — рангу и, напротив, выше по чуть более низкому — пятому рангу.

Результаты реального поступления в вузы, распределенного по их рангам, представлены на рис. 6.1.5. Обращает на себя внимание тот факт, что существенная часть сельской молодежи, очевидно наиболее подготовленная, добивается больших нежели новосибирцы, успехов в достижении учебных мест в наиболее престижных вузах. В вузы первого и второго рангов попадает 21,2% сельских выпускников, это чуть меньше, чем доля планировавших такой выбор (22,1%), а в НГТУ поступает даже больше (15,4%), чем ориентировались на него (12,4%). Между тем, новосибирские выпускники в реальности оказываются в вузах первого и второго ранга существенно реже (17,6%), нежели планировали (26,5%). На другом полюсе — в вузах низкой престижности, шестого и седьмого рангов, также отмечается небольшое преимущество селян: доля попавших в эти вузы у них ниже (5,7%), чем у новосибирцев (8,9%). Вместе с тем, в подгруппе вузов наиболее массового выбора сельская молодежь уступает юношам и девушкам из Новосибирска: соотношение по

Рисунок 6.1.5

Реальный выбор вузов выпускниками школ Новосибирска и сел области: по рангу вузов, в %

павших в учебные заведения четвертого и пятого рангов у выпускников сельских школ сильно скошено в пользу пятого ранга (12,5% к 57,7%), а у новосибирцев — более уравновешенно (30,6% к 40%). Тот факт, что больше половины сельских выпускников в реальности оказываются в вузах, отнесенных к пятому рангу, отчасти объясняется тем, что среди них многие выбирают специальности, по которым ведется подготовка в педагогическом университете — НГПУ, находящемся в Новосибирске и его филиале, расположенном в г. Куйбышев. Кроме того, специальности в сфере экономики, менеджмента, финансов они чаще получают во вновь созданных вузах — Сибирской академии государственной службы, Сибирском институте управления и др. (отнесенных к пятому рангу), в то время как новосибирские выпускники к этим сферам деятельности чаще готовятся в одном из старейших и репутационных вузов — Новосибирском государственном университете экономики и управления.

В охарактеризованных образовательных стратегиях сельских выпускников, безусловно, отражается то обстоятельство, что среди них несколько большее число лиц, нежели среди новосибирцев, имеют преимущества при поступлении в вуз — соответственно 35,4% и 28,2%. Поступают в вуз по целевому набору 15,2% селян и 9,7% новосибирцев, относятся к льготным категориям соответственно 12,7% и 5,6% и являются призерами олимпиад 8,9% выпускников сельских школ и 7,9% — новосибирских. Вместе с тем, следует иметь в виду, что для сельской молодежи учеба в вузах означает переезд из родного дома в город, главным образом в Новосибирск. То есть им приходится преодолевать гораздо большие барьеры, сталкиваться с проблемами жизнеустройства и жизнеобеспечения в более раннем возрасте, чем новосибирцам.

6.2. Образовательные стратегии и статус родителей

Как видим, в обнаруженных характеристиках образовательных стратегий выпускников сельских школ 2013 г. в сравнении с таковыми выпускников школ крупнейшего города Новосибирска гораздо больше общих черт, чем

специфических отличий. Между тем еще пятнадцать лет назад образовательные ориентации и реальный выбор учебы в профессиональных учебных заведения сельской молодежи специфически отличались от планов и образовательного поведения молодых новосибирцев. Возникает естественный вопрос о причинах и факторах такого явления.

Напомним, что по результатам аналогичного социологического обследования 1998 г. обнаруженные тогда существенные отличия в структуре планов на образование сельской молодежи от городской объяснялись тем, что они формировалась как под влиянием более «слабой» образовательной инфраструктуры и более низкого качества школьного обучения, особенностей рынка труда и спроса на кадры разной квалификации, характерных для села, так и по причине специфичного социального состава выпускников сельских школ. Среди выпускников сельских школ, в сравнении с их сверстниками из Новосибирска, было гораздо меньше тех, кто принадлежал по своему социально-профессиональному происхождению к высоким стратам социальной иерархии, и, напротив существенно больше был удельный вес занимающих ее нижние этажи (см. табл. 6.2.1, первый и второй столбцы цифр). По результатам исследования 1998 г. больше половины сельских выпускников составляли выходцы из семей служащих и рабочих и только по одной десятой приходилось соответственно на руководителей и на специалистов с высшим образованием, при этом еще почти одну пятую составляли юноши и девушки из семей мелких собственников. У молодежи, оканчивавшей средние школы Новосибирска, наблюдалась практически обратная картина: более половины приходилась на детей руководителей и специалистов с высшим образованием, менее трети — на детей служащих и рабочих и немного — около одной десятой — на детей мелких собственников. Тогда, ссылаясь на ряд исследований¹³⁴, мы объясняли, что для разных социальных групп характерны свои преобладающие системы ценностей, в том числе ценности образования и представления

¹³⁴ См. например *Hyman, H.H. The Value Systems of Different Classes // Class, Status, and Power / Ed. By R. Bendix, S.M. Lipset. N.Y: The Free Press, 1966. P. 488-499.*

Таблица 6.2.1

Социально-профессиональный статус семей выпускников школ Новосибирска и сел области в 1998 и 2013 гг., %

Статус	1998		2013	
	Села	Новосибирск	Села	Новосибирск
Руководители	11,4	26,3	13,5	16,3
Специалисты с высшим образованием	10,1	29,7	20,3	26,1
Специалисты со средним специальным образованием и служащие	29,1	20,1	12,2	17,8
Работники торговли, сферы обслуживания, ЖКХ			5,4	5,4
Представители армии, полиции, таможни и т.п.			5,4	5,4
Владельцы бизнеса	19,0	12,4	18,9	13,4
Рабочие	30,4	11,5	24,3	15,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

о его роли в достижении жизненных целей. В нашем исследовании 1998 г. при ответе на вопрос «Каковы, по Вашему мнению, пути достижения успеха в жизни?» респонденты в числе прочих могли выбрать ответ: «много учиться и повышать уровень своего образования». Доля выбравших именно этот ответ выразительно варьировала в зависимости от социально-профессионального происхождения молодежи: она была максимальна у детей специалистов (44,2%), высокая — у детей руководителей (42,6%), снижалась у детей служащих (38,3%), еще ниже — у детей рабочих (34,4%) и совсем была небольшая у детей мелких собственников (24,1%). Тогда сниженные устремления в образовательных стратегиях сельской молодежи мы относили, наряду с иными обстоятельствами, на счет того, что большая часть этой группы принадлежала к выходцам из более низко статусных слоев, придающих

меньшую ценность образованию. Как на этот счет обстоит дело сегодня?

Прежде всего, из сравнения по социально-профессиональному статусу семьи нынешних выпускников средних школ Новосибирска и сел области (см. табл. 6.2.1, третий и четвертый столбцы цифр) следует, что оба распределения в 2013 г. оказываются относительно схожими, во всяком случае — гораздо более схожими, чем таковые были в 1998 г. Если в 1998 г. доля семей руководителей у сельской молодежи была почти втрое ниже, чем у молодых новосибирцев, то в 2013 г. она меньше всего на 2,8 процентных пункта (хотя различия гораздо больше по доле руководителей высшего уровня). Почти такое же положение относительно представителей семей специалистов с высшим образованием: соответствующие показатели у выпускников сел пятнадцать лет назад были почти втрое ниже, а в 2013 г. — только на 5,8 процентных пункта. На другом полюсе — выходцев из рабочих семей в 1998 г. было почти втрое больше среди сельских юношей и девушек, в сравнении с новосибирцами, а в 2013 г. больше только в полтора раза.

На динамику изменений к 2013 г. социально-профессионального состава по происхождению выпускников средних школ Новосибирска и сел области и связанных с ними обнаруженных выше изменений ориентаций и реального поведения молодежи в сфере образования влияло множество факторов. Среди них — общий рост благосостояния населения, позволяющий родительской семье гораздо дольше содержать обучающегося ребенка, а также нередко и платить за получаемое образование, переход на «подушевое» финансирование общеобразовательной школы, заинтересованной теперь в «удержании» учащихся; большое расширение таких форм профессионального образования, как отчасти система среднего специального и главным образом высшего образования; воздействие демографического спада численности сверстников. Эти и ряд других факторов проявились в том, что перемены в социальном составе выпускников школ в селах и в Новосибирске происходили разнонаправленно. Состав выпускников средних школ Новосибирска стал более «демократичным», то есть

в нем теперь несколько больше представителей из семей рабочих, работников торговли, сферы обслуживания, военных и полицейских, служащих и, напротив, несколько меньше выходцев из семей специалистов с высшим образованием и существенно меньше — из семей руководителей. То есть до окончания дневной 11-летки стали «добегать» больше представителей всей возрастной когорты в результате уменьшившегося отсева из дневной средней школы. Иным представляется движение когорты по классам дневной школы на селе. Здесь, как следует из данных опроса, представленных в табл. 6.2.1, к выпуску из 11 класса социальный состав учащихся изменился таким образом, что в нем стало гораздо больше представителей «элитных» групп и слоев (специалистов с высшим образованием) и меньше выходцев из низкостатусных слоев (рабочих); пропорции распределения сельских выпускников по социальному происхождению стали по многим позициям схожими с таковыми у новосибирцев. Можно предположить, что большая часть учащихся из «демократических», то есть более низко статусных слоев населения покинула дневную школу до ее ступени, обеспечивающей полное среднее образование¹³⁵. Возможно, существенное ослабление конкурсной ситуации при приеме в ССУЗы и технические лицей на базе основного образования в результате спада демографической волны сверстников позволило гораздо большему, чем раньше, числу выпускников сельской 9-летки уйти из дневной школы, поступив в эти учебные заведения. Именно представители низко статусных и массовых слоев сельского населения обнаруживают стремление к более ранней профессионализации и началу трудовой деятельности¹³⁶. Видимо в результате действия

¹³⁵ Расчеты на основе первичных данных Федерального агентства по статистике РФ показывают, что в 2010 г. окончили 11 классов средних школ в городах 52,6% тех, кто двумя годами ранее завершили основное образование, а в селах соответственно 47,0%.

¹³⁶ Косвенно это подтверждают результаты нашего исследования рабочей молодежи (опрос тысячи молодых рабочих промышленных предприятий в 13 регионах РФ в 2009 г. и интервьюирование 62 человек в 2010 г. — рук. Д.Л. Константиновский): те из них, кто мигрировали из сел, начинали свою трудовую жизнь (в том числе поступая в ПУ и ССУЗы) после окончания 9-летки (иногда даже ранее); они принадлежали к низкостатусным слоям по своему происхождению.

указанных факторов на селе проявилось в том, что к окончанию 11 класса в дневной школе стала оставаться только та часть сельских сверстников, которая целеустремленно ориентируется на последующее поступление главным образом в вузы. Именно этим обстоятельством во многом объясняется та существенная степень схожести характеристик образовательных стратегий выпускников сельских средних школ и школ Новосибирска, которая на материалах обследования 2013 г. была продемонстрирована выше.

6.3. Ценности образования у выпускников дневных сельских школ

Важным фактором образовательных стратегий молодежи является мотивационная, ценностная составляющая, которая определяет целеустремленность действий, вкладываемые усилия, в конечном счете управляет поведением. Как указывалось выше, обследование пятнадцатилетней давности выявило, что с понижением социального статуса семей юношей и девушек они были склонны придавать все меньшую ценность образованию в достижении жизненных успехов. Какие представления на этот счет обнаруживают результаты социологического обследования 2013 г.?

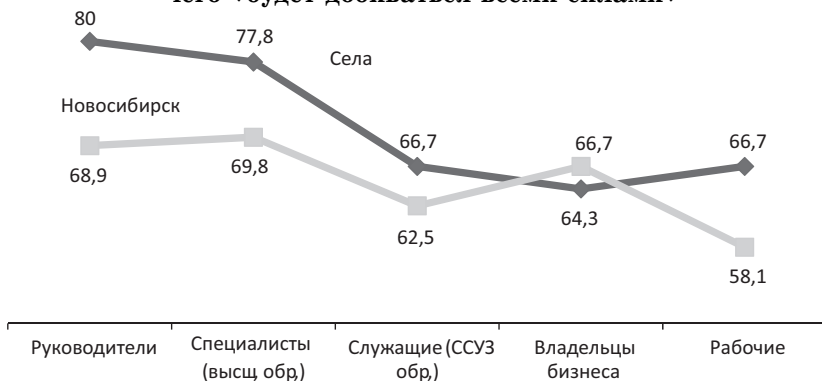
Одним из вопросов анкеты респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Что в жизни важно для Вас, чего Вы будете добиваться?». При этом надо было отметить свое мнение по шкале от «Буду добиваться всеми силами» до «В моих жизненных планах этого нет» по каждой из тринадцати различных позиций. Рассмотрим, насколько часто юноши и девушки отмечали мнение «Буду добиваться всеми силами» по каждой позиции. На первое место среди всех опрошенных вышла позиция «Воспитать хороших детей» (78,0%), на второе — «Получить хорошо оплачиваемую работу» (72,0%), на третье — «Иметь интересную работу» (71,2%), четвертое — «Создать счастливую семью» (68,4%) и на пятое — «Получить хорошее образование» (64,1%).

Отмечают, что будут добиваться всеми силами получить хорошее образование 70,6% выпускников сельских школ и 61,8% выпускников школ Новосибирска. Очень высокая доля придающих большую ценность образованию в систе-

ме жизненных целей отмечается у всех подгрупп сельской молодежи, различающихся социально-профессиональным статусом своих семей (см. рис. 6.3.1). Хотя этот показатель несколько уменьшается по мере снижения статуса родительской семьи (с 80,0% у детей руководителей до 66,7% у детей рабочих), он в целом остается значительным по величине у всех. Кроме того, мы видим, что почти по всем подгруппам разного статуса представители сельской молодежи выше оценивают значимость образования, нежели их сверстники из Новосибирска. Исключение составляют дети владельцев бизнеса, что, видимо, связано с тем, что в Новосибирске в этой подгруппе гораздо больше, чем в селах, детей из семей владельцев среднего бизнеса, в то время как на селе существенно преобладают представители малого бизнеса.

Рисунок 6.3.1

Доля отметивших среди жизненных ценностей
«Получить хорошее образование» в качестве того,
чего «будет добиваться всеми силами»

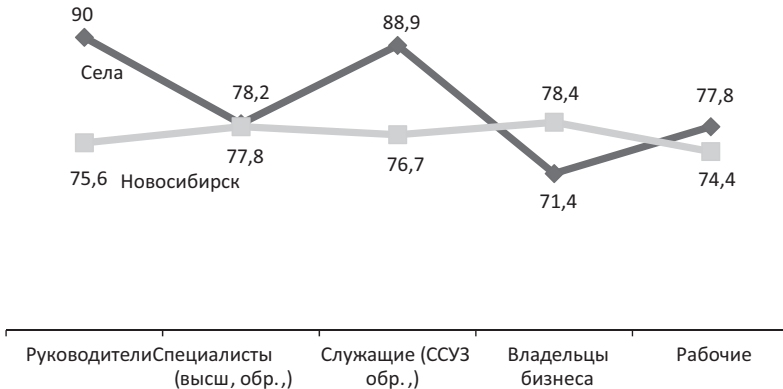
Эти данные подтверждают, что к окончанию дневной 11-летней школы в ее стенах остаются главным образом те юноши и девушки, которые, прежде всего, существенно выше своих ушедших из школы сельских сверстников ценят образование (и поэтому инвестируют в него), и это относится к представителям разных по своему социально-профессиональному происхождению подгрупп молодежи.

Сегодня в представлениях молодежи ценность хорошего образования тесно связана со стремлением получить хорошо вознаграждаемую работу. Отмечают, что будут

стараться всеми силами получить хорошо оплачиваемую работу почти в одинаковой мере как сельские (75,3%), так и новосибирские выпускники средних школ. Мнение на этот счет представителей разных социальных подгрупп в Новосибирске практически едино (см. рис. 6.3.2). На селе показатели чуть больше колеблются, при этом дети сельских руководителей, служащих со средним специальным образованием и отчасти рабочих существенно выше, чем новосибирцы, оценивают значимость получения хорошо оплачиваемой работы. Это еще одно дополнительное свидетельство того, что ради этой цели выбравшие на селе путь окончания дневной средней школы — это молодежь осознанно и целенаправленно ориентирующаяся на ценности образования.

Рисунок 6.3.2

Доля отметивших среди жизненных ценностей
 «Получить хорошо оплачиваемую работу» в качестве того,
 чего «будет добиваться всеми силами»

Большая степень схожести представлений и характеристик образовательных стратегий выпускников сельских школ и выпускников школ Новосибирска, которую обнаружили выше приведенные материалы обследования, может быть дополнена еще одним показателем. Ответы респондентов на вопрос анкеты «Какое образование Вы считаете достаточным для успеха в жизни?» выявляют их представления на этот счет. Как видно из данных табл. 6.3.1, в целом мнения сельской молодежи и юношей и

девушек из Новосибирска более схожи, чем различны. Образование, которое уровнем ниже, чем среднее специальное, они очень редко оценивают в качестве достаточного для успеха в жизни (4,8% и 9,1% соответственно), напротив, таковым большинство считает наличие одного высшего и более высокое образование (65,8% и 69,1% соответственно). Одинаковое число сельских и городских юношей и девушек затруднились высказать свое мнение на этот счет (18%).

Таблица 6.3.1

«Какое образование Вы считаете достаточным для успеха в жизни?», ответы выпускников Новосибирска и сел области, %

Ответы:	Села	Новосибирск
Основная школа (9 классов)	1,2	2,0
Средняя школа (11 классов)	1,2	6,5
Технический лицей, профессиональное училище	2,4	0,6
Среднее специальное образование – техникум, колледж, училище	10,6	3,9
Один вуз (институт, университет, академия). Бакалавриат	12,9	20,2
Один вуз (институт, университет, академия). Магистратура	10,6	14,3
Один вуз (институт, университет, академия). Специалитет	23,5	15,2
Два вуза (институт, университет, академия)	18,8	16,9
Аспирантура, докторантура	–	2,5
Затруднились от	18,8	18,0
Итого	100,0	100,0

Некоторая специфика представлений сельских выпускников все же проявляется. В соотношении отметивших, с одной стороны, среднее специальное и, с другой, высшее (в сумме со вторым высшим и более высоким) образование оценки селян несколько смещены в сторону ССУЗа и немного уступают новосибирцам по величине отметивших высшее и более высокое образование: соответственно 10,6% к 65,8% у первых и 3,9% к 69,1% у вторых. При этом селяне, считающие достаточным для успеха в жизни наличие

одного высшего образования, отдают предпочтение вузовскому образованию по программам специалитета (23,5%), что, видимо, связано набором тех специальностей, к которым они стремятся. Это же сказывается на слабее выраженных у сельской молодежи предпочтений программ бакалавриата (12,9%) и магистратуры (10,6%), эти формы подготовки выше оценивают новосибирцы — соответственно 20,2% и 14,3%. Сельские выпускники несколько чаще отмечают в качестве достаточного для успеха в жизни второго высшего образования (18,8% в сравнении с 16,9% у новосибирцев). Вместе с тем, среди последних есть те, кто считает необходимым иметь послевузовское образование — аспирантуру и докторантуру, а на селе таких мнений не отмечается.

Итак, образовательные стратегии выпускников сельских дневных средних школ к настоящему времени существенно изменились в сравнении с пятнадцатилетней давностью, а тем более с тем, что наблюдалось еще в начале 1990-х годов. Они почти полностью стали схожими с образовательными стратегиями городской молодежи и даже молодежи такого крупнейшего городского центра как Новосибирск. Это происходило на фоне указанных выше факторов — улучшения экономического положения населения, изменений в стимулировании деятельности средней школы, расширения профессионального и главным образом высшего образования, воздействия демографического спада численности сверстников и др. Одним из их следствий стал интенсивный социальный и мотивационный отбор сельских школьников, когда, во-первых, большая часть сельской молодежи, ориентирующаяся на раннюю профессионализацию, стала покидать школу после получения основного образования, поскольку находила большое число привлекательных учебных вакансий в СПО, технических лицеях и ПУ; и во-вторых, продолжать обучение в дневной средней школе и оканчивать ее стала более «элитная» в социальном отношении, а также более и высоко мотивированная на образование часть сельских сверстников. Выпускники сельских средних школ, приблизившиеся по своим социальным характеристикам и ценностным установкам к своим сверстникам из Новосибирска, обнаруживают сегодня очень сходные с ними образовательные стратегии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой книге представлены результаты как только что осуществленного, так и проведенных в предшествующие годы исследований. Они охватывают, таким образом, вторую половину прошлого века и начало нынешнего. Все они имеют единую направленность: ожидания и намерения молодежи в начале жизненного пути и реальные образовательные и профессиональные траектории юношей и девушек. Эмпирическая основа исследований — осуществлявшиеся на протяжении пяти десятилетий опросы одного из контингентов российской молодежи — старшеклассников и выпускников дневных средних школ одного из развитых промышленных и сельскохозяйственных регионов — Новосибирской области.

Однако эта книга — не итог, не обобщение материалов всего исследовательского проекта. Авторы ставили своей целью представить лишь наиболее существенные из результатов, которые характеризуют изменения, происходившие в эти годы в самоопределении молодежи. Одной из наиболее важных задач было для нас уяснение перемен в экономической, социальной, демографической ситуации в нашей стране, в сфере образования, на рынке труда, которые оказались наиболее существенны для формирования жизненных стратегий молодежи. Нас интересовали изменения в устремлениях молодежи и ее действительных шагах при выборе дальнейшего пути. Нам представлялось важным уяснить особенности динамики социальной дифференциации при получении образования юношами и девушками разных поколений, обусловленные как происходившими глобальными переменами в социальной жизни страны, так и конкретными трансформациями в системе образования. Мы стремились концентрировать внимание на выявлении новых смыслов, которые современная молодежь вкладывает в формирование своих образовательных ориентаций и профессионального выбора, а также бытующих толкований и пониманий этих смыслов. Совершенствуя методы изучения привлекательности профессий и анализируя ее динамику, мы стремились выявить на основе эмпирических данных новые компоненты, из которых у современной молодежи складывается представление о радикально меняющемся мире занятий. Нас интриговало, каким об-

разом мотивации, с которых зарождается представление о будущих профессиональных и образовательных траекториях, «запускают механизм» практической деятельности человека, направляют ее к достижению планируемого результата. Мы попытались пристальнее взглянуть в особенности социокультурного развития Новосибирской области, специфику развития его системы образования и уяснить, как это сказывается на формировании образовательных стратегий молодежи.

Опыт работы в этом длительном и многоаспектном исследовании помогал нам в осуществлении других проектов, в частности, по изучению социальных проблем рабочей молодежи¹³⁷ и работающих студентов¹³⁸, а также ряда других. В то же время, материалы этих проектов так или иначе становились поводом или даже основой некоторых решений в исследовании, которое по сей день продолжает носить название сибирского.

Период, в котором нам дана экзистенциальная возможность жить, представляет собой характерную «эпоху перемен». Социолог разделяет со своими современниками все, что им выпало — и разнообразный новый и интересный опыт, и многие трудности, которым подвергают людей кардинальные социальные трансформации. В качестве исследователей мы имели прекрасную возможность наблюдать, как изменяются изучаемые нами процессы при трансформации внешних условий жизни. В то же время мы испытали на себе перемены как граждане, как родители и как специалисты в своей сфере деятельности; сам собой к нам приходил обильный материал для изучения. Стараясь обеспечить специальными социологическими методами и достаточным объемом статистики необходимую объективность и научную доказательность наших исследований, мы стремились преодолеть заинтересованный подход. Между тем, как известно, его редко удается избежать

¹³⁷ Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Рабочая молодежь России: количественное и качественное измерения. [Электронный ресурс]. — М.: ЦСИ. 2013. — 277 С. 1 CD ROM. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=327>.

¹³⁸ Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Российский студент сегодня: учеба плюс работа. М.: Изд-во ЦСП, 2002.

в том случае, когда социальные процессы описывает очевидец и вольный или невольный участник.

Исследование социальных проблем молодежи позволяет углубить актуальное для отечественной и мировой социологии понимание существенных аспектов социализации, формирования ценностных ориентаций и социального поведения юношей и девушек. Результат — получение информации о поколении, которое еще недостаточно изучено. В книге предпринято изложение как тех из полученных результатов, которые могут прояснить понимание нашего социума, так и тех, которые побуждают осознать еще не выявленное и надлежащее стать объектом дальнейшего изучения, то есть представляют собой «знание о незнании». В целом — сделана попытка принять участие в реализации, применительно к теме работы, тех функций социологии, которые становятся все более важными: анализ актуальных проблем общества, информирование общества о его состоянии и перспективах, участие в решении насущных задач.

Научное издание

**Константиновский Д.Л.,
Абрамова М.А.,
Вознесенская Е.Д.,
Гончарова Г.С.,
Костюк В.Г.,
Попова Е.С.,
Чередниченко Г.А.**

**НОВЫЕ СМЫСЛЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
СТРАТЕГИЯХ МОЛОДЕЖИ**

Коллективная монография

Издатель: Центр социального прогнозирования и маркетинга
127106, Москва, ул. Гостиничная, 9.
Тел. (495) 482-18-47
www.socioprognoz.ru
E-mail: info@sheregi.ru

Подписано в печать 26.01.15. Формат 60×100¹/₁₆. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 14,5. Тираж 250 экз.
Заказ

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП «Производственно-издательский комбинат
ВИНИТИ»-«Наука».
140014, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 40З.
Тел. (495) 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76